АРТУР КОНАН ДОЙЛ

СОБАКА БАСКЕРВИЛЕЙ

Собака Баскервилей
Артур Конан Дойл

Аннотация
Артур Конан Дойль. Собака Баскервилей
I. Мистер Шерлок Холмс
II. Проклятие над Баскервилями
III. Задача
IV. Сэр Генри Баскервиль
V. Три порванные нити
VI. Баскервиль-голль
VII. Стапльтоны из Меррипит-гауза
VIII. Первое донесение доктора Ватсона
IX. Второе донесение доктора Ватсона. Свет на болоте
X. Извлечение из дневника доктора Ватсона
XI. Человек на горе
XII. Смерть на болоте
XIII. Сети стягиваются
XIV. Собака Баскервилей
XV. Взгляд назад

Аннотация

«Мистер Шерлок Холмс, имевший обыкновение вставать очень поздно, за исключением тех нередких случаев, когда вовсе не ложился спать, сидел за завтраком. Я стоял на коврике перед камином и держал в руках трость, которую наш посетитель забыл накануне вечером. Это была красивая, толстая палка с круглым набалдашником. Как раз под ним палку обхватывала широкая (в дюйм ширины) серебряная лента, а на этой ленте было выгравировано: “Джэмсу Мортимеру, M. R. C. S. от его друзей из С. С. Н.” и год “1884”. Это была как раз такого рода трость, какую носят обыкновенно старомодные семейные доктора, – почтенная, прочная и надежная…»

Артур Конан Дойль
Собака Баскервилей

I. Мистер Шерлок Холмс

Мистер Шерлок Холмс, имевший обыкновение вставать очень поздно, за исключением тех нередких случаев, когда вовсе не ложился спать, сидел за завтраком. Я стоял на коврике перед камином и держал в руках трость, которую наш посетитель забыл накануне вечером. Это была красивая, толстая палка с круглым набалдашником. Как раз под ним палку обхватывала широкая (в дюйм ширины) серебряная лента, а на этой ленте было выгравировано: «Джэмсу Мортимеру, M. R. C. S. от его друзей из C. C. H.» и год «1884». Это была как раз такого рода трость, какую носят обыкновенно старомодные семейные доктора, — почтенная, прочная и надежная.

— Что вы с нею делаете, Ватсон?

Холмс сидел ко мне спиной, а я ничем не обнаружил своего занятия.

— Почему вы узнали, что я делаю? У вас, должно быть, есть глаза в затылке.

— У меня по крайней мере есть хорошо отполированный кофейник, и он стоит передо мною, — ответил он. — Но скажите мне, Ватсон,

что вы делаете с тростью нашего посетителя? Так как мы к несчастию упустили его визит и не имеем понятия о том, зачем он приходил, то этот знак памяти приобретает известное значение. Послушаем, какое вы составили представление о человеке, рассмотрев его трость.

— Я думаю, — сказал я, пользуясь, насколько мог, методом моего товарища, — что доктор Мортимер удачный пожилой врач, пользующийся уважением, раз знакомые оказали ему внимание этим подарком.

— Хорошо! — одобрил Холмс. — Прекрасно!

— Я также думаю, что он, вероятно, деревенский врач и делает много визитов пешком.

— Почему?

— Потому что эта трость, очень красивая, когда была новою, до того исцарапана, что вряд ли ее мог бы употреблять городской врач. Железный наконечник до того истерт, что, очевидно, с нею совершено не малое число прогулок.

— Совершенно здраво! — заметил Холмс.

— Затем на ней выгравировано «от друзей из С. С. Н.». Я полагаю, что эти буквы означают какую-нибудь охоту (hunt), какое-нибудь местное общество охотников, членам которого он, может быть, подавал медицинскую помощь, за что они

и сделали ему этот маленький подарок.

— Право, Ватсон, вы превосходите самого себя, — сказал Холмс, отодвигая стул и закуривая папироску. — Я должен сказать, что во всех ваших любезных рассказах о моих ничтожных действиях вы слишком низко оценивали свои собственные способности. Может быть, вы сами и не освещаете, но вы проводник света. Некоторые люди, не обладая сами гением, имеют замечательную способность вызывать его в других. Признаюсь, дорогой товарищ, что я в большом долгу у вас.

Никогда раньше не говорил он так много, и я должен сознаться, что слова его доставили мне большое удовольствие, потому что меня часто обижало его равнодушие к моему восхищению им и к моим попыткам предать гласности его метод. Я также гордился тем, что настолько усвоил его систему, что применением ее заслужил его одобрение. Холмс взял у меня из рук трость и рассматривал ее несколько минут невооруженным глазом. Затем, с выражением возбужденного интереса на лице, он отложил папиросу и, подойдя с тростью к окну, стал ее снова рассматривать в лупу.

— Интересно, но элементарно, — произнес он,

садясь в свой любимый уголок на диване. — Есть, конечно, одно или два верных указания относительно трости. Они дают нам основание для нескольких выводов.

— Разве я упустил что-нибудь из вида? — спросил я с некоторою самонадеянностью. — Полагаю, — ничего важного?

— Боюсь, дорогой Ватсон, что большинство ваших заключений ошибочно. Я совершенно искренно сказал, что вы вызываете во мне мысли, и, замечая ваши заблуждения, я случайно напал на истинный след. Я не говорю, что вы вполне ошиблись. Человек этот, без сомнения, деревенский врач, и он очень много ходит.

— Так я был прав.

— Настолько, да.

— Но это же и все.

— Нет, нет, милый Ватсон, не все, далеко не все. Я, например, сказал бы, что подарок доктору сделан скорее от госпиталя, чем от охотничьего общества, и раз перед этим госпиталем поставлены буквы С. С., то само собою напрашиваются на ум слова «Чэринг-Кросс» (Charing-Cross Hospital).

— Вы, может быть, правы.

— Все говорит за такое толкование. И если мы примем его за основную гипотезу, то будем иметь

новые данные для восстановления личности этого неизвестного посетителя.

— Ну так, предполагая, что буквы С. С. Н. должны означать Чэринг-Кросский госпиталь, какие же мы можем сделать дальнейшие выводы?

— Разве вы не чувствуете, как они сами напрашиваются? Вы знакомы с моею системой — применяйте ее.

— Для меня ясно только одно очевидное заключение, что человек этот практиковал в городе, прежде чем переехать в деревню.

— Мне кажется, что мы можем пойти несколько дальше. Продолжайте в том же направлении. По какому случаю вероятнее всего мог быть сделан этот подарок? Когда друзья его могли сговориться, чтобы доказать ему свое расположение? Очевидно, в тот момент, когда доктор Мортимер покидал госпиталь с тем, чтобы заняться частной практикой. Мы знаем, что был сделан подарок. Мы полагаем, что доктор Мортимер променял службу в городском госпитале на деревенскую практику. Так будет ли слишком смелым вывод, сделанный из этих двух посылок, что доктор получил подарок по случаю этой перемены?

— Конечно, это, по-видимому, так и было.

— Теперь заметьте, что он не мог быть в штате

госпиталя, потому что только человек с прочно установившеюся практикою в Лондоне мог занимать такое место, а такой человек не ушел бы в деревню. Кем же он был? Если он занимал место в госпитале, а между тем не входил в его штат, то он мог быть только врачом или хирургом-куратором, — немногим более студента старшего курса. Он ушел из госпиталя пять лет назад, — год обозначен на трости. Таким образом, милый Ватсон, ваш почтенный, пожилой семейный врач улетучивается, и является молодой человек не старше тридцати лет, любезный, не честолюбивый, рассеянный и обладатель любимой собаки, про которую я в общих чертах скажу, что она больше терьера и меньше мастифа.

Я недоверчиво засмеялся, когда Шерлок Холмс, сказав это, прислонился к дивану и стал выпускать к потолку колечки дыма.

— Что касается до вашего последнего предположения, то я не имею средств его проверить, — сказал я, — но, по крайней мере, не трудно найти некоторые сведения о возрасте и профессиональной карьере этого человека.

С моей небольшой полки медицинских книг я взял врачебный указатель и открыл его на имени Мортимер; их было несколько, но только одно из

них могло относиться к нашему посетителю. Я прочел вслух следующие сведения о нем:

> «Мортимер, Джэмс, M. R. C. L., 1882, Гримпен, Дартмур, Devon, врач-куратор, с 1882 по 1884 в Чэринг-Кросском госпитале. Получил Джаксоновскую премию за сравнительную патологию с этюдом под заглавием: «Наследственна ли болезнь?» Член-кореспондент шведского патологического общества, автор статей: «Несколько причуд атавизма» (Ланцет, 1882), «Прогрессируем ли мы?» (Психологический журнал, март, 1883 г.). Служит в приходах Гримпен, Торелей и Гай Барро».

— Ни малейшего намека, Ватсон, на местное общество охотников, — сказал Холмс с саркастическою улыбкою, — но деревенский врач, как вы проницательно заметили. Я думаю, что мои выводы достаточно подтверждены. Что же касается до приведенных мною прилагательных, то, если не ошибаюсь, они были: любезный, нечестолюбивый и рассеянный. Я по опыту знаю, что в этом мире только любезный человек получает знаки внимания, только не честолюбивый покидает

лондонскую карьеру для деревенской практики и только рассеянный оставляет, вместо визитной карточки, свою трость, прождав вас в вашей комнате целый час.

— А собака?

— Имела обыкновение носить за своим господином эту трость. Так как эта трость тяжела, то собака крепко держала ее за середину, где ясно видны следы ее зубов. Пространство, занимаемое этими следами, показывает что челюсть собаки велика для терьера и мала для мастифа. Это, должно быть… ну да, конечно, это кудрявый спаньель.

Холмс встал с дивана и, говоря таким образом, ходил по комнате. Затем он остановился у окна. В его голосе звучала такая уверенность, что я с удивлением взглянул на него.

— Милый друг, как вы можете быть так уверены в этом?

— По той простой причине, что я вижу собаку на пороге нашей двери, а вот и звонок ее господина. Пожалуйста, не уходите, Ватсон. Он ваш коллега, и ваше присутствие может быть полезным для меня. Наступил, Ватсон, драматический момент, когда вы слышите на лестнице шаги человека, который должен внести что-то в вашу жизнь, и

вы не знаете, к добру ли это или нет. Что нужно доктору Джэмсу Мортимеру, человеку науки, от Шерлока Холмса, специалиста по преступлениям? — Войдите.

Вид нашего посетителя удивил меня, потому что я ожидал типичного деревенского врача. Он был очень высокого роста, тонкий, с длинным носом, похожим на клюв, выдававшимся между двумя острыми, серыми глазами, близко поставленными и ярко блестевшими из-за очков в золотой оправе. Он был одет в профессиональный, но неряшливый костюм: его сюртук был грязноват, а брюки потерты. Хотя он был еще молод, но спина его уже была сгорблена, и он шел, нагнув вперед голову, с общим выражением пытливой благосклонности. Когда он вошел, взгляд его упал на трость в руках Холмса, и он подбежал к ней с радостным возгласом:

— Как я доволен! Я не был уверен, здесь ли я ее оставил или в пароходной конторе. Я бы не хотел ни за что на свете потерять эту трость.

— Это, как видно, подарок, — сказал Холмс.

— Да, сэр…

— От Чэринг-Кросского госпиталя?

— От нескольких друзей, служащих там, по случаю моей свадьбы.

— Ай, ай, это скверно, — сказал Холмс, качая головой.

Глаза доктора Мортамера блеснули сквозь очки кротким удивлением.

— Почему же это скверно?

— Только потому, что вы разбили наши маленькие выводы. По случаю вашей свадьбы, говорите вы?

— Да, сэр. Я женился и оставил госпиталь, а вместе с ним и всякие надежды на практику консультанта. Это было необходимо для того, чтобы я мог завести свой собственный домашний очаг.

— Ага, так мы в сущности уже не так ошиблись, — сказал Холмс. Итак, доктор Джэмс Мортимер…

— Мистер, сэр, мистер… скромный врач.

— И очевидно человек с точным мышлением.

— Пачкун в науке, мистер Холмс, собиратель раковин на берегах великого неисследованного океана. Полагаю, что я обращаюсь к мистеру Шерлоку Холмсу, а не…

— Нет, это мой друг, доктор Ватсон.

— Очень рад, что встретил вас, сэр. Я слышал ваше имя в связи с именем вашего друга. Вы очень интересуете меня, мистер Холмс. Я с нетерпением ожидал увидеть такой доликоцефальный

череп и столь хорошо выраженное развитие надглазной кости. Вы ничего не будете иметь, если я проведу пальцем по вашему теменному шву? Снимок с вашего черепа, пока оригинал его еще деятелен, составил бы украшение всякого антропологического музея. Я вовсе не намерен быть неделикатным, но признаюсь, что жажду вашего черепа.

Шерлок Холмс указал странному посетителю на стул и сказал:

— Я вижу, сэр, что вы восторженный поклонник своей идеи, как и я своей. Я вижу по вашему указательному пальцу, что вы сами скручиваете себе папиросы. Не стесняйтесь курить.

Посетитель вынул из кармана табак и бумажку, и с поразительною ловкостью скрутил папироску. У него были длинные дрожащие пальцы, столь же подвижные и беспокойные, как щупальцы насекомого.

Холмс молчал, но его быстрые взгляды доказывали мне, насколько он интересуется нашим удивительным гостем.

— Я полагаю, сэр, — сказал он, наконец, — что вы сделали мне честь придти сюда вчера вечером и опять сегодня не с исключительной целью исследовать мой череп?

— Нет, сэр, нет, хотя я счастлив, что получил и эту возможность. Я пришел к вам, мистер Холмс, потому, что признаю себя непрактичным человеком и потому, что я внезапно стал лицом к лицу с очень сериозной и необыкновенной задачей. Признавая вас вторым экспертом в Европе…

— Неужели, сэр! Могу я вас спросить, кто имеет честь быть первым? — спросил Холмс несколько резко.

— Но точно научный ум Бертильона будет всегда иметь сильное влияние.

— Так не лучше ли вам посоветоваться с ним?

— Я говорил, сэр, об уме точно научном. Что же касается до практически делового человека, то всеми признано, что вы в этом отношении единственный. Надеюсь, сэр, что я неумышленно не…

— Немножко, — сказал Холмс. — Я думаю, доктор Мортимер, что вы сделаете лучше, если, без дальнейших разговоров, будете добры просто изложить мне, в чем заключается задача, для разрешения которой требуется моя помощь.

II. Проклятие над Баскервилями

— У меня в кармане рукопись, — начал Джэмс Мортимер.

— Я это заметил, как только вы вошли в комнату, — сказал Холмс.

— Это старая рукопись.

— Не новее восемнадцатого столетия, если это только не подделка.

— Как могли вы это узнать, сэр?

— Все время, пока вы говорили, из вашего кармана выглядывало дюйма два этой рукописи. Плохим был бы я экспертом, если бы не мог указать на эпоху документа с точностью приблизительно до десяти лет. Может быть, вы читали мою небольшую монографию об этом. Я отношу этот документ к 1730 году.

— Точная его дата 1742. — При этом доктор Мортимер вынул документ из кармана. — Эта фамильная бумага была мне доверена сэром Чарльзом Баскервилем, внезапная и загадочная смерть которого около трех месяцев назад произвела такое возбуждение в Девоншире. Я могу сказать, что был его другом и врачом. Это был,

сэр, человек сильного ума, строгий, практичный и с столь же мало развитым воображением, как у меня самого. Между тем он сериозно отнесся к этому документу, и его ум был подготовлен к постигшему его концу.

Холмс протянул руку за рукописью и разгладил ее на своем колене.

— Заметьте, Ватсон, перемежающиеся длинные и короткие «S». Это одно из нескольких указаний, давших мне возможность определить дату.

Я посмотрел из-за его плеча на желтую бумагу и поблекшее письмо. В заголовке было написано: «Баскервиль-голль», а внизу, — большими цифрами нацарапано: «1742».

— Это имеет вид какого-то рассказа.

— Да, это рассказ одной легенды, которая в ходу в семействе Баскервиль.

— Но, насколько я понимаю, вы желаете посоветоваться со мною о чем-то более современном и практичном?

— О самом современном. О самом практическом спешном деле, которое должно быть решено в двадцать четыре часа. Но рукопись не длинная и тесно связана с делом. С вашего позволения я прочту ее вам.

Холмс прислонился к спинке кресла, сложил

вместе кончики пальцев обеих рук и закрыл глаза с выражением покорности. Доктор Мортимер повернул рукопись к свету и стал читать высоким, надтреснутым голосом следующий любопытный рассказ:

«Много говорилось о происхождении Баскервильской собаки, но так как я происхожу по прямой линии от Гюго Баскервиля, и так как я слышал эту историю от моего отца, а он от своего, то я изложил ее с полною уверенностью, что она произошла именно так, как тут изложена. И я бы желал, чтобы вы, сыновья мои, верили в то, что та же самая Справедливость, которая наказывает грех, может также милостиво простить его, и что нет того тяжелого проклятия, которое бы не могло быть снято молитвою и раскаянием. Так научитесь из этого рассказа не страшиться плодов прошлого, но скорее быть предусмотрительными на счет будущего, дабы скверные страсти, от которых так жестоко пострадал наш род, не были снова распущены на нашу погибель.

Итак, знайте, что во время великого восстания (на историю которого, написанную ученым лордом Кларендоном, я должен сериозно обратить ваше внимание) поместье Баскервиля находилось во владении Гюго Баскервиля, самого необузданного, нечестивого безбожника. Эти качества соседи простили бы и ему, потому что они никогда не видели, чтобы святые процветали в этой местности, но он отличался таким жестоким развратом, что имя его сделалось притчей на всем Западе. Случилось так, что Гюго полюбил (если можно выразить столь прекрасным словом его гнусную страсть) дочь зажиточного крестьянина, арендовавшего земли близ Баскервильского поместья. Но молодая девушка, скромная и пользовавшаяся добрым именем, постоянно избегала его, страшась его дурной славы.

Однажды, в день Михаила Архангела, Гюго с пятью или шестью из своих бездельных и злых товарищей прокрался на ферму и похитил девушку, пока отец ее и братья были в отсутствии, что ему бы-

ло прекрасно известно. Девушку привезли в замок и поместили в комнате верхнего этажа, а Гюго и его друзья предались, по своему обыкновению, продолжительной ночной оргии. Между тем бедная девушка, слыша песни, крики и страшную ругань, доходившие до нее снизу, чуть с ума не сошла, потому что, когда Гюго Баскервиль был пьян, то, говорят, употреблял такие слова, которые могли сразить человека, слышавшего их. Наконец доведенная до крайнего ужаса, она сделала то, что устрашило бы самого храброго мужчину: при помощи плюща, покрывавшего (и поныне покрывающего) южную стену, она спустилась с карниза и побежала через болото по направлению к ферме своего отца, отстоявшей от замка на девять миль.

Немного позднее Гюго вздумал отнести своей гостье поесть и попить, – а может быть и еще что-нибудь худшее, и нашел клетку пустою, – птичка улетела. Им тогда точно овладел дьявол, и он, бросившись вниз, вбежал в столовую, вскочил на большой стол, опрокидывая бутылки и

кушанья, и закричал во все горло, что он готов в эту же ночь предать свое тело и душу нечистому духу, только бы ему удалось догнать девушку. Кутилы стояли разиня рот при виде бешенства своего хозяина, как вдруг один из них, более других злой, а может быть, более пьяный, закричал, что следовало бы выпустить на нее собак. Услыхав это, Гюго выбежал из дому и, вызывая конюхов, приказал им оседлать его кобылу и выпустит собак. Когда это было сделано, он дал собакам понюхать головной платок девушки, толкнул их на след и с громким криком полетел по болоту, освещенному луной.

Кутилы продолжали стоять, вытаращив глаза, не понимая, что такое было предпринято столь поспешно. Но вдруг их отяжелевшие мозги прояснились, и они отдали себе отчет в том, что должно совершиться на болоте. Все взволновались: кто требовал свой пистолет, кто свою лошадь, а кто еще бутылку вина. Наконец, они пришли в себя и всею гурьбою (тринадцать всего человек) сели на лошадей и пустились догонять Гюго. Ме-

сяц ясно светил над ними, и они быстро скакали все рядом по тому направлению, по которому обязательно должна была бежать девушка, если она хотела вернуться домой.

Они проскакали две-три мили, когда встретили одного из ночных пастухов на болоте и спросили его, не видал ли он охоты, История гласит, что человек этот был до того поражен страхом, что еле мог говорить, но, наконец, сказал, что видел несчастную девушку и собак, бежавших по ее следам. «Но я видел еще больше этого, – прибавил он, – Гюго Баскервиль обогнал меня на своей вороной кобыле, а за ним молча бежала собака, – такое исчадие ада, какое не дай мне Бог никогда видеть за своими пятами». Пьяные помещики выругали пастуха и продолжали свой путь. Но вскоре по их коже пробежали мурашки, потому что они услыхали быстрый стук копыт и тотчас же увидели на болоте скакавшую мимо них вороную кобылу, забрызганную белой пеной, с волочащимися поводьями и пустым седлом. Кутилы собрались теснее

друг к другу, потому что их обдал страх, но они все-таки продолжали подвигаться по болоту, хотя каждый, будь он один, рад был бы повернуть обратно. Они ехали медленно и, наконец, добрались до собак. Хотя они все были знамениты своею смелостью и дрессировкой, однако же, тут, собравшись в кучу, выли над выемкой в болоте, некоторые отскакивали от нее, другие же, дрожа и вытаращив глаза, смотрели вниз.

Компания, протрезвившаяся, как можно думать, остановилась. Большинство всадников ни за что не хотело двигаться дальше, но трое из них, самых смелых, а может быть, и самых пьяных, спустились во впадину. Перед ними открылось широкое пространство, на котором стояли большие камни, видимые там еще и теперь и поставленные здесь в древние времена каким-нибудь забытым народом. Месяц ярко освещал площадку, и в центре ее лежала несчастная девушка, упавшая сюда мертвою от страха и усталости. Но волосы поднялись на головах трех дьявольски смелых бездельников не

от этого вида и даже не от того, что тут же, рядом с девушкою, лежало тело Гюго Баскервиля, а потому, что над Гюго стояло, трепля его за горло, отвратительное существо, похожее на собаку, но несравненно крупнее когда-либо виденной собаки. Пока всадники смотрели на эту картину, животное вырвало горло Гюго Баскервиля и повернуло к ним голову с горящими глазами и разинутою челюстью, с которой капала кровь. Все трое вскрикнули от ужаса и ускакали, спасая жизнь, и долго крики их оглашали болото. Один из них, говорят, умер в ту же ночь от того, что он видел, а двое остальных на всю жизнь остались разбитыми людьми.

Такова, сыновья мои, легенда о появлении собаки, которая с тех пор была, говорят, бичом нашего рода. Изложил я ее, потому что известное менее внушает ужаса, чем предполагаемое и угадываемое. Нельзя также отрицать, что многие из нашего рода погибли неестественною смертью, – внезапной, кровавой и таинственной. Но предадимся защите бесконечно благостного Провидения, которое не будет вечно наказывать невинного дальше третьего или четвертого поколения, как угрожает Священное Писание. А потому я поручаю вас, сыновья мои, этому Провидению и советую вам ради предосторожности не проходить по болоту в темные часы ночи, когда властвует нечистая сила.

(От Гюго Баскервиля его сыновьям Роджеру и Джону, с предупреждением ничего не говорить об этом сестре своей Елизавете)».

Когда доктор Мортимер окончил чтение этого странного рассказа, он сдвинул на лоб свои очки и пристально уставился в Шерлока Холмса. По-

следний зевнул и бросил окурок своей папироски в камин.

— Ну? — спросил он.

— Разве вы не находите это интересным?

— Для собирателя волшебных сказок.

Доктор Мортимер вынул из кармана сложенную газету и сказал:

— Теперь, мистер Холмс, мы вам дадим нечто более современное. Это «Хроника графства Девон» от 14-го мая нынешнего года. Она заключает в себе краткое сообщение о фактах, сопровождавших смерть сэра Чарльза Баскервиля.

Мой друг нагнулся несколько вперед, и на лице его выразилось напряженное внимание. Наш посетитель поправил очки и начал читать:

> «Недавняя скоропостижная смерть сэра Чарльза Баскервиля, которого называли вероятным кандидатом на ближайших выборах от Среднего Девона, набросила мрачную тень на всю страну. Хотя сэр Чарльз жил в своем поместье Баскервиль сравнительно недолго, но его любезность и крайняя щедрость привлекли к нему любовь и уважение всех, кто приходил с ним в соприкосновение. В настоящие

дни, изобилующие nouveaux riches,[1] утешительно видеть, когда потомок старой фамилии графства, претерпевшей тяжелые дни, способен сам составить свое состояние и вернуть своему роду его былое величие. Известно, что сэр Чарльз приобрел большой капитал спекуляциями в Южной Африке. Благоразумнее тех, кто не останавливается, пока колесо фортуны не повернется против них, он реализировал свои барыши и вернулся с ними в Англию. Он только два года назад поселился в Баскервиле, и все говорят об его широких планах перестройки и усовершенствований, прерванных его смертью. Сам бездетный, он громко выражал желание, чтобы, еще при его жизни, вся эта часть графства получала выгоду от его благосостояния, и многие имеют личные причины оплакивать его преждевременную кончину. О его щедрых пожертвованиях на благотворительные дела местные и во всем графстве часто говорилось на столбцах нашей газеты.

---

[1] Примечания: 1
Нувориши, букв. «новые богачи» *(фр.)*

Нельзя сказать, чтобы обстоятельства, связанные со смертью сэра Чарльза, были вполне выяснены следствием, но, по крайней мере, многое сделано для того, чтобы опровергнуть слухи, вызванные местным суеверием. Как бы то ни было, нет ни малейшего повода подозревать злодеяние или чтобы смерть произошла от чего-нибудь иного, кроме самых естественных причин. Сэр Чарльз был вдовец, и можно сказать, что в некоторых отношениях он был эксцентричным человеком: несмотря на свое богатство, он имел очень скромные вкусы, и весь его домашний штат прислуги в замке Баскервиль состоял из супругов Барримор, – муж был дворецкий, а жена экономкой. Из их показаний, подкрепленных свидетельством нескольких друзей, видно, что за последнее время здоровье сэра Чарльза стало ослабевать и что у него была какая-то болезнь сердца, проявлявшаяся изменениями цвета лица, удушьем и острыми приступами нервного упадка сил. Доктор Джэмс Мортимер, друг и врач покойного, показал то же самое.

Обстоятельства, связанные с этим случаем, очень просты. Сэр Чарльз Баскервиль имел обыкновение перед сном прогуливаться по знаменитой тисовой аллее. Барриморы свидетельствовали о такой привычке его. 14-го мая сэр Чарльз объявил о своем намерении ехать на другой день в Лондон и приказал Барримору уложить вещи. Вечером он отправился на свою обыкновенную ночную прогулку, в продолжение которой имел привычку курить сигару. С этой прогулки ему не суждено было вернуться. В двенадцать часов ночи, видя, что дверь в переднюю все еще открыта, Барримор стал беспокоиться и, засветив фонарь, отправился на поиски своего господина. День был сырой, и следы сэра Чарльза были ясно видны на аллее. На полпути по этой аллее есть калитка, выходящая на болото. Видно было, что сэр Чарльз останавливался тут не надолго, затем продолжал свою прогулку по аллее, и в самом конце ее было найдено его тело. Тут есть один только необъясненный факт, а именно показание Барримора о том, что, за калит-

кой, следы шагов сэра Чарльса изменили свой характер, и казалось, будто он шел не полной ступней, а только на носках. Некто Мерфи, цыган-барышник, находился в то время на болоте, недалеко от калитки, но, по собственному его признанию, он был мертвецки пьян. Он заявил, что слышал крики, но не был в состоянии определить, откуда они шли. На теле сэра Чарльза не было обнаружено никаких знаков насилия и, хотя свидетельство доктора указывало на невероятное почти искажение лица (настолько сильное, что доктор Мортимер сразу не узнал своего друга и пациента), но было выяснено, что такой симптом бывает в случаях удушья и смерти от паралича сердца. Такое объяснение было дано при вскрытии, доказавшем, что сэр Чарльз давно страдал органическим пороком сердца, и следователь постановил свое решение на основании медицинских показаний. Хорошо, что все так объяснилось, потому что крайне важно, чтобы наследник сэра Чарльза поселился в замке и продолжал доброе дело, столь грустно прерванное.

Если бы прозаический вывод следователя не положил конца романическим историям, которые нашептывались по поводу этой смерти, то трудно было бы найти владетеля для Баскервиля. Говорят, что ближайший родственник и наследник – сэр Генри Баскервиль, сын младшего брата сэра Чарльза. По последним известиям, молодой человек был в Америке, и теперь собираются сведения о нем для того, чтобы иметь возможность сообщить ему о его наследстве».

Доктор Мортимер сложил газету и положил ее обратно в карман.

— Таковы, мистер Холмс, обнародованные факты, относящиеся к смерти сэра Чарльза Баскервиля.

— Я должен принести вам свою благодарность, — сказал Шерлок Холмс, — за то, что вы привлекли мое внимание на случай, который представляет, конечно, несколько интересных данных. Я в то время видел мельком несколько газетных сообщений об этом, но был занят маленьким делом о ватиканской камее и, в своем желании угодить папе, упустил из вида несколь-

ко интересных английских дел. В этой статье, говорите вы, заключаются все обнародованные факты?

— Да.

— Так сообщите мне интимные сведения.

С этими словами Холмс снова прислонился к спинке кресла, сложил концы пальцев и принял самое бесстрастное судейское выражение.

— Делая это, — сказал Мортимер, начинавший выказывать сильное волнение, — я говорю то, чего никогда никому не доверял. Один из мотивов, по которому я это скрыл от следствия, заключается в том, что человеку науки крайне неприятно быть заподозренным в том, что он разделяет народное суеверие. Вторым мотивом было то, что Баскервильское поместье, как говорит о том газета, осталось бы без владельца, если бы что-нибудь усилило его и без того мрачную репутацию. По обеим этим причинам я думал, что имел право сказать менее, чем знал, раз практически ничего хорошего не вышло бы из моей откровенности, но от вас у меня нет никакой причины скрывать что бы то ни было.

Болото очень мало населено, и те, кто живут по соседству друг с другом, находятся в постоянном сношении. Поэтому я часто виделся с

сэром Чарльзом Баскервилем. За исключением мистера Франкланда из Лафтар-голля и мистера Стапльтона — натуралиста, нет ни одного интеллигентного человека на много миль. Сэр Чарльз вел уединенную жизнь, но его болезнь свела нас, а эту связь поддерживала общность наших интересов в науке. Он привез с собою из Южной Африки много научных сведений, и не мало провели мы прелестных вечеров, рассуждая о сравнительной анатомии бушмэна и готтентота.

В последние месяцы для меня становилось все яснее и яснее, что нервы сэра Чарльза были до последней крайности натянуты. Прочитанная мною вам легенда настолько подействовала на него, что хотя он ходил по всему пространству своих владений, но ничто не могло бы его заставить пойти ночью на болото. Как бы это ни казалось невероятным вам, мистер Холмс, он был искренно убежден, что ужасный рок тяготеет над его родом, и, конечно, то, что он рассказывал о своих предках, не могло действовать успокоительно. Его постоянно преследовала мысль о присутствии чего-то отвратительного, и не раз спрашивал он меня, не видел ли я во время своих врачебных странствований какого-нибудь странного существа или не слыхал ли я лая. Последний

вопрос ставил он мне несколько раз, и всегда голос его при этом дрожал от волнения.

Я хорошо помню, как недели за три до рокового происшествия я приехал к нему. Он стоял у выходной двери. Я сошел с брички и, стоя против него, увидел, что его глаза были устремлены за мое плечо, и в них читался страшный ужас. Я оглянулся и успел только мельком заметить что-то такое, что я принял за большого черного теленка, пробежавшего сзади экипажа. Сэр Чарльз был так взволнован и испуган, что я бросился к месту, на котором видел животное, чтобы поймать его. Но оно исчезло, и это происшествие произвело, казалось, на сэра Чарльза самое тягостное впечатление. Я просидел с ним весь вечер и по этому случаю, ради того, чтобы объяснить свое волнение, он вручил мне на хранение рукопись с повестью, которую я вам прочитал. Я упоминаю об этом маленьком эпизоде потому, что он приобретает некоторое значение в виду происшедшей впоследствии трагедии, но в то время я был убежден, что случай самый обыкновенный и что волнение сэра Чарльза не имело никакого основания.

Это я ему посоветовал отправиться в Лондон. Я знал, что сердце его было не в порядке, и по-

стоянный страх, под которым он находился, как бы ни была химерична его причина, очевидно, имел сильное влияние на его здоровье. Я думал, что после нескольких месяцев, проведенных в городских развлечениях, он вернется к нам обновленным человеком. Мистер Стапльтон, наш общий друг, также беспокоившийся о состоянии его здоровья, был того же мнения. В последнюю минуту перед отъездом случилась ужасная катастрофа.

В ночь смерти сэра Чарльза, дворецкий Барримор, нашедший его тело, послал конюха Перкинса верхом за мною, и так как я еще не ложился спать, то через час после происшествия был уже в замке Баскервиль. Я проверил и подтвердил все факты, которые были упомянуты на следствии. Я проследил за отпечатками шагов по тисовой аллее; я видел место у калитки, ведущей в болото, на котором, по-видимому, стоял сэр Чарльз; я заметил изменение формы следов, начиная с этого пункта, и удостоверился, что на мягком гравии не было никаких больше следов, кроме Барримора, и, наконец, я тщательно осмотрел тело, которого не трогали до моего прибытия. Сэр Чарльз лежал ничком, с распростертыми руками, пальцы его впились в землю, и черты лица были до-того

искажены каким-то сильным потрясением, что я бы не дал тогда клятвы в том, что вижу именно его. На теле действительно не оказалось никаких знаков насилия. Но одно показание Барримора на следствии было неправильным. Он сказал, что на земле вокруг тела не было никаких следов. Он не заметил никаких, я же заметил… на некотором расстоянии от тела, но свежие и отчетливые.

— Следы шагов?

— Шагов.

— Мужчины или женщины?

Доктор Мортимер как-то странно посмотрел на нас, и голос его понизился почти до шёпота, когда он ответил:

— Мистер Холмс, я видел следы шагов гигантской собаки.

III. Задача

Признаюсь, при этих словах я содрогнулся. Да и в голосе доктора слышалось легкое дрожание, доказывавшее, что и он глубоко взволнован тем, что нам рассказал. Холмс, возбужденный, нагнулся вперед, и глаза его блестели тем жестким, сухим блеском, какой всегда принимал его взгляд, когда он бывал сильно заинтересован.

— Вы их видели?

— Так же ясно, как вижу вас.

— И вы ничего не сказали?

— К чему?

— Каким образом могло случиться, что никто, кроме вас, не видел их?

— Отпечатки эти находились в двадцати приблизительно ярдах от тела, и никто не подумал о них. Полагаю, что и я бы не обратил на них внимания, если бы не знал легенды.

— На болоте много овчарок?

— Конечно, но то была не овчарка.

— Вы говорите, собака была большая.

— Громадная.

— Но она не подходила к телу?

— Нет.

— Какая была погода в ту ночь?

— Ночь была сырая.

— Но дождь не шел?

— Нет.

— Какой вид имеет аллея?

— Она состоит из двух линий тисовых живых непроницаемых изгородей, двенадцати футов высоты. Дорожка между ними имеет приблизительно восемь футов ширины.

— Есть ли что-нибудь между изгородями и дорожкою?

— Да, между ними тянется с обеих сторон полоска травы около шести футов ширины.

— Я понял, что в аллею есть доступ через калитку, проделанную в изгороди?

— Да, через калитку, которая выходит на болото.

— Существует ли какое-нибудь другое отверстие в изгороди?

— Нет никакого.

— Так что, для того, чтобы войти в тисовую аллею, надо спуститься от дома или войти через калитку с болота?

— Есть еще выход — через беседку на дальнем конце.

— Дошел ли сэр Чарльз до нее?

— Нет, он лежал в пятидесяти, приблизительно, ярдах от нее.

— Теперь скажите мне, доктор Мортимер, это очень важно: виденные вами следы были отпечатаны на дорожке, а не на траве?

— На траве нельзя было видеть никаких следов.

— Были ли они на стороне калитки?

— Да, на краю дорожки, с той же стороны, где и калитка.

— Вы чрезвычайно заинтересовали меня. Еще вопрос. Была ли заперта калитка?

— Заперта на замок.

— Как высока она?

— Около четырех футов.

— Так что можно перелезть через нее?

— Да.

— Не видели ли вы каких-нибудь следов у самой калитки?

— Ничего особенного.

— Царь Небесный! И никто не исследовал это место?

— Я сам осмотрел его.

— И ничего не нашли?

— Я был очень смущен. Было очевидно, что

сэр Чарльз стоял тут в продолжение пяти или десяти минут.

— Почему вы это узнали?

— Потому что пепел с его сигары успел упасть два раза.

— Прекрасно. Это, Ватсон, коллега нам по душе. Но следы?

— На всем этом маленьком кусочке гравия были видны одни только его следы. Я не видел никаких иных.

Шерлок Холмс ударил себя по колену с выражением досады и воскликнул:

— Ах, отчего меня там не было! Это, очевидно, необыкновенно интересное дело и такого рода, что оно представляет обширное поле для действий научному эксперту. Эта страница гравия, на которой я мог бы прочесть так много, давно уже стерта дождем и тяжелыми сапогами любопытных мужиков. Ах, доктор Мортимер, доктор Мортимер! Как это вы меня не призвали туда! На вас поистине лежит большая ответственность.

— Я не мог вас призвать, мистер Холмс, не обнаружив этих фактов во всеобщее сведение, а я уже высказал вам причины, по которым не хотел этого сделать. Кроме того, кроме того…

— Почему вы колеблетесь?

— Есть область, в которой самый проницательный и опытный сыщик беспомощен.

— Вы хотите сказать, что дело это сверхъестественное?

— Я этого собственно не сказал.

— Да, но, очевидно, думаете.

— Мистер Холмс! Со времени этой трагедии до моего сведения дошло несколько инцидентов, которые трудно примирить с естественным порядком вещей.

— Например?

— Я узнал, что до этого ужасного происшествия несколько человек видели на болоте существо, соответствующее этому Баскервильскому демону, существо, которое не может быть ни одним животным, известным науке. Все, кто видел его, говорили, что это громадное существо, светящееся, отвратительное и похожее на призрак. Я расспрашивал всех этих людей: один из них крестьянин, с крепкой головою, другой кузнец, третий фермер на болоте, и все они говорят одно и то же об этом странном привидении, и то, что они рисуют, в точности соответствует адской собаке из легенды. Уверяю вас, что в округе царит ужас, и отважен тот человек, который решится пройти ночью по болоту.

— И вы, человек науки, верите в то, что тут действует сверхъестественная сила?

— Я не знаю, что думать.

Холмс пожал плечами и сказал:

— До сих пор мои исследования ограничивались этим миром. Я в скромных размерах боролся против зла, но выступить против самого отца зла было бы, пожалуй, слишком самонадеянно с моей стороны. Однако же вы должны допустить, что следы ног были материальны.

— Собака-легенда была настолько материальна, что могла перегрызть человеку горло, а между тем она была исчадием диавола.

— Я вижу, что вы совершенно перешли на сторону сверхъестественников. Но, доктор Мортимер, вот что вы мне скажите: если вы придерживаетесь таких взглядов, зачем вы пришли ко мне за советом? Вы говорите мне, что бесполезно расследовать смерть сэра Чарльза, и одновременно просите меня это сделать.

— Я не сказал, чтобы вы произвели расследование.

— Так чем же я могу помочь вам?

— Советом, что мне делать с сэром Генри Баскервилем, который прибудет на станцию Ватерлоо — (доктор Мортимер посмотрел на свои часы) —

ровно через час с четвертью.

— Наследник?

— Да. По смерти сэра Чарльза мы собрали справки об этом молодом человеке и узнали, что он занимался фермерством в Канаде. Из добытых о нем сведений оказывается, что он во всех отношениях превосходный малый. Теперь я говорю не как врач, а как душеприказчик сэра Чарльза.

— Я полагаю, что нет больше претендентов на наследство?

— Нет. Единственный еще родственник, о котором нам удалось узнать, — Роджер Баскервиль, младший из трех братьев, из которых бедный сэр Чарльз был старшим. Второй брат, давно умерший, отец молодого Генри. Третий, Роджер, был уродом семьи. В нем текла кровь древнего властного рода Баскервилей, и говорят, что он походил, как две капли воды, на фамильный портрет старого Гюго. Он так вел себя, что ему пришлось бежать из Англии, и он умер в 1876 г. в Центральной Америке от желтой лихорадки. Генри — последний Баскервиль. Через час и пять минут я его встречу на Ватерлооской станции. Я получил телеграмму о том, что он прибудет сегодня утром в Саутгэмптон. Так что же вы посоветуете мне, мистер Холмс, делать с ним?

— Почему не отправиться ему в дом своих предков?

— Да, это кажется естественным, не правда ли? А между тем возьмите в соображение, что всех Баскервилей, живших там, постигал злой рок. Я уверен, что если бы сэр Чарльз мог говорить со мною в момент своей смерти, он попросил бы меня не привозить в это проклятое место последнего в роде и наследника крупного состояния. Однако же, нельзя отрицать, что благосостояние всей бедной, мрачной местности зависит от его присутствия. Все добро, сделанное сэром Чарльзом, пропадет даром, если не будет хозяина в Баскервиль-голле. Из боязни, что мною будет руководить мой собственный, очевидный интерес в этом деле, я и пришел вам рассказать все и попросить вашего совета.

Холмс подумал некоторое время, затем сказал:

— Говоря простыми словами, вы того мнения, что какое-то дьявольское наваждение делает из Дартмура опасное место для потомка Баскервилей, не правда ли?

— По крайней мере, я утверждаю, что обстоятельства указывают на то.

— Прекрасно. Но если ваше мнение о сверхъестественном правильно, то оно может нанести

зло молодому человеку так же легко в Лондоне, как и в Девоншире. Чёрт с чисто местною властью, наподобие приходского управления, был бы слишком непостижимым явлением.

— Вы отнеслись бы к делу не так легко, мистер Холмс, если бы вам пришлось лично войти в соприкосновение с данными обстоятельствами. Так ваше мнение таково, что безопасность молодого человека будет так же обеспечена в Девоншире, как и в Лондоне. Он приедет через пятьдесят минут. Что вы посоветуете?

— Я советую вам, сэр, взять кэб, позвать вашего спаньеля, который царапается у парадной двери, и поехать на Ватерлооскую станцию навстречу сэра Генри Баскервиля.

— А затем?

— А затем вы ровно ничего не скажете ему, пока я не обдумаю дело.

— А как долго вы будете обдумывать его?

— Двадцать четыре часа. Я буду очень обязан вам, доктор Мортимер, если завтра утром, в десять часов, вы придете сюда ко мне и приведете с собою сэра Генри Баскервиля; это было бы полезно для моих будущих планов.

— Я это исполню, мистер Холмс.

Он записал назначенное свидание на манжетке

своей рубашки и поспешно вышел свойственной ему странной походкой. Холмс остановил его на верхней площадке лестницы словами:

— Еще один только вопрос, доктор Мортимер. Вы сказали, что перед смертью сэра Чарльза Баскервиля несколько человек видели привидение на болоте?

— Трое видели его.

— А после этого видел ли его кто-нибудь?

— Я ничего не слыхал об этом.

— Благодарю вас. Прощайте!

Холмс вернулся к своему креслу с тем спокойным выражением внутреннего довольства, которое означало, что ему предстоит симпатичная работа.

— Вы уходите, Ватсон?

— Да, если я вам не нужен.

— Нет, друг мой, я только в минуту действия обращаюсь за вашею помощью. Но это роскошное дело положительно единственное с известных точек зрения. Не будете ли вы добры, когда пойдете мимо Брадлея, сказать ему, чтобы он прислал мне фунт самого крепкого табака? Благодарю вас. Было бы лучше, если бы вы нашли удобным не возвращаться до вечера. А тогда мне будет очень приятно сравнить наши впечатления о крайне

интересной задаче, которую предложили сегодня утром на наше решение.

Я знал, что одиночество необходимо для моего друга в часы интенсивной умственной сосредоточенности, в продолжение которых он взвешивает все частицы доказательств, строит различные заключения, взаимно их проверяет и решает, какие пункты существенно важны и какие не имеют значения. Поэтому я провел день в клубе и только вечером вернулся в улицу Бекер.

Было около девяти часов, когда я входил в нашу гостиную, и первым моим впечатлением было, что у нас пожар: комната до того была полна дымом, что свет лампы, стоявшей на столе, имел вид пятна. Но когда я вошел, то успокоился, так как закашлялся от едкого табачного дыма. Сквозь туман смутно обрисовалась фигура Холмса в халате; он сидел, скорчившись в кресле, с черною глиняною трубкою в зубах. Вокруг него лежало несколько свертков бумаг.

— Что, простудились, Ватсон? — спросил он.

— Нет, я кашляю от отравленной атмосферы.

— Да, теперь, как вы сказали, и я нахожу ее несколько тяжелою.

— Тяжелою! Она невыносима!

— Так откройте окно. Я вижу, что вы целый

день были в вашем клубе.

— Милый Холмс!

— Разве я не прав?

— Конечно, правы, но как…?

Он засмеялся от моего недоумения.

— Вы распространяете вокруг себя, Ватсон, такую восхитительную свежесть, что приятно упражнять свои небольшие способности на ваш счет. Джентльмен выходит из дому в дождливую погоду и грязь; возвращается же он вечером со шляпою и сапогами, не утратившими свой лоск. Значит, он целый день не двигался. У него нет близких друзей. Где же мог он быть? Разве это не очевидно?

— Да, пожалуй, что и очевидно.

— Свет полон очевидностей, которых никто не замечает. Как вы думаете, где был я?

— Также не двигались с места.

— Напротив, я был в Девоншире.

— Мысленно?

— Именно. Мое тело оставалось в этом кресле и, как я, к сожалению, вижу, истребило в мое отсутствие две больших кружки кофе и невероятное количество табаку. Когда вы ушли, я послал к Стамфорду за артиллерийскою картою этой части болота, и мой ум целый день бродил

по нему. Я могу похвастать, что не заблужусь на его дорогах.

— Это карта большого масштаба, вероятно?

— Очень большого. — Он развернул часть ее на своих коленях. — Здесь вот тот участок, который нас интересует, а вот и Баскервиль-голль в середине.

— С лесом вокруг него?

— Именно. Я полагаю, что тисовая аллея, не обозначенная на карте под этим названием, идет вдоль этой линии, с болотом на правой ее стороне, как вы видите. Эта кучка строений, — деревушка Гримпен, в которой живет наш друг, доктор Мортимер; на пять миль в окружности, как вы видите, находится очень немного разбросанных жилищ. Вот Лафтар-голль, о котором было упомянуто в рассказе. Тут обозначен дом, который, может быть, принадлежит натуралисту Стапльтону, если я верно припомнил его имя. Здесь две фермы на болоте, — Гай-Тор и Фаульмайр. А в четырнадцати милях далее находится большая Принцтаунская тюрьма. Между и вокруг этих разбросанных пунктов лежит мрачное, безжизненное болото. Тут, наконец, находится сцена, на которой разыгралась трагедия, и на которой мы попробуем ее воспроизвести.

— Это, должно быть, дикое место.

— Да, обстановка подходящая. Если чёрт желал вмешаться в дела людей…

— Так, значит, и вы склоняетесь к сверхъестественному объяснению?

— А разве агентами дьявола не могут быть создания из мяса и крови? Теперь для начала нам поставлено два вопроса: первый — не совершено ли здесь преступления, второй — какого рода это преступление, и как оно совершено? Конечно, если предположение доктора Мортимера верно, и мы имеем дело с силами, не подчиненными простому закону природы, то тут и конец нашим расследованиям. Но мы обязаны исчерпать все остальные гипотезы прежде, чем отступить перед этой. Я думаю, если вам безразлично, закрыть это окно. Удивительное дело, но я нахожу, что концентрированная атмосфера способствует концентрированию мыслей. Я не дошел до того, чтобы забираться в ящик для размышлений, но это логический вывод из моих убеждений. Обдумали ли вы этот случай?

— Да, я много думал о нем в течение дня.

— И что вы думаете о нем?

— Это дело способно поставить в тупик.

— Оно, конечно, имеет свой особенный ха-

рактер. Есть в нем отличительные признаки. Например, это изменение следов. Что вы о нем думаете?

— Мортимер сказал, что человек шел на цыпочках по этой части аллеи.

— Он только повторил то, что какой-то дурак сказал во время следствия. Ради чего стал бы человек ходить на цыпочках по аллее?

— Что же это было?

— Он бежал, Ватсон, бежал отчаянно, бежал, чтобы спасти свою жизнь, бежал, пока не сделался у него разрыв сердца, и он не упал мертвым.

— Бежал от чего?

— В этом-то и заключается наша задача. Есть указания на то, что он был поражен ужасом прежде, чем принялся бежать.

— Какие указания?

— Я полагаю, что причина его страха появилась с болота. Если это так, — а это кажется мне самым вероятным, — то только обезумевший человек мог бежать от дома вместо того, чтобы идти по направлению к нему. Если давать веру показанию цыгана, то сэр Чарльз бежал с криками о помощи по тому направлению, откуда менее всего можно было её получить. Затем еще, — кого ожидал он в эту ночь, и зачем он его ожидал в тисовой аллее,

а не в собственном доме?

— Вы думаете, что он ожидал кого-нибудь?

— Сэр Чарльз был пожилой и больной человек. Мы можем допустить, что он вышел на вечернюю прогулку, но земля была сырая и погода неблагоприятная. Естественно ли, чтобы он стоял в продолжение пяти или десяти минут, как доктор Мортимер, с большим практическим смыслом, чем я мог предполагать в нем, заключил по пеплу сигары?

— Но ведь он выходил каждый вечер.

— Не думаю, чтобы он каждый вечер стоял у калитки, ведущей на болото. Напротив, очевидно из рассказа, что он избегал болота. В эту же ночь он стоял там и ждал. Это было накануне дня, назначенного для его отъезда в Лондон. Дело обрисовывается, Ватсон. Является последовательность. Могу я вас попросить передать мне скрипку, и мы отложим все дальнейшие размышления об этом деле, пока не будем иметь удовольствия увидеть завтра утром доктора Мортимера и сэра Генри Баскервиля.

IV. Сэр Генри Баскервиль

Наш завтрак был рано убран, и Холмс в халате ожидал обещанного свидания. Наши клиенты оказались точными: часы только что пробили десять, когда в дверях появился доктор Мортимер, а за ним молодой баронет. Последний был небольшого роста, живой, черноглазый мужчина лет тридцати, крепко сложенный, с густыми черными бровями и здоровым сериозным лицом. Он был одет в красноватый костюм и имел вид человека, проводившего большую часть своего времени на воздухе, а между тем в его решительном взгляде и в спокойной уверенности его манер было что-то, обличающее в нем джентльмена.

— Это сэр Генри Баскервиль, — сказал доктор Мортимер.

— Верно, — подтвердил сэр Генри, — и странно то, мистер Шерлок Холмс, что, если бы мой друг не предложил мне пойти к вам сегодня утром, я сам по себе пришел бы. Я знаю, что вы занимаетесь разгадкой маленьких загадок, а сегодня утром мне попала одна загадка, которая требует большого обдумывания, чем я на то способен.

— Садитесь, пожалуйста, сэр Генри. Верно ли я понял, что с вами лично случилось нечто необыкновенное с тех пор, как вы приехали в Лондон?

— Ничего особенно важного, мистер Холмс. Нечто похожее на шутку. Сегодня утром я получил это письмо, если только можно это назвать письмом.

Он положил на стол конверт, и мы все нагнулись над ним. Конверт этот был из простой сероватой бумаги. Адрес: «Сэр Генри Баскервиль, Нортумберландский отель», был напечатан неровными буквами; на почтовом штемпеле было «Чэринг-Кросс» и число вчерашнего дня.

— Кто знал, что вы остановитесь в Нортумберландском отеле? — спросил Холмс, проницательно всматриваясь в нашего посетителя.

— Никто не мог этого знать. Мы решили вместе с доктором Мортимером остановиться в этом отеле уже после того, как я с ним встретился.

— Но, без сомнения, доктор Мортимер уже поселился там раньше?

— Нет, я остановился у одного приятеля, — сказал доктор. — Не могло быть никаких указаний на то, что мы намерены были отправиться в этот отель.

— Гм! Кто-то, по-видимому, глубоко заинтере-

сован вашими действиями.

Холмс вынул из конверта пол-листа бумаги малого формата, сложенный вчетверо. Он его развернул и расправил на столе. Посередине листа была наклеена отдельными печатными словами единственная фраза: «Если вам ценна ваша жизнь или ваш разум, вы должны держаться далеко от болота». Одно только слово «болото» было написано чернилами, но также печатными буквами.

— Теперь, — сказал Генри Баскервиль, — вы, может быть, скажете мне, мистер Холмс, что это значит, и какой чёрт так интересуется моими делами?

— Что вы об этом думаете, доктор Мортимер? Вы должны допустить, что в этом-то уж во всяком случае нет ничего сверхъестественного.

— Конечно, сэр, но это письмо могло быть получено от человека, убежденного в сверхъестественности этого дела.

— Какого дела? — резко спросил сэр Генри. — Мне кажется, что вы все знаете гораздо больше, чем я о моих собственных делах.

— Мы поделимся с вами всеми нашими сведениями, прежде чем вы уйдете из этой комнаты, сэр Генри. Обещаю вам это, — сказал Шерлок

Холмс. — А пока, с вашего позволения, мы ограничимся этим весьма интересным документом, который был, по всей вероятности, составлен и сдан на почту вчера вечером. Нет ли у вас вчерашнего «Таймса», Ватсон?

— Он тут в углу.

— Могу я вас попросить достать его и развернуть на странице с передовыми статьями?

Он быстро пробежал глазами столбцы газеты и сказал:

— Вот отменная статья о свободной торговле. Позвольте мне прочитать вам извлечение из нее. «Если вам польстят, вы вообразите, что от покровительственного тарифа должны быть поощрены ваша специальная торговля или ваш собственный промысел, но разум говорит, что от такого законодательства благосостояние будет далеко от страны, наша ввозная торговля будет менее ценна и жизнь на острове в ее общих условиях будет держаться на низком уровне». Что вы думаете об этом, Ватсон? — воскликнул сияющий Холмс, потирая от удовольствия руки. — Не находите ли вы, что тут выражено прекрасное чувство?

Доктор Мортимер посмотрел на Холмса с выражением профессионального интереса, а сэр Генри Баскервиль с недоумением взглянул на

меня своими черными глазами и сказал:

— Я немного смыслю в тарифах и тому подобном, но мне кажется, что мы удалились от пути к объяснению этого письма.

— Напротив, сэр Генри, мы идем по самым горячим следам. Ватсон больше вас знаком с моим методом, но я опасаюсь, что и он не вполне понял значение этой сентенции.

— Признаюсь, я не понимаю, какое она имеет отношение к письму.

— А между тем, милый мой Ватсон, между ними существует тесная связь, одно взято из другого. «Если», «вам», «вы», «от», «должны», «ваша», «ваш», «разум», «далеко», «ценна», «жизнь», «держаться». Видите ли вы теперь, откуда эти слова взяты?

— Чёрт возьми, вы правы! Ну, не прелесть ли это! — воскликнул сэр Генри.

— Право, мистер Холмс, это превосходит все, что я мог вообразить, — произнес доктор Мортимер, смотря с удивлением на моего друга. — Я мог бы догадаться, что слова взяты из газеты, но сказать из какой и прибавить, что они взяты из передовой статьи, это поистине удивительно. Как вы это узнали?

— Я полагаю, доктор, что вы отличите череп

негра от черепа эскимоса?

— Конечно.

— Но каким образом?

— Потому что это моя специальность. Различие бросается в глаза. Надглазная выпуклость, личной угол, изгиб челюсти…

— Ну, а это моя специальность, и различие также бросается в глаза. На мой взгляд такая же существует разница между разделенным шпонами шрифтом боргесом, которым печатаются статьи «Таймса», и неряшливым шрифтом дешевой вечерней газетки, какая существует между вашим негром и эскимосом. Распознавание шрифтов — одно из самых элементарных знаний эксперта по преступлениям, хотя признаюсь, что однажды, когда я был еще очень молод, я смешал «Leeds Mercury» с «Western Morning News». Но передовую статью «Таймса» очень легко отличить, и эти слова не могли быть взяты ниоткуда больше. Так как это сделано вчера, то вероятность говорит за то, что слова вырезаны из вчерашнего нумера.

— Насколько мне удается следить за вашими мыслями, мистер Холмс, — сказал сэр Генри Баскервиль, — кто-то вырезал это послание ножницами…

— Ногтяными ножницами, — добавил Холмс. — Видно, что ножницы были очень коротки, так как слово «держаться» вырезано в два приема.

— Это верно. И так, кто-то вырезал послание короткими ножницами и наклеил его клейстером…

— Клеем, — поправил Холмс.

— Клеем на бумагу. Но мне хочется знать, почему слово «болото» написано чернилами?

— Потому что не нашли его в печати. Остальные слова очень просты и могли быть найдены в любом нумере, но «болото» менее обыкновенно.

— Да, конечно, это вполне ясно. Не узнали ли вы еще чего-нибудь из этого послания, мистер Холмс?

— Есть одно или два указания, а между тем приняты все меры, чтобы скрыть руководящую нить. Вы заметили, что адрес напечатан неровными буквами. Но «Таймс» такая газета, которую редко можно найти в чьих бы то ни было руках, кроме высокообразованных людей. А потому мы можем признать, что письмо составлено образованным человеком, желавшим, чтобы его признали за необразованного, и его старание скрыть свой почерк наводит на мысль, что этот почерк вам знаком или может стать знакомым.

Еще заметьте, что слова не наклеены аккуратно в одну линию и что некоторые гораздо выше других. Слово «жизнь» например совершенно не на своем месте. Это доказывает, может быть, небрежность, а может быть, волнение и поспешность со стороны составителя. Я склонен принять последнее мнение, потому что раз дело было так важно, то нельзя думать, чтобы составитель письма был небрежен. Если же он спешил, то тут является интересный вопрос, почему он спешил, так как всякое письмо, брошенное в почтовый ящик до сегодняшнего раннего утра, дошло бы до сэра Генри раньше его выхода из отеля. Не опасался ли составитель письма помехи и от кого?

— Тут мы входим уже в область догадок, — сказал доктор Мортимер.

— Вернее в область, в которой мы взвешиваем вероятности и выбираем самую возможную из них. Это научное приспособление воображения, но мы всегда имеем материальное основание, на котором строятся наши рассуждения. Вот вы, без сомнения, назовете это догадкой, а я почти уверен, что этот адрес написан в отеле.

— Скажите, Бога ради, как вы можете это утверждать?

— Если вы тщательно рассмотрите его, то уви-

дите, что и перо и чернила наделали писателю много хлопот. Перо брызнуло два раза в одном слове и трижды высыхало во время писания короткого адреса, что служит доказательством того, что в чернильнице было очень мало чернил. Частное перо и чернильница редко бывают в таком плачевном состоянии, а чтобы обе эти принадлежности писания были скверные — обстоятельство, встречающееся весьма редко. Но вы знаете, каковы вообще чернила и перья в гостиницах. Да, я очень мало колеблюсь, говоря, что если бы мы могли обыскивать корзинки для ненужных бумаг во всех отелях по соседству с Чэринг-Кроссом, пока бы не напали на остатки вырезанной передовой статьи «Таймса», то сразу наложили бы руки на человека, пославшего это оригинальное письмо. Эге! Что это такое?

Он тщательно рассматривал бумагу, на которой были наклеены слова, держа ее не больше как дюйма на два от своих глаз.

— В чем дело?

— Ничего, — ответил Холмс, опуская бумагу. — Это чистый полулист бумаги, даже без водяного знака. Я думаю, что мы извлекли все, что можно было, из этого любопытного письма; а теперь, сэр Генри, не случилось ли еще чего-нибудь интерес-

ного с вами с тех пор, как вы в Лондоне?

— Нет, мистер Холмс. Не думаю.

— Вы не заметили, чтобы кто-нибудь следовал за вами и караулил вас?

— Мне кажется, что я прямо попал в самый разгар дешевого романа, — ответил наш гость. — Какому чёрту нужно следить за мною или караулить меня?

— Мы подходим к этому вопросу. Но прежде чем приняться за него, не имеете ли вы еще чего-нибудь сообщить нам?

— Это зависит от того, что вы считаете стоящим сообщения.

— Я считаю стоящим внимания все, что выходит из ряда жизненной рутины.

Сэр Генри улыбнулся.

— Я мало еще знаком с британскою жизнью, потому что я провел почти всю свою жизнь в Штатах и в Канаде. Но надеюсь, что у вас здесь не считается делом обыденной жизни потерять один сапог.

— Вы потеряли один из ваших сапогов?

— Ах, милый сэр, — воскликнул доктор Мортимер, — он просто не доставлен на место. Вы найдете его, когда вернетесь в отель. Нет надобности беспокоить мистера Холмса такими

пустяками.

— Да ведь он же меня просил рассказать о том, что выходит из ряда обыденной жизни.

— Совершенно верно, — сказал Холмс, — как бы ни казался инцидент пустячным. Вы говорите, что потеряли один сапог?

— Я поставил вчера вечером оба сапога за дверь, а утром там оказался только один. Я ничего не мог добиться от малого, который чистил их. Но самое скверное в том, что я только вчера вечером купил эту пару на Странде и ни разу не надевал её.

— Если вы ни разу не надевали этих сапог, то зачем же вы их выставили для чистки?

— То были дубленые сапоги, и они не были покрыты ваксою. Вот почему я их и выставил.

— Так, значит, когда вы вчера приехали в Лондон, то сразу отправились покупать пару сапог?

— Я много чего накупил. Доктор Мортимер ходил со мною. Видите ли, раз мне приходится быть там владельцем, то я должен одеться соответствующим образом, а весьма возможно, что на Западе я стал несколько небрежен в этом отношении. Между прочими вещами я купил те коричневые сапоги (дал шесть долларов за них), и один из них украден прежде, чем я успел их надеть.

— Это кажется очень бесполезным воров-

ством, — сказал Шерлок Холмс. — Признаюсь, — я разделяю мнение доктора Мортимера, что пропавший сапог скоро найдется.

— А теперь, господа, — решительно произнес баронет, — я нахожу, что совершенно достаточно говорил о том немногом, что я знаю. Пора вам выполнить свое обещание и дать мне полный отчет в том, о чем мы хлопочем.

— Ваше требование вполне разумно, — сказал Холмс. — Доктор Мортимер, я думаю, что будет лучше всего, если вы расскажете свою историю так, как вы ее рассказали нам.

Поощренный этим приглашением наш ученый друг вынул бумаги из кармана и изложил все дело так, как он это сделал накануне утром. Сэр Генри Баскервиль слушал с глубочайшим вниманием, и, по временам, у него вырывались возгласы удивления.

— По-видимому, я получил наследство с местью, — сказал он, когда длинная повесть была окончена. — Я, конечно, слышал о собаке, когда еще был ребенком. Это любимая история в нашей семье, хотя раньше я никогда не относился к ней сериозно. Но со времени смерти моего дяди, история эта точно бурлит у меня в голове, и я не могу еще разобраться в ней. Вы как будто еще не

решили, чьей компетенции это дело: полиции или церкви.

— Совершенно верно.

— А теперь еще явилось это письмо. Я полагаю, что оно тут на месте.

— Оно доказывает, что кто-то знает больше нас о том, что происходит на болоте, — сказал доктор Мортимер.

— А также, — прибавил Холмс, — что кто-то расположен к вам, раз он предостерегает вас против опасности.

— А может быть меня желают удалить из личных интересов?

— Конечно, и это возможно. Я весьма обязан вам, доктор Мортимер, что вы познакомили меня с задачею, которая представляет несколько интересных решений. Но мы должны теперь решить практический вопрос, благоразумно ли будет вам, сэр Генри, отиравиться в Баскервиль-голль.

— А почему бы мне не поехать туда?

— Там, по-видимому, существует опасность.

— Какую опасность разумеете вы, — от нашего фамильного врага или от человеческих существ?

— Это-то мы и должны узнать.

— Что бы там ни было, мой ответ готов. Нет такого дьявола в аду, мистер Холмс, ни такого

человека на земле, который помешал бы мне отправиться в страну моего народа, и вы можете это считать за мой окончательный ответ.

Его темные брови нахмурялись, и лицо его стало багровым. Огненный темперамент Баскервилей, очевидно, не угас в этом последнем их потомке.

— Между тем, — заговорил он снова, — у меня и времени не было подумать о том, что вы мне рассказали. Тяжело для человека понять и решить дело в один присест. Мне бы хотелось провести спокойно час с самим собою, чтобы все обдумать. Послушайте, мистер Холмс, теперь половина двенадцатого, и я отправляюсь прямо в свой отель. Что бы вы сказали, если бы я попросил вас и вашего друга, доктора Ватсона, придти позавтракать с нами в два часа? Тогда я буду в состоянии сказать вам яснее, как подействовала на меня эта история.

— Удобно ли это вам, Ватсон?

— Совершенно.

— Так вы можете ожидать нас. Не приказать ли позвать для вас кэб?

— Я предпочитаю пройтись, потому что все это взволновало меня.

— Я с удовольствием совершу прогулку с ва-

ми, — сказал его компанион.

— Итак мы снова увидимся в два часа. До свидания!

Мы слышали, как наши гости спустились по лестнице и как за ними захлопнулась парадная дверь. В одно мгновение Холмс превратился из сонного мечтателя в человека действия.

— Вашу шляпу и сапоги, Ватсон, живо! Нельзя терять ни одной минуты!

С этими словами он бросился в халате в свою комнату и через несколько секунд вернулся оттуда в сюртуке. Мы побежали вниз по лестнице и вышли на улицу. Доктор Мортимер и Баскервиль были еще видны в двухстах, приблизительно, ярдах впереди нас, по направлению к Оксфордской улице.

— Не побежать ли мне остановить их?

— Ни за что на свете, мой милый Ватсон. Я вполне довольствуюсь вашим обществом, если вы переносите мое. Наши друзья — умные люди, потому что утро действительно прекрасное для прогулки.

Он ускорил шаг, пока мы не уменьшили вдвое расстояние, отделявшее нас от наших посетителей. Затем, оставаясь постоянно в ста ярдах позади их, мы последовали за ними в Оксфорд-

скую улицу, а оттуда далее в Реджент-стрит. Один раз приятели наши остановились и стали смотреть в окно магазина. Холмс последовал их примеру. Затем он издал легкий возглас удивления и, следуя за его проницательным взором, я увидел кэб с кучерским сидением сзади и в этом кэбе человека; он остановил экипаж на той стороне улицы, а теперь снова медленно ехал вперед.

— Это наш человек, Ватсон, идем! Мы хоть всмотримся в него, если не будем в состоянии сделать ничего лучшего.

В эту минуту я отчетливо рассмотрел густую черную бороду и пару пронзительных глаз, смотревших на нас через боковое окошко кэба. Моментально открылось опускное отверстие наверху, что-то было сказано кучеру, и кэб бешено полетел вниз по Реджент-стрит. Холмс с нетерпением стал осматриваться кругом, ища другой кэб, но не было видно ни одного пустого. Тогда он бросился в неистовую погоню в самую середину движения на улице, но расстояние было слишком велико, и кэб уже исчез из виду.

— Ну вот! — с горечью воскликнул Холмс, когда, запыхавшись и бледный от досады, вынырнул из потока экипажей. — Может же случиться такая

неудача и можно же поступить так скверно! Ватсон, Ватсон, если вы честный человек, вы и это расскажете и выставите, как неудачу с моей стороны!

— Кто был этот человек?

— Понятия не имею.

— Шпион?

— Из того, что мы слышали, очевидно, что кто-то очень тщательно следит за Баскервилем с тех пор, как он в городе. Иначе как же можно было узнать так быстро, что он остановился в Нортумберландском отеле? Из того факта, что за ним следили в первый день, я вывожу заключение, что за ним будут следить и во второй день. Вы должны были заметить, что я дважды подходил к окну, пока доктор Мортимер читал свою легенду.

— Да, помню.

— Я смотрел, не увижу ли праздношатающихся на улице, но не увидел ни одного. Мы имеем дело с умным человеком, Ватсон. Тут все очень глубоко задумано и, хотя я еще не решил окончательно, с кем мы имеем дело — с доброжелателем или врагом, я вижу, что тут есть сила и определенная цель. Когда наши приятели вышли, я тотчас же последовал за ними, в надежде заметить их невидимого спутника. У него хватило хитрости

не идти пешком, а запастись кэбом, в котором он мог или медленно следовать за ними или же быстро пролететь, чтобы не быть ими замеченным. Он еще имел то преимущество, что, если бы они тоже взяли кэб, то он не отставал бы от них. Однако же это имеет одно большое неудобство.

— Он этим попадает во власть кэбмана.

— Именно.

— Как жаль, что мы не посмотрели на нумер.

— Милый мой Ватсон, как ни оказался я тут неуклюжим, все-таки неужели вы сериозно предполагаете, что я не обратил внимания на нумер. Нумер этот 2704. Но в настоящую минуту он нам бесполезен.

— Я не вижу, что вы могли сделать большего.

— Заметив кэб, я должен был немедленно повернуть назад и идти в обратную сторону. Тогда я мог бы свободно нанять другой кэб и следовать за первым на почтительном расстоянии или, еще лучше, поехать прямо в Нортумберландский отель и там дождаться его. Когда наш незнакомец проследил бы за Баскервилем до его дома, мы имели бы возможность повторить на нем самом его игру и увидеть, с какою целью он ее затеял. А теперь своею необдуманною поспешностью, которою наш противник воспользовался необык-

новенно быстро, мы выдали себя и потеряли след нашего человека.

Разговаривая таким образом, мы медленно подвигались по Реджент-стрит, и доктор Мортимер с своим товарищем давно исчезли из наших глаз.

— Нет никакой надобности следовать за ними, — сказал Холмс. — Тень их исчезла и не вернется. Нам теперь остается посмотреть, какия у нас остались карты в руках, и решительно играть ими. Уверены ли вы, что узнали бы человека, сидевшего в кэбе?

— Я уверен только в том, что узнал бы его бороду.

— И я также, из чего вывожу заключение, что она приставная. Умному человеку, предпринявшему такое деликатное дело, нет иной надобности в бороде, как для того, чтобы скрыть свои черты. Войдем сюда, Ватсон!

Он повернул в одну из участковых комиссионерских контор, где его горячо приветствовал управляющий.

— А, Вильсон, я вижу, что вы не забыли еще маленького дела, в котором я имел счастие вам помочь?

— О, конечно, сэр, я его не забыл. Вы спасли мое

доброе имя, а может быть и жизнь.

— Милый мой, вы преувеличиваете. Мне помнится, Вильсон, что между вашими мальчиками был малый по имени Картрайт, который на следствии оказался довольно способным.

— Он еще у нас, сэр.

— Не можете ли вы его вызвать сюда? Благодарю вас! И, пожалуйста, разменяйте мне эти пять фунтов.

Юноша лет четырнадцати, красивый и с виду смышленый, явился на зов. Он неподвижно стоял и смотрел с большим уважением на знаменитого сыщика.

— Дайте мне список отелей, — сказал Холмс. — Благодарю вас! Вот вам, Картрайт, названия двадцати трех отелей, находящихся в непосредственном соседстве с Чэринг-Кроссом. Видите?

— Да, сэр.

— Вы зайдете во все эти отели.

— Да, сэр.

— В каждом из них вы начнете с того, что дадите привратнику один шиллинг. Вот двадцать три шиллинга.

— Да, сэр.

— Вы скажете ему, что желаете пересмотреть вчерашние брошенные газеты. Вы объясните

свое желание тем, что затеряна очень важная телеграмма и что вы разыскиваете ее. Понимаете?

— Да, сэр.

— Но в действительности вы будете разыскивать среднюю страницу «Таймса», с вырезанными в ней ножницами дырками. Вот нумер «Таймса» и вот страница. Вы легко узнаете ее, не правда ли?

— Да, сэр.

— В каждом отеле привратник пошлет за швейцаром вестибюля, каждому из них вы также дадите шиллинг. Вот еще двадцать три шиллинга. Весьма вероятно, что в двадцати случаях из двадцати трех вам скажут, что вчерашние газеты сожжены или брошены. В остальных трех случаях вам покажут кучу газет, и вы разыщите в ней эту страницу «Таймса». Много шансов против того, чтобы вы ее нашли. Вот вам еще десять шиллингов на непредвиденные случаи. Сегодня до вечера вы мне сообщите о результатах в Бекер-стрит по телеграфу. А теперь, Ватсон, нам остается только узнать по телеграфу о личности кучера кэба № 2704, а затем мы зайдем в одну из картинных галлерей Бонд-стрита, чтобы провести время до часа назначенного в отеле свидания.

V. Три порванные нити

Шерлок Холмс обладал в изумительной степени способностью отвлекать свои мысли по желанию. Странное дело, в которое нас вовлекли, было в продолжение двух часов как будто совершенно им забыто, и он весь был поглощен картинами новейших бельгийских мастеров. По выходе из галлереи он не хотел ни о чем говорить, кроме как об искусстве (о котором мы имели самые элементарные понятия), пока мы не дошли до Нортумберландского отеля.

— Сэр Генри Баскервиль ожидает вас наверху, — сказал конторщик. — Он просил меня тотчас же, как вы придете, провести вас к нему.

— Вы ничего не будете иметь против того, чтобы я заглянул в вашу книгу записей? — спросил Холмс.

— Сделайте одолжение.

В книге после имени Баскервиля было занесено еще два. Одно было Теофилус Джонсон с семейством, из Ньюкэстля, а другое — миссис Ольдмар, с горничной, из Гай-Лодж, Альтон.

— Это наверное тот самый Джонсон, которого

я знавал, — сказал Холмс. — Он юрист, не правда ли, седой и прихрамывает?

— Нет, сэр, этот Джонсон — владелец каменноугольных копей, очень подвижный джентльмен, не старше вас.

— Вы, должно был, ошибаетесь относительно его специальности.

— Нет, сэр. Он уже много лет останавливается в нашем отеле, и мы его очень хорошо знаем.

— Это дело другое. А миссис Ольдмар? Мне что-то помнится, как будто имя ее мне знакомо. Простите мне мое любопытство, но часто бывает, что, навещая одного друга, находишь другого.

— Она больная дама, сэр. Ее муж был майором, и она всегда, когда бывает в городе, останавливается у нас.

— Благодарю вас. Я, кажется, не могу претендовать на знакомство с нею. Этими вопросами, Ватсон, — продолжал он тихим голосом, пока мы поднимались по лестнице, — мы установили крайне важный факт. Мы теперь знаем, что человек, интересующийся нашим приятелем, не остановился в одном с ним отеле. Это значит, что, стремясь, как мы видели, следить за ним, он вместе с тем боится быть замеченным. Ну, а это очень знаменательный факт.

— Чем?

— А тем… Эге, милый друг, в чем дело?

Огибая перила наверху лестницы, мы наткнулись на самого Генри Баскервиля. Его лицо было красно от гнева, и он держал в руке старый пыльный сапог. Он до того был взбешен, что слова не выходили у него из горла; когда же он перевел дух, то заговорил на гораздо более вольном и более западном диалекте, чем тот, каким говорил утром.

— Мне кажется, что в этом отеле меня дурачат, как молокососа! — воскликнул он. — Советую им быть осторожными, не то они увидят, что не на такого напали. Чёрт возьми, если этот мальчишка не найдет моего сапога, то не сдобровать им! Я понимаю шутки, мистер Холмс, но на этот раз они хватили через меру.

— Вы все еще ищете свой сапог?

— Да, сэр, и намерен его найти.

— Но ведь вы же говорили, что это был новый коричневый сапог.

— Да, сэр. А теперь это старый черный.

— Что! Неужели?..

— Именно. У меня было всего три пары сапог: новые коричневые, старые черные и эти из лакированной кожи, что на мне. В прошлую ночь

у меня взяли один коричневый сапог, а сегодня стибрили черный. Ну, нашли вы его? Да говорите же и не стойте так, выпучив глаза.

На сцену появился взволнованный немец-лакей.

— Нет, сэр. Я справлялся во всем отеле и ничего не мог узнать.

— Хорошо! Или сапог будет мне возвращен до захода солнца, или я пойду к хозяину и скажу ему, что моментально выезжаю из его отеля.

— Он будет найден, сэр… обещаю вам, что если вы только потерпите, он будет найден.

— Надеюсь, иначе это будет последняя вещь, которую я теряю в этом притоне воров. Однако, простите меня, мистер Холмс, что я беспокою вас такими пустяками.

— Я думаю, что это стоит беспокойства.

— Вы как будто сериозно смотрите на это дело.

— Чем вы это все объясняете?

— Я и не пробую объяснять этого случая. Он мне кажется крайне нелепым и странным.

— Да, странный, пожалуй, — произнес Холмс в раздумье.

— Что вы-то сами о нем думаете?

— Я не скажу, что в настоящее время понимаю его. Это очень сложная штука, сэр Генри. Если

связать с этим смерть вашего дяди, то я скажу, что из пятисот дел первейшей важности, которыми мне приходилось заниматься, ни одно не затрагивало меня так глубоко. Но у нас в руках несколько нитей и все шансы за то, что не та, так другая из них приведет нас к истине. Мы можем потратить время, руководствуясь не той, которой следует, но рано или поздно мы нападем на верную дорогу.

Мы приятно провели время за завтраком и очень мало говорили о деле, которое нас свело. И только когда перешли в частную гостиную Генри Баскервиля, Холмс спросил его, что он намерен делать.

— Отправиться в Баскервиль-голль.

— Когда?

— В конце недели.

— В сущности, — сказал Холмс, — я нахожу ваше решение разумным. Для меня вполне очевидно, что в Лондоне следят за вами, а в миллионном населении этого громадного города трудно узнать, кто следит и какая его цель. Если его намерения злостные, то он может причинить вам несчастие, и мы бессильны его предотвратить. Вы не знали, доктор Мортимер, что сегодня утром за вами следили по пятам от моего дома?

Доктор Мортимер сильно вздрогнул.

— Следили? Кто?

— К несчастию, этого я не могу вам сказать. Нет ли между вашими соседями или знакомыми в Дартмуре кого-нибудь с густою черною бородой?

— Нет… ах, постойте, да, у Барримора, дворецкого сэра Чарльза, густая, черная борода.

— А где Барримор?

— Ему поручен Баскервильский дом.

— Нам лучше удостовериться, действительно ли он там и не попал ли каким-нибудь образом в Лондон.

— Как же вы это узнаете?

— Дайте мне телеграфный бланк. «Все ли готово для сэра Генри?» Этого достаточно. Адресуйте мистеру Барримору, Баскервиль-голль. Какая ближайшая телеграфная станция? Гримпен. Прекрасно, — мы пошлем другую телеграмму почтмейстеру: «Телеграмму мистеру Барримору вручить в собственные руки. Если он отсутствует, прошу телеграфировать ответ сэру Генри Баскервиль, Нортумберландский отель». Это даст нам возможность узнать до сегодняшнего вечера, находится ли Барримор на своем посту в Девоншире или нет.

— Это правильно, — сказал Баскервиль. — А,

кстати, доктор Мортимер, что из себя представляет этот Барриморъ?

— Он сын старого управителя, который умер. Эта семья смотрела за Баскервиль-голлем в продолжение четырех поколений. Насколько мне известно, он и жена его достойны полного уважения.

— Вместе с тем, — сказал Баскервиль, — ясно, что с тех пор, как никто из нашего семейства не жил в голле, они имеют великолепный дом и при этом никакой работы.

— Это правда.

— Получил ли что-нибудь Барримор по завещанию сэра Чарльза? — спросил Холмс.

— Он и жена его получили каждый по пятисот фунтов.

— Ага! А знали ли они, что получат эти деньги?

— Да, сэр Чарльз очень любил говорить о содержании своего духовного завещания.

— Это очень интересно.

— Надеюсь, — сказал доктор Мортимер, — что вы не смотрите подозрительно на всякого, кто получил наследство от сэра Чарльза, так как и мне он оставил тысячу фунтов.

— В самом деле! А еще кому?

— Он оставил много незначительных сумм отдельным лицам и большие суммы на общественную благотворительность. Все остальное досталось сэру Генри.

— А как велико это остальное?

— Семьсот сорок тысяч фунтов.

Холмс с удивлением поднял брови и сказал:

— Я никак не ожидал, что наследство сэра Чарльза достигает таких гигантских размеров.

— Сэр Чарльз пользовался репутациею богатого человека, но мы не знали, насколько он в действительности богат, пока не рассмотрели его бумаг. Общая стоимость поместья определена приблизительно в миллион.

— Ай, ай! Из-за такого кусочка человек может сделать отчаянный шаг. Еще вопрос, доктор Мортимер. Предположим, что с нашим молодым другом случится что-нибудь (простите мне такое неприятное предположение), кому достанется тогда поместье?

— Так как Роджер Баскервиль, младший брат сэра Чарльза, умер холостым, то поместье перейдет к дальним родственникам Десмондам. Джэмс Десмонд — пожилой пастор в Вестмурланде.

— Благодарю вас. Все эти подробности очень интересны. Встречались ли вы с мистером Джэм-

сом Десмондом?

— Встречался. Однажды он был с визитом у сэра Чарльза. Это человек почтенной наружности и святой жизни. Я помню, что он отказался принять от сэра Чарльза имущество, хотя последний и настаивал на том, чтобы определить ему что-нибудь.

— И человек с такими простыми вкусами мог бы унаследовать миллионы сэра Чарльза?

— Он унаследовал бы поместье, потому что таков порядок перехода наследства. Он получил бы также и деньги, если бы настоящий владелец не распорядился ими иначе, на что он имеет полное право.

— Написали ли вы свое завещание, сэр Генри?

— Нет, мистер Холмс. У меня на это не было времени, так как я узнал только вчера о положении дел. Но во всяком случае я нахожу, что деньги должны идти вместе с титулом и поместьем. Таковы были убеждения моего бедного дяди. Каким образом владелец восстановит великолепие Баскервилей, если у него нет денег для поддержания своей собственности. Дом, земля и доллары не могут быть разъединены.

— Это совершенно верно. Итак, сэр Генри, я согласен с вами, что вам следует немедленно от-

правиться в Девоншир. Только я предложу одну меру предосторожности: вам никоим образом не следует отправляться туда одному.

— Доктор Мортимер возвращается со мною.

— Но у доктора Мортимера практика, которую он не может бросить, да и дом его находится в нескольких милях расстояния от вашего. При всем своем желании, он не в состоянии будет вам помочь. Нет, сэр Генри, вы должны взять с собою надежного человека, который находился бы постоянно возле вас.

— Возможно ли, мистер Холмс, чтобы вы сами согласились поехать?

— Когда наступит кризис, я постараюсь лично явиться на место; но вы поймете, что при моей обширной практике и при постоянных обращениях ко мне за советом по всевозможным делам, я не могу уехать из Лондона на неопределенный срок. В настоящее время на одно из самых почтенных имен в Англии наложено пятно каким-то шантажистом, и только я один могу воспрепятствовать скандалу, который может причинить большое несчастие. Поэтому вы видите, насколько мне невозможно отправиться в Дартмур.

— Кого же вы посоветуете мне взять?

Холмс положил свою руку на мою и сказал:

— Если мой друг согласится, то нет человека, который был бы достойнее находиться возле вас, когда вы почувствуете себя в затруднительном положении. Никто не знает этого лучше меня.

Предложение это застало меня совершенно врасплох, но прежде чем я успел выговорить одно слово, Баскервиль схватил меня за руку и, сердечно пожав ее, сказал:

— Какой вы добрый, доктор Ватсон. Вы знаете, что со мною происходит, и вам дело так же знакомо, как и мне. Если вы поедете в Баскервиль-голль и высвободите меня из опасности, я никогда этого не забуду.

Ожидание приключений производило всегда чарующее действие на меня, кроме того я был польщен словами Холмса и горячностью, с какою баронет приветствовал меня как своего спутника.

— Я с удовольствием поеду, — сказал я, — и не могу себе представить, как бы я мог лучше употребить свое время.

— И вы будете очень тщательно доносить мне обо всем, — сказал Холмс. — Когда наступит какой-нибудь кризис, как я непременно ожидаю, я направлю ваши действия. Полагаю, что к субботе все будет готово?

— Удобно ли это будет доктору Ватсону?

— Вполне.

— Итак, в субботу, если ничего не произойдет нового, мы встретимся к отходу поезда 10 ч. 30 м. из Паддингтона.

Мы уже встали, чтобы проститься, как Баскервиль издал возглас торжества, вытаскивая из-под шкафика, стоявшего в одном из углов комнаты, коричневый сапог.

— Мой пропавший сапог! — воскликнул он.

— Дай Бог, чтобы все наши затруднения так же быстро уладились, — сказал Шерлок Холмс.

— Но это очень странно, — заметил доктор Мортимер. — Я перед завтраком обыскал крайне тщательно всю эту комнату.

— И я также, — сказал Баскервиль. — Я ни одного дюйма не оставил необысканным.

— И тогда наверное в ней не было этого сапога.

— В таком случае его поставил сюда лакей, пока мы завтракали.

Послали за немцем, но тот ответил, что ему ничего неизвестно об этом, и никакими расследованиями мы не добились разъяснения этого случая. Прибавился новый пункт к этой беспрерывной серии бесцельных, по-видимому, мелких тайн, являвшихся так быстро одна вслед

за другою. Оставив в стороне мрачную историю смерти сэра. Чарльза, мы имели перед собою ряд необъяснимых инцидентов, имевших место в продолжение двух дней, а именно получение письма из печатных слов, встреча чернобородого шпиона в кэбе, пропажа нового коричневого сапога, пропажа старого черного и, наконец, находка нового коричневого сапога. Когда мы возвращались в Бекер-стрит, Холмс молча сидел в кэбе и по его сдвинутым бровям и выразительному лицу я видел, что его ум, так же, как и мой, был занят попыткою составить какой-нибудь план, в который могли бы быть помещены все эти странные эпизоды, не имеющие, по-видимому, никакой между собою связи. До позднего вечера сидел он, погруженный в табачный дым и в свои мысли.

Перед самым обедом подали две телеграммы. Первая гласила: «Только что узнал, что Барримор в Баскервиль-голле». Вторая: «Был в двадцати трех отелях, но, к сожалению, не напал на след изрезанного листа «Таймса». — Картрайт».

— Порвались две из моих нитей, Ватсон. Нет ничего более подстрекающего, как случай, в котором все направлено против вас.

— Нам нужно отыскать другой след.

— У нас остается еще кучер, который возил шпиона.

— Совершенно верно. Я телеграфировал, чтобы узнали из официального списка его имя и адрес. Я думаю, что вот и ответ на мой запрос.

Звон колокольчика оказался еще более удовлетворительным, чем ответ, так как отворилась дверь, и в комнату вошел грубый с виду человек, очевидно, кучер, о котором шла речь.

— Я получил извещение из главной конторы, — сказал он, — что господин, живущий здесь, требовал к себе № 2704. Я правлю своим кэбом уже семь лет и никогда не жаловались на меня. Я пришел сюда прямо из двора, чтобы спросить вас лично, что вы имеете против меня.

— Я ровно ничего не имею против вас, милый человек, — сказал Холмс. — Напротив, я имею для вас полсоверена, если вы дадите мне ясные ответы на мои вопросы.

— Ладно, это будет хороший день, — сказал кучер, улыбнувшись во весь рот. — Так что же вы желаете спросить, сэр?

— Прежде всего ваше имя и адрес на случай, если вы мне еще раз понадобитесь.

— Джон Клэйтон, 3, Терпэй-стрит. Мой кэб из двора Шинлей, около станции Ватерлоо.

Шерлок Холмс записал эти сведения.

— А теперь, Клэйтон, расскажите мне все, что касается вашего седока, который сегодня в десять часов утра караулил этот дом, а затем ехал следом за двумя джентльменами по Реджент-стрит.

Извозчик казался удивленным и несколько смущенным, но сказал:

— Что ж, мне нечего вам сообщать, так как, по-видимому, вы уже знаете столько же, сколько и я. Дело в том, что мой седок сказал мне, что он сыщик и что я не должен никому говорить о нем.

— Это, милый человек, очень сериозное дело, и вы можете оказаться в очень плохом положении, если вздумаете скрыть что бы то ни было от меня. Так вы говорите, что ваш седок выдал себя за сыщика?

— Да.

— Когда он вам сказал об этом?

— Уходя от меня.

— Не сказал ли он еще чего-нибудь?

— Он назвал свое имя.

Холмс бросил на меня торжествующий взгляд.

— А-а, он назвал свое имя? Это было неосторожностью. И какое же это было имя?

— Его имя, — ответил извозчик, — мистер Шерлок Холмс.

Никогда в жизни не видывал я, чтобы мой друг был так озадачен. Он молчал, пораженный удивлением, а затем разразился искренним смехом.

— Вот так шутник, Ватсон, несомненный шутник, — сказал он. — Я чувствую в нем столь же быструю и гибкую сообразительность, как моя собственная. Он изрядно прошелся на мой счет. Так его зовут Шерлоком Холмсом?

— Да, сэр.

— Превосходно! Расскажите мне, где вы его посадили, и все, что затем случилось.

— Он подозвал меня в половине десятого в Трафальгарском сквере. Он назвал себя сыщиком и предложил мне две гинеи, если я в продолжение всего дня буду делать все, что он потребует, не задавая ему никаких вопросов. Я охотно согласился. Сначала мы поехали в Нортумберландский отель и ждали там, пока не вышли оттуда два джентльмена и не взяли кэб. Мы последовали за их кэбом, пока он не остановился где-то тут.

— У этой самой двери, — сказал Холмс.

— Пожалуй, я не могу сказать ничего положительного, но моему седоку все было прекрасно известно. Мы отъехали на половину улицы и ждали там полтора часа. Тогда двое джентльменов прошли, гуляя, мимо нас и мы последовали

за ними по Бекер-стрит и вдоль...

— Я знаю, — прервал его Холмс.

— Пока не проехали три квартала Реджент-стрита. Тогда мой седок откинул верхнее окошечко и крикнул мне, чтобы я ехал как можно быстрее прямо на Ватерлооскую станцию. Я стегнул свою кобылу, и через десять минут мы были на месте. Тогда он заплатил мне две гинеи, как порядочный человек, и вошел в станцию. Но, уходя, он обернулся и сказал: «Может быть, вам интересно будет узнать, что вы возили мистера Шерлока Холмса». Таким образом я узнал его имя.

— Понимаю. А затем вы больше не видали его?

— Нет, он вошел в станцию и скрылся.

— Ну, а как бы вы описали наружность мистера Шерлока Холмса?

Извозчик почесал голову.

— Не очень-то легко описать этого джентльмена. Я бы дал ему лет сорок, роста он среднего, дюйма на два, на три ниже вас, сэр. Одет он был мешковато, и борода у него черная, подстриженная четыреугольником, лицо бледное. Ничего больше не могу сказать о нем.

— Какого цвета у него глаза?

— Не могу этого сказать.

— И вы ничего больше не припомните?

— Нет, сэр, ничего.

— Ладно, так вот вам полусоверен. Другая половина ожидает вас, если вы доставите еще какие-нибудь сведения. Покойной ночи.

— Покойной ночи, сэр, и благодарю вас.

Джон Клэйтон удалился, смеясь, а Холмс обернулся ко мне, пожимая плечами и спокойно улыбаясь.

— Оборвалась и третья наша нить, и мы кончили тем, с чего начали, — сказал он. — Хитрый мерзавец! Он знал наш дом, знал, что сэр Генри Баскервиль советовался со мною, на Реджент-стрите узнал меня, предположил, что я заметил номер кэба и примусь за кучера, а потому сделал мне этот дерзкий вызов. Говорю вам, Ватсон, что мы за это время приобрели врага, который достоин нашего оружия. Я получил шах и мат в Лондоне и могу только пожелать вам большого счастия в Девоншире. Но я не спокоен насчет этого.

— Насчет чего?

— Насчет того, что отправлю вас туда. Скверное это дело, Ватсон, скверное, опасное дело, и чем больше я знакомлюсь с ним, тем менее оно нравится мне, Да, милый друг, смейтесь, но даю вам слово, что я буду очень рад, когда вы вернетесь

здравым и невредимым на Бекер-стрит.

VI. Баскервиль-голль

Сэр Генри Баскервиль и доктор Мортимер были готовы в назначенный день, и мы отправились, как было условлено, в Девоншир. Шерлок Холмс поехал со мною на станцию и дал мне свои прощальные инструкции и советы.

— Я не стану, Ватсон, сбивать вас с толку разными предположениями и подозрениями, — сказал он. — Я просто желаю, чтобы вы доносили мне как можно подробнее о фактах и предоставляли мне строить планы.

— О каких фактах? — спросил я.

— Обо всем, что может казаться относящимся, хотя бы косвенно, к занимающему нас делу и, в особенности, об отношениях между молодым Баскервилем и его соседями и обо всяких новых подробностях, касающихся смерти сэра Чарльза. Я сам за последние дни навел некоторые справки, но боюсь, что результаты их оказались отрицательными. Одно только кажется мне положительным, это то, что мистер Джэмс Десмонд, следующий наследник, человек очень милого характера, так что это преследование идет не с

его стороны. Я думаю, что мы можем совершенно исключить его из наших предположений. Остается народ на болоте, среди которого будет жить сэр Генри Баскервиль.

— Не лучше ли было бы прежде всего отделаться от этой четы Барримор?

— Ни в каком случае. Вы бы сделали этим непозволительную ошибку. Если они невинны, это было бы жестокою несправедливостью; если же они преступны, то это отняло бы у нас всякую возможность уличить их. Нет, нет, мы сохраним их в нашем списке подозрительных лиц. Затем в голле есть, насколько я помню, конюх. Есть два фермера на болоте. Есть наш друг, доктор Мортимер, которого я считаю вполне честным, и его жена, о которой мы ничего не знаем. Есть ученый Стапльтон и его сестра, про которую говорят, что она привлекательная молодая девушка. Есть мистер Франкланд из Лафтар-голля, тоже неизвестная нам личность, и еще один или два соседа. Все эти люди должны составить предмет вашего специального изучения.

— Я сделаю все зависящее от меня.

— У вас есть оружие, надеюсь?

— Да я нашел благоразумным взять его с собою.

— Конечно. Не расставайтесь с своим револьвером ни днем, ни ночью и никогда не пренебрегайте предосторожностями.

Наши приятели уже заняли места в вагоне первого класса и ожидали нас на платформе.

На вопросы моего друга доктор Мортимер ответил:

— Нет, мы ничего не узнали нового. За одно я могу поручиться, что за последние два дня за нами не следили. Мы ни разу не выходили из дому без того, чтобы зорко не осматриваться, и никто не мог бы скрыться от нашего наблюдения.

— Полагаю, что вы всегда выходили вместе?

— За исключением вчерашнего дня. Когда я приезжаю в город, то имею обыкновение посвящать один день удовольствию, а потому провел вчерашний день в музее медицинского колледжа.

— А я пошел в парк поглазеть на народ, — сказал Баскервиль, — но мы не подвергались ни малейшего рода неприятностям.

— А все-таки это было неосторожностью, — сказал Холмс, покачав очень сериозно головою. — Прошу вас, сэр Генри, никогда не ходить в одиночестве, иначе с вами может случиться большое несчастие. Нашли ли вы другой сапог?

— Нет, сэр, он исчез навеки.

— В самом деле? Это очень интересно. Ну, прощайте, — добавил он, когда тронулся поезд. — Никогда не забывайте, сэр Генри, одну фразу из странной старой легенды, которую нам прочел доктор Мортимер, и избегайте болота в те темные часы, когда властвуют силы зла.

Я еще смотрел на платформу, когда она уже далеко осталась позади нас, и видел высокую строгую фигуру Холмса, недвижимо стоявшего и смотревшего на нас.

Путешествие совершили мы быстро и приятно; я им воспользовался, чтобы ближе познакомиться с моими обоими спутниками, и проводил время, играя со спаньелем доктора Мортимера. В несколько часов черная земля стала красноватою, кирпич заменился гранитом, и рыжие коровы паслись в огороженных живыми изгородями полях, на которых сочная трава и роскошная растительность свидетельствовали о более щедром, хотя и более сыром климате. Молодой Баскервиль с живым интересом смотрел в окно и громко восклицал от восторга, когда узнавал родные картины Девоншира.

— С тех пор, как я, доктор Ватсон, уехал отсюда, я изъездил немалую часть света, — сказал

он, — но ни разу не видел места, которое могло бы сравниться с этим.

— Я никогда не видел девонширца, который бы не клялся своею родиною, — возразил я.

— Это в одинаковой степени зависит как от расы, так и от страны, — заметил доктор Мортимер. — Стоит только взглянуть на нашего друга, и его закругленная голова обнаружит нам кельта со свойственным этой расе энтузиазмом и способностью привязываться. Голова бедного сэра Чарльза была очень редкого типа, полугалльского, полу-иверийского. Но вы были очень молоды, когда покинули Баскервиль-голль, не правда ли?

— Я был еще юношей, когда умер мой отец, и никогда не видел Баскервиль-голля, потому что отец жил в маленьком коттедже на южном берегу. Оттуда же я прямо поехал к одному другу в Америку. Говорю вам, что все тут так же для меня ново, как и для доктора Ватсона, и я с нетерпением жажду увидеть болото.

— Разве? В таком случае ваше желание легко исполнимо, потому что оно уже видно, — сказал доктор Мортимер, указывая рукою в окно.

Над зелеными квадратами полей и кривою линиею невысокого леса возвышался вдали серый печальный холм, увенчанный странною зубча-

тою верхушкою, производивший впечатление какого-то мрачного фантастического пейзажа, видного в отдалении, как бы во сне. Баскервиль долго сидел молча и пристально смотрел на него, а я между тем читал на его оживленном лице, какое значение имеет для него этот первый взгляд на странное место, где люди его крови так долго властвовали. Американец с виду, он сидел в углу прозаического вагона, а между тем, смотря на его выразительные черты, я чувствовал более чем когда-либо, какой он истинный потомок длинного ряда чистокровных, пылких и властолюбивых людей. Его густые брови, его тонкие подвижные ноздри, его большие карие глаза выражали гордость, мужество и силу. Если на проклятом болоте нас встретит затруднение или опасность, можно, по крайней мере, быть уверенным, что он такой товарищ, для которого стоит идти на риск с уверенностью, что он разделят его.

Поезд остановился у маленькой станции, и мы все вышли. За низкою белою оградою ожидал нас шарабан, запряженный парою жеребцов. Наш приезд составлял, по-видимому, событие, потому что и начальник станции, и носильщики собрались вокруг нас, чтобы вынести наш багаж. Местечко было хорошенькое, но простое,

деревенское, и я был удивлен, что у ворот стояли два солдата в темных мундирах; они опирались на короткие винтовки и пристально смотрели на нас, когда мы проходили. Кучер, человечек с грубым суровым лицом, поклонился сэру Генри Баскервилю, и, усевшись в экипаж, мы быстро полетели по широкой белой дороге. С обеих сторон развертывались пастбища, и старые дома с остроконечными крышами выглядывали из-за густой зелени, но за этим мирным, залитым солнцем, пейзажем беспрерывно выделялась пятном на вечернем небе длинная мрачная извилистая полоса болота, перерезанная зубчатыми угрюмыми холмами.

Шарабан повернул на проселочную дорогу, глубоко изрытую колеями, с высокими насыпями по обеим сторонам, поросшими мокрым мохом, жирным папоротником и терновником, многочисленные ягоды которого блестели при свете заходящего солнца. Постоянно подымаясь, мы переехали по узкому гранитному мосту и продолжали путь вдоль шумного потока, который, пенясь и бушуя, стремительно несся между серыми камнями. И дорога и поток шли, извиваясь по долине, густо поросшей старыми дубами и елями. При каждом повороте Баскервиль изда-

вал возглас восхищения, жадно осматривал все кругом и предлагал бесчисленные вопросы. На его взгляд все было красиво, но мне казалось, что на этой местности лежит грустная тень и что она очень резко носит отпечаток печальной поры года. Желтые листья покрывали тропинки и осыпали нас. Шум наших колес заглушался густым слоем гниющей растительности, и я подумал, что грустные дары бросает природа под колеса возвращающегося наследника Баскервилей.

— Это что такое? — воскликнул доктор Мортимер.

Перед нами открылась круглая возвышенность, покрытая вереском, — выдающаяся часть болота. На ее вершине резко и отчетливо, как статуя, выделялся верховой, темный и мрачный, с винтовкою наготове. Он наблюдал за дорогою, по которой мы ехали.

— Что это такое, Перкинс? — спросил доктор Мортимер.

Наш кучер повернулся вполоборота и ответил:

— Из Принцтаунской тюрьмы убежал преступник, сэр. С тех пор прошло уже три дня, и стражи стерегут все дороги и все станции, но не заметили еще никаких следов его. Здешним фермерам это не нравится, сэр, могу вас уверить.

— Но я полагаю, что они получат пять фунтов, если доставят сведения о нем.

— Да, сэр, но возможность получить пять фунтов плохое утешение при возможности, что вам перережут горло. Ведь это не обыкновенный заключенный. Это человек, который ни перед чем не остановится.

— Кто же это такой?

— Это Сельден, ноттингхильский убийца.

Я помнил его дело, потому что им заинтересовался Холмс вследствие исключительного зверства преступления и бесстыдной грубости, какою были отмечены все действия убийцы. Замена смертной казни заключением произошла вследствие сомнения в здравости его рассудка, настолько поведение его было ужасно. Наш шарабан поднялся на вершину, откуда открылось перед нашими глазами громадное пространство болота, испещренное огромными каменными глыбами и неровными вершинами. С этого болота подул на нас холодный ветер, от которого нас проняла дрожь. Где-то там, на этой мрачной равнине, прячется ужасный человек, зарывшись в нору, как дикий зверь, с сердцем, полным злобы против человечества, изгнавшего его. Недоставало только этого для полноты мрачного впечатле-

ния, производимого пустынею, пронизывающим ветром и потемневшим небом. Даже Баскервиль умолк и плотнее завернулся в свое пальто.

Мы оставили за собою плодородную местность. Мы теперь оглядывались на нее, а косые лучи заходящего солнца обращали ручьи в золотые нити, заставляли ярко гореть красную вновь вспаханную землю, и широкую гирлянду лесов. Впереди нас дорога становилась все более мрачною и дикою, проходя над громадными бурыми откосами, осыпанными исполинскими каменьями. По временам мы проезжали мимо какого-нибудь коттеджа на болоте с каменными стенами и крышею, без всяких вьющихся растений, которые бы смягчали их резкие очертания. Вдруг мы заглянули в чашеобразное углубление с разбросанными по нем чахлыми дубами и елями, исковерканными и согнутыми многолетними свирепыми бурями. Над деревьями возвышались две узкие башни. Кучер указал на них кнутом и сказал:

— Баскервиль-голль.

Его господин привстал с сиденья: щеки его раскраснелись, глаза горели. Через несколько минут мы подъехали к воротам парка, фантастической путанице из железа с изношенными непогодою

столбами, покрытыми мохом и увенчанными кабаньими головами из герба Баскервилей. Сторожка представляла собою развалины из черного гранита и стропил, но против нее находилось недостроенное новое здание, первое применение южно-африканского золота, вывезенного сэром Чарльзом.

Мы въехали в аллею, где шум колес был снова заглушен слоем упавших листьев, и старые деревья сходились в виде свода над нашими головами. Баскервиль содрогнулся, когда мы проезжали вдоль длинной темной аллеи, в конце которой смутно вырисовывался, как привидение, дом.

— Это случилось здесь? — спросил он тихим голосом.

— Нет, нет, тисовая аллея находится с другой стороны.

Молодой наследник бросил вокруг себя мрачный взгляд.

— Неудивительно, что дяде чувствовалось не по себе в подобном месте, — сказал он. — Тут всякий будет напуган. Не дальше как через полгода я поставлю ряд электрических фонарей, и вы не узнаете дома, когда подъезд будет освещен лампою Свана и Эдисона в тысячу свечей.

Аллея оканчивалась обширною площадкою,

покрытою дерном, и мы увидели дом. При угасающем свете я заметил, что середина его представляла тяжелую мглу, из которой выделялся портик. Весь фасад был покрыт плющом, кое-где прорезанным окном или гербом, слабо светившимся сквозь плющ. От центральной массы подымались две башни, — древние, зубчатые, с множеством бойниц. Справа и слева примыкали к башням более новые пристройки из черного гранита. Из окон с частыми переплетами шел тусклый свет, а из труб на шпиле крутой крыши подымалась единственная струйка дыма.

— Добро пожаловать, сэр Генри! Добро пожаловать в Баскервиль-голль!

Из тени портика выступил высокий мужчина и открыл дверцу шарабана. На желтой стене передней проектировался женский силуэт. Она вышла и помогла мужчине забрать наш багаж.

— Не отпустите ли вы меня прямо домой, сэр Генри? — спросил доктор Мортимер. — Жена ожидает меня.

— Разве вы не пообедаете с нами?

— Нет, мне нужно ехать. По всей вероятности, меня дома ждет работа. Я бы остался, чтобы показать вам дом, но Барримор сделает это лучше меня. Прощайте и никогда не бойтесь посылать

за мною днем ли, ночью ли, когда бы я ни понадобился.

Шум колес заглох вдали аллеи, пока сэр Генри и я вошли в переднюю, и дверь подъезда тяжело захлопнулась за нами. Мы очутились в красивом помещении, просторном, высоком, с тяжелым потолком из старого черного дуба. В большом, старинной постройки, камине трещал огонь. Сэр Генри и я протянули к нему руки, так как они у нас онемели от продолжительной езды. Затем мы осмотрелись кругом, — на высокие узкие окна со старыми мутными стеклами, на дубовые стены, на кабаньи головы, на гербы; все это было мрачно при тусклом освещении висевшей по середине комнаты лампы.

— Все здесь имеет совершенно такой вид, как я себе представлял, — сказал сэр Генри. — Не находите ли вы, что это типичный дом древнего рода? Подумать только, что в этом самом зале жили кровные мои пятьсот лет назад! Эта мысль порождает во мне какую-то торжественность.

Я видел, как загорелое лицо сэра Генри просияло детским восторгом. Он стоял посреди комнаты, и свет падал прямо на него, но от стен тянулись длинные тени, покрывавшие его как бы балдахином. Барримор, отнесший багаж в наши комнаты,

вернулся. Он стоял перед нами в почтительной позе хорошо воспитанного слуги. Наружность его была замечательная; он был высок, красив, с черною бородою, ровно остриженною, и бледными тонкими чертами.

— Желаете ли вы, сэр, чтобы обед был тотчас же подан?

— Разве он готов?

— Он будет готов через несколько минут. В своих комнатах вы найдете теплую воду. Жена и я будем счастливы, сэр Генри, остаться у вас, пока вы не сделаете новых распоряжений, но вы, конечно, понимаете, что при новых условиях дом этот потребует значительного штата.

— Какие новые условия?

— Я хотел сказать, сэр, что сэр Чарльз вел очень уединенную жизнь, и мы были в состоянии исполнять его требования. Вы же, естественно, захотите видеть у себя более многочисленное общество, а потому вам потребуется иного рода домашнее хозяйство.

— Неужели вы и жена ваша хотите уйти от меня?

— Если и это не причинит вам неудобства.

— Но ведь ваше семейство жило у нас в продолжение нескольких поколений, не правда ли?

Мне будет очень больно начать здесь свою жизнь разрывом старой семейной связи.

Мне показалось, что бледное лицо дворецкого выразило некоторое волнение.

— И мы с женой чувствуем то же самое, сэр. Но, по правде сказать, мы оба были очень привязаны к сэру Чарльзу; смерть его нанесла нам удар и сделала очень тяжелым пребывание в этих стенах. Я боюсь, что мы уже никогда не будем чувствовать себя хорошо в Баскервиль-голле.

— Что же вы намерены делать?

— Я не сомневаюсь, сэр, что нам удастся предпринять какое-нибудь дело. Щедрость сэра Чарльза дала нам на это возможность. А теперь, сэр, может быть, лучше будет показать вам ваши комнаты?

Вокруг верхней части древнего вестибюля шла галерея с перилами, и к ней примыкала двойная лестница. От этого центрального пункта во всю длину строения шли два длинных коридора, на которые выходили все спальни. Моя и сэра Генри спальни находились в одном и том же флигеле и были почти смежными. Эти комнаты казались гораздо более современными, чем центральная часть дома; светлые обои и многочисленные свечи несколько рассеяли мое первое мрачное

впечатление.

Но столовая, выходившая в вестибюль, была мрачным и печальным местом. Это была длинная комната, разделенная уступом на эстраду, на которой сиживала семья, и на более низкую часть, где размещались подчиненные. На одном ее конце были хоры для музыкантов. Над нашими головами тянулись черные балки с закоптелым потолком над ними. Ряд ослепительных факелов и грубое веселье пиров старого времени, может быть, и смягчали угрюмый вид этой комнаты. Но теперь, когда двое мужчин в черном сидели при слабом освещении лампы с абажуром, поневоле хотелось говорить шёпотом, и чувствовалось угнетенное состояние. Мрачный ряд предков во всевозможных одеяниях, начиная от елизаветинского рыцаря, кончая щеголем времен регентства, смотрели на нас и наводили жуткое чувство своим молчаливым сообществом. Мы не много говорили, и я был рад, когда окончился наш обед, и мы могли уйти в более современную биллиардную и выкурить там папироску.

— Поистине не очень-то это весёлое место, — сказал сэр Генри. — Полагаю, что со временем можно настолько опуститься, чтобы примириться с ним, но теперь я чувствую себя неподходящим

для него. Я не удивляюсь, что мой дядя немного свихнулся, если он жил в одиночестве в этом доме. Однако же, если вы ничего не имеете против, мы разойдемся пораньше сегодня, и авось завтра утром предметы покажутся нам более веселыми.

Я раздвинул занавеси, прежде чем лечь в постель, и посмотрел в окно. Оно выходило на зеленую лужайку у подъезда. За нею две группы деревьев шумели и раскачивались поднявшимся ветром. Серп луны выглядывал из-за бегущих облаков. При его холодном свете я увидел за деревьями ломаную линию скал и длинную, низкую впадину угрюмого болота. Я спустил занавеси, почувствовав, что мое последнее впечатление было не лучше первых.

А между тем оно было не самым последним. Я был утомлен, а спать мне не хотелось. Я ворочался с боку на бок, призывая сон, который не приходил. Где-то далеко куранты пробили четверти, и, за исключением этого звука, старый дом был погружен в гробовое молчание. И вдруг, среди полной тишины, я услыхал звук, ясный, отчетливый и безошибочный. Это было рыдание женщины, заглушенный, подавленный стон человека, терзаемого непреодолимым горем. Я сел на постели и стал напряженно слушать. Звук

этот раздался вблизи и, конечно, был издан в самом доме. Я ожидал в продолжение получаса, все нервы мои были натянуты, но не услыхал ничего, кроме курантов и шелеста плюща на стене.

VII. Стаплтоны из Меррипит-гауза

Свежая красота следующего утра несколько изгладила мрачное впечатление, произведенное на нас первым знакомством с Баскервиль-голлем. Когда сэр Генри и я сидели за завтраком, солнечный свет врывался потоками через высокие окна и, проходя сквозь покрывавшие их гербы, бросал на пол разноцветные пятна. Темные стены, отражая золотистые лучи, казались бронзовыми, и трудно было представить себе, что мы сидим в той самой комнате, которая накануне вечером так угнетающе подействовала на нас.

— Я думаю, — сказал баронет, — что вина лежала в нас самих, а не в доме. Мы устали от путешествия, прозябли и потому были склонны видеть все в мрачном свете. Теперь же мы освежились, чувствуем себя хорошо, и все стало весело вокруг нас.

— А между тем нельзя приписать все воображению, — возразил я. — Не слыхали ли вы, например, как кто-то (женщина, полагаю я) рыдал ночью?

— Это любопытно, потому что и мне, когда я начал дремать, послышалось что-то в этом роде. Я долго прислушивался, но так как звук не повторился, то решил, что видел сон.

— А я его слышал совершенно ясно и уверен, что это рыдала женщина.

— Следует тотчас же это выяснить.

Сэр Генри позвонил и спросил Барримора, не может ли он объяснить слышанное нами. Мне показалось, что бледное лицо дворецкого еще более побледнело, когда он услыхал вопрос своего хозяина.

— В доме, сэр Генри, только две женщины, — ответил он. — Одна — судомойка, но она спит в другом флигеле, другая — моя жена, и я отвечаю за то, что она не плакала.

А между тем он лгал, потому что после завтрака я встретил миссис Барримор в длинном коридоре, причем солнце прямо освещало ее лицо. Это была большая, с виду равнодушная, тяжеловесная женщина с установившимся строгим выражением рта. Но много говорившие глаза ее были красны, и она бросила на меня взгляд из-за распухших век. Так, значит, ночью плакала она, и в таком случае муж ее должен был это знать. А между тем он взял на себя очевидный риск

скрыть это обстоятельство. Зачем он это сделал? И почему она так горько плакала? Вокруг этого бледного, красивого мужчины уже скопилась таинственная и мрачная атмосфера. Он первый увидал тело сэра Чарльза, и только от него одного были известны все обстоятельства, сопровождавшие смерть старика. В конце концов возможно, что человек, которого мы видели в кэбе на Реджент-стрите, был Барримор. Борода могла быть его собственная. Из описания извозчика выходило, что его седок был несколько ниже ростом, но это впечатление могло быть ошибочным. Как решить этот вопрос? Очевидно было, что прежде всего следовало повидать гримпенского почтмейстера и узнать, была ли вручена самому Барримору проверочная телеграмма. Какой бы я ни получил ответ, мне будет, по крайней мере, что донести Шерлоку Холмсу.

После завтрака сэру Генри нужно было рассмотреть различные бумаги, а потому время было самое благоприятное для моей экскурсии. Мне пришлось совершить приятную прогулку в четыре мили по краю болота, и я дошел до маленькой серой деревушки, в которой возвышались над другими строениями трактир и дом доктора Мортимера. Почтмейстер, бывший одновременно

и сельским лавочником, хорошо помнил телеграмму.

— Конечно, сэр, — сказал он, — я переслал телеграмму мистеру Барримору в точности, как было указано.

— Кто относил ее?

— Мой мальчик. Джэмс, ты относил на прошлой неделе телеграмму мистеру Барримору в голль, не правда ли?

— Я, отец.

— И отдал ее ему в руки? — спросил я.

— Он был тогда на чердаке, так я не мог отдать телеграмму ему в руки, но миссис Барримор обещала тотчас же передать ее.

— Видели ли вы мистера Барримора?

— Нет, сэр. Говорю вам, что он был на чердаке.

— Если вы его не видали, почему же вы знаете, что он был на чердаке?

— Боже мой, да его же собственная жена должна была знать, где он находится, — сказал почтмейстер недовольным тоном. — Разве он не получил телеграммы? Если произошла какая-нибудь ошибка, то жаловаться должен сам мистер Барримор.

Безнадежным казалось продолжать далее мое следствие, но ясно было одно, что, несмотря на

хитрость Холмса, мы не имели никаких доказательств тому, что Барримор не ездил тогда в Лондон. Предположим, что он ездил, предположим, что тот же самый человек последний видел сэра Чарльза в живых и первый следил за новым наследником, как только он приехал в Англию. Что же из этого следует? Был ли он агентом других или же у него у самого были какие-нибудь злые умыслы? Какой ему интерес преследовать род Баскервилей? Я думал о странном предостережении, составленном из слов передовой статьи «Таймса». Было ли это его делом или, может быть, кого-нибудь другого, кто хотел противодействовать его планам? Единственным понятным мотивом для его действий было бы то, что высказал сэр Генри, а именно напугать Баскервиля так, чтобы он не приезжал в свои владения, и в таком случае Барриморам было бы обеспечено удобное и постоянное место жительства. Но такая точка зрения совершенно не могла объяснить, почему понадобились столь тонкие махинации, которыми, как невидимою сетью, был окружен молодой баронет. Сам Холмс сказал, что ему не случалось встречать во время своих многочисленных сенсационных расследований более сложного случая. Идя по серой пустынной

дороге, я молил Бога, чтобы мой друг поскорее освободился от своих дел и приехал снять со моих плеч тяжелую ответственность.

Вдруг мои думы были прерваны звуком быстрых шагов и голосом, зовущим меня по имени. Я обернулся, ожидая увидеть доктора Мортимера, но, к удивлению своему, убедился, что за мною бежит совершенно незнакомый человек. То был небольшого роста, худой, гладко выбритый мужчина, с белокурыми волосами и впалыми щеками, лет от тридцати до сорока, в сером костюме и соломенной шляпе. У него через плечо висела жестяная ботаническая коробка, а в руке была зеленая сетка для ловли бабочек.

— Я уверен, доктор Ватсон, что вы извините мне мою смелость, — сказал он, когда, запыхавшись, добежал до меня. — Мы здесь на болоте люди простые и не ждем формальных представлений. Вы, может быть, слышали мое имя от нашего общего друга, доктора Мортимера. Я Стапльтон из Меррипит-гауза.

— Я бы узнал вас по сетке и ящику, — ответил я, — потому что мне известно, что мистер Стапльтон натуралист. Но как вы узнали меня?

— Я был у Мортимера, и он указал мне на вас из окна своей операционной комнаты. Так как нам

с вами по пути, то я решил вас догнать и представиться вам. Надеюсь, что сэр Генри не чувствует себя хуже после путешествия?

— Он чувствует себя очень хорошо, благодарю вас.

— Мы все боялись, что после трагической смерти сэра Чарльза новый баронет не захочет жить здесь. Нельзя требовать от богатого человека, чтобы он похоронил себя в таком месте, но нечего говорить, что если он поселится здесь, то принесет большую пользу стране. Полагаю, что сэр Генри не одержим никакими суеверными страхами?

— Не думаю, чтобы это могло быть.

— Вам, конечно, знакома легенда о вражеской собаке, преследующей род Баскервилей?

— Слыхал о ней.

— Удивительно, насколько легковерны здешние крестьяне. Некоторые готовы поклясться, что видели подобную тварь на болоте.

Он говорил с улыбкою, но мне казалось по его глазам, что он смотрит на дело сериознее, чем хочет это показать.

— История эта сильно подействовала на воображение сэра Чарльза, и я не сомневаюсь, что она была причиною его трагической смерти.

— Но каким образом?

— Его нервы были настолько напряжены, что появление какой бы то ни было собаки могло произвести роковое действие на его больное сердце. Я думаю, что он в самом деле видел что-нибудь в этом роде в тисовой аллее в последнюю свою ночь. Я опасался несчастия, потому что очень любил старика и знал, что сердце его слабо.

— Почему вы это знали?

— От друга моего Мортимера.

— Так вы думаете, что какая-нибудь собака преследовала сэра Чарльза, и что он вследствие этого умер от страха?

— А вы можете объяснить его смерть как-нибудь иначе?

— Я не пришел еще ни к какому заключению.

— А мистер Шерлок Холмс?

От этих слов дыхание остановилось у меня в груди, но, взглянув на спокойное лицо и немигающие глаза своего спутника, я увидел, что у него не было никакого намерения застать меня врасплох.

— Бесполезно нам, доктор Ватсон, притворяться, что мы вас не знаем, — сказал он. — Отчеты о вашем сыщике дошли до нас, и вы не могли его восхвалять без того, чтобы не сделаться самому

известным. Когда Мортимер назвал мне вас, он не мог отрицать подлинности вашей личности. Если вы здесь, значит, мистер Шерлок Холмс заинтересован этим делом, и естественно, что мне любопытно узнать, какого он держится мнения.

— Опасаюсь, что я не в состоянии ответить на этот вопрос.

— Смею я вас спросить, сделает ли он нам честь своим личным присутствием?

— В настоящее время он не может покинуть Лондона. Его внимание поглощено другими делами.

— Какая жалость! Он мог бы пролить некоторый свет на то, что так темно для нас. Что же касается ваших расследований, то если каким-нибудь образом я могу быть вам полезен, то, надеюсь, вы будете располагать мною. Если бы я имел некоторые указания на свойства ваших подозрений или на способ, каким вы полагаете вести свои расследования, то, может быть, я и в настоящую минуту мог бы оказать вам помощь или подать совет.

— Уверяю вас, что я здесь просто в гостях у своего друга сэра Генри и не нуждаюсь ни в какой помощи.

— Прекрасно! Вы совершенно правы, желая

быть осторожным и сдержанным. Я поделом проучен за то, что считаю непростительною навязчивостью, и обещаю вам больше не упоминать об этом деле.

Мы дошли до пункта, где узкая поросшая травою тропинка, отделившись от дороги, вилась по болоту. Вдали поднимался крутой холм, усыпанный валунами; с правой стороны он был в далеком прошлом изрыт каменоломнями, а передней своей стороной смотрел на нас темным утесом, поросшим по скважинам папоротником и терновником. Из-за дальней вершины вилась серая струйка дыма.

— Несколько шагов по этой болотной тропинке, и мы в Меррипит-гаузе, — сказал Стапльтон. — Не пожертвуете ли вы часом своего времени, чтобы я мог иметь удовольствие представить вас своей сестре?

Моею первою мыслью было, что я должен быть возле сэра Генри. Но я вспомнил о кипах бумаг и счетов, которыми был усеян его стол. Уже наверное он не нуждался в моей помощи для их разбора. А Холмс настоятельно просил меня изучить соседей на болоте. Я принял приглашение Стапльтона, и мы свернули на тропинку.

— Удивительное место это болото, — говорил

он, оглядывая кругом волнистую поверхность — длинные зеленые гряды с гребнями зубчатого гранита, подымавшимися в виде фантастических пенящихся волн. — Болото никогда не может надоесть. Вы не можете себе представить, какие удивительные тайны оно хранит. Оно так обширно, так пустынно и так таинственно.

— Так оно, значит, хорошо вам знакомо?

— Я живу здесь только два года. Местные жители назовут меня пожалуй новопришельцем. Мы приехали сюда вскоре после того, как поселился здесь сэр Чарльз. Но, подчиняясь своим вкусам, я исследовал всю страну и думаю, что немногие знают ее лучше меня.

— Разве ее так трудно изучить?

— Очень трудно. Посмотрите, например, на большую плоскость на север от нас с причудливыми холмами, как бы выступающими из нее. Вы ничего не находите в ней замечательного?

— Это редкое место для хорошего галопа.

— Естественно, что вы так думаете, а такое мнение стоило людям жизни. Видите вы эти яркие зеленые пятна, разбросанные по ней…

— Да, они имеют вид более плодородных мест.

Стапльтон рассмеялся.

— Это большая Гримпенская трясина, — сказал

он. — Неверный шаг, и человеку ли, животному ли — смерть. Еще вчера я видел, как одна из болотных лошадок пропала в ней. Я долго видел ее голову, высовывавшуюся из болота, но в конце концов оно засосало и ее. В сухое даже время тут опасно проходить, а после осенних дождей это ужасное место. Между тем я могу добраться до самой середины этой трясины и вернуться оттуда живым и невредимым. О Боже, вот еще одно из этих несчастных пони!

Что-то бурое каталось и подпрыгивало в зеленой осоке. Затем показалась вытянутая вверх и судорожно корчившаяся шея, и над болотом пронесся страшный предсмертный стон. Я похолодел от ужаса, но нервы моего спутника были, по-видимому, сильнее моих.

— Исчезла! — сказал он, — трясина поглотила ее. Две лошади в два дня, а может быть и гораздо более, потому что они в сухое время привыкают ходить туда и только тогда узнают об опасности, когда трясина завладеет ими. Да, скверное место большая Гримпенская трясина!

— И вы говорите, что можете ходить по ней?

— Да, есть одна или две тропинки, по которым может пробежать очень ловкий человек. Я их нашел.

— Но зачем вам ходить в такое отвратительное место?

— Видите вы там вдали эти холмы? Они представляют собою острова, окруженные со всех сторон бездушной трясиной, медленно подползшей к ним в течение многих годов. На этих холмах находятся редкие растения и бабочки, и надо уметь добраться до них.

— Я когда-нибудь попробую свое счастие.

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Бога ради выкиньте из головы такую мысль! Ваша кровь падет на мою голову. Уверяю вас, что вы не имели бы ни малейшего шанса вернуться оттуда живым. Я могу добраться туда только при помощи запоминания очень сложных примет.

— Это что такое?! — воскликнул я. По болоту пронесся протяжный низкий стон, невыразимо печальный. Он наполнил воздух, а между тем невозможно было сказать, откуда он исходит. Начался он грустным шёпотом и возрос до низкого рева, а затем снова затих в тихом меланхолическом звуке. Стаплтон посмотрел на меня с выражением любопытства на лице.

— Странное место болото, — сказал он.

— Да что же это такое?

— Крестьяне говорят, что это Баскервильская

собака требует своей добычи. Я раза два слышал этот звук, но не так громко, как сегодня.

Я с дрожью в сердце посмотрел на громадную равнину, испещренную зелеными пятнами. Ничто не шевелилось на этом обширном пространстве, за исключением двух ворон, громко каркавших на одной из вершин позади нас.

— Вы человек образованный, — сказал я. — Не верите же вы такой бессмыслице? Как вы думаете, какая причина такого странного звука?

— Болота издают иногда необычайные звуки. Происходят они или от того, что земля садится, или от того, что вода поднимается, а может быть и от чего-нибудь другого.

— Нет, нет, это был живой голос.

— Может быть. Слыхали вы когда-нибудь, как ревет выпь?

— Нет, никогда.

— Это очень редкая птица, исчезнувшая ныне из Англии, но на болоте все возможно. Да, я бы не удивился, если бы оказалось, что слышанный нами звук был рев последней выпи.

— Это самый странный звук, какой я когда-либо слыхал в жизни.

— Да, во всяком случае, это необыкновенное место. Посмотрите на тот склон холма. Что вы о

нем думаете?

Весь крутой склон был покрыт серыми каменными кругами; их было по крайней мере штук двадцать.

— Что это такое? Ограды для овец?

— Нет, это жилища наших почтенных предков. Доисторические люди густо населяли болото, и так как никто с тех пор не живет здесь, то мы находим нетронутыми все их приспособления к жизни. Это их вигвамы, с которых снесли крыши. Вы можете даже увидеть их очаги и ложа, если полюбопытствуете войти туда.

— Но ведь это целый город. Когда и кем он был населен?

— Неолитическим человеком. Время неизвестно.

— Что он делал?

— Он пас свои стада на этих склонах и научился раскапывать олово, когда медный меч начал заменять каменную секиру. Посмотрите на эту большую выемку. Это его работа. Да, доктор Ватсон, вы найдете много любопытного на болоте. Ах, простите меня! Это наверное циклопида.

Через тропинку перелетела муха или моль, и в один момент Стапльтон бросился за нею с необыкновенною энергиею и быстротою. К ужасу

моему, насекомое летело прямо по направлению к трясине, но мой новый знакомый, не останавливаясь, прыгал за нею с кочки на кочку, и в воздухе развевалась его зеленая сетка. Серый костюм и неправильные зигзаги прыжков делали его самого похожим на гигантскую моль. Я стоял, пристально следя за его охотою с чувством восхищения перед его необыкновенной ловкостью и страха, что он может оступиться на предательской трясине, как вдруг услыхал за собою шаги и, обернувшись, увидел возле себя на тропинке женщину. Она пришла с той стороны, где струйка дыма указывала на местоположение Меррипит-гауза, но неровности болота скрывали ее, пока она не подошла совсем близко.

Я не сомневался ни одной минуты в том, что это — мисс Стапльтон, о которой мне говорили, так как на болоте должно было быть немного дам, и я помнил, что кто-то описывал ее как красавицу. И действительно, подошедшая ко мне женщина была красавица самого необыкновенного типа. Нельзя себе представить большого контраста, чем тот, который существовал между братом и сестрою: Стапльтон был бесцветен, с светлыми волосами и серыми глазами, она же — более темная брюнетка, чем те, которых случается

встречать в Англии, стройная, изящная и высокая. У нее было гордое лицо с тонкими чертами, до того правильными, что они казались бы невыразительными, если бы не чувственный ротик и чудные, темные, живые глаза. Эта совершенная фигурка в изящном наряде была странным явлением на пустынной болотной тропинке. Когда я обернулся, она смотрела на брата, но затем быстро подошла ко мне. Я приподнял шляпу, желая объяснить ей свое присутствие, как вдруг ее слова обратили мои мысли по совершенно иному направлению.

— Уезжайте! — сказала она. — Возвращайтесь прямо в Лондон, немедленно!

Я мог только смотреть на нее с глупым недоумением. Ее глаза горели, и она нетерпеливо ударяла ногою о землю.

— Зачем мне возвращаться? — спросил я.

— Я не могу этого объяснить.

Она говорила горячо, низким голосом и как-то оригинально картавя.

— Но, Бога ради, сделайте то, о чем я прошу. Уезжайте, и чтобы никогда больше ноги вашей не было на болоте.

— Но я только что приехал.

— Мужчина! мужчина! — воскликнула она. —

Неужели вы не способны понять, когда предостережение делается для вашего же добра? Возвращайтесь в Лондон! Уезжайте сегодня же. Бросьте это место во что бы то ни стало! Тс! мой брат возвращается. Ни слова о том, что я сказала. Не сорвете ли вы для меня этот цветок там в хвоще? У нас на болоте очень много этого вида цветов, хотя, конечно, вы опоздали для того, чтобы любоваться красотами этой местности.

Стаплтон бросил свою охоту и вернулся к нам красный и запыхавшийся.

— А, Бериль! — произнес он, и мне показалось, что его приветствие было далеко не сердечным.

— Ах, Джэк, как ты разгорячился!

— Да, я охотился за циклопидой. Они очень редки, и их трудно увидеть позднею осенью. Как жаль, что я упустил ее!

Он говорил беззаботным тоном, но его маленькие, светлые глазки беспрестанно перебегали с девушки на меня.

— Я вижу, что вы уже познакомились.

— Да. Я говорила сэру Генри, что теперь уже поздно для того, чтобы любоваться истинными красотами болота.

— Что такое? За кого ты его принимаешь?

— Я думаю, что это должен быть сэр Генри

Баскервиль.

— Нет, нет, — сказал я. — Я простой смертный, но его друг. Я доктор Ватсон.

Краска досады залила ее выразительное лицо.

— Наш разговор был сплошным недоразумением, — сказала она.

— У вас немного было времени для разговора, — заметил ее брат с тем же вопросительным выражением в глазах.

— Я говорила с доктором Ватсоном, как с постоянным жителем, а не как с приезжим, — ответила она. — Какое ему дело до того, рано или поздно он приехал для того, чтобы видеть эти цветы. Но вы пойдете с нами в Меррипит-гауз, не правда ли?

Мы скоро дошли до мрачного дома, бывшего когда-то, в более цветущие времена, фермою, но теперь перестроенного в современное жилище. Его окружал фруктовый сад, но плодовые деревья, как и все прочие на болоте, были чахлы и малорослы. Все это место вообще производило впечатление какой-то скудости и печали. Нас принял странный, высохший, одетый по-деревенски, старый слуга, совершенно подходивший своим обликом к дому. Но внутри большие комнаты были меблированы с изяществом, изобличавшим вкус хозяйки. Когда я посмотрел

в окно на беспредельное болото, усеянное каменьями, однообразно тянувшееся до далекого горизонта, то не мог не задать себе вопроса, что заставило этого высокообразованного мужчину и эту красавицу жить в таком месте.

— Оригинальное мы выбрали место для жизни, не правда ли? — спросил Стапльтон как бы в ответ на мои мысли. — А между тем нам удается чувствовать себя счастливыми, не правда ли, Бериль?

— Совершенно счастливыми, — подтвердила она, но в словах ее не слышалось уверенности.

— У меня была школа, — сказал Стапльтон. — Это было на севере. Работа в ней была слишком механическою и неинтересною для человека с моим темпераментом, но возможность жить с молодежью, формировать юные души, класть на них отпечаток своего характера и внушать им свои идеалы была дорога для меня. Но судьба вооружилась против нас. В школе открылась сериозная эпидемическая болезнь, и трое мальчиков умерло от нее. Школа не могла снова подняться после такого удара, и большая часть моего капитала безвозвратно погибла. И все-таки, если бы только не потеря прелестного сообщества мальчиков, я мог бы радоваться своему

собственному несчастию, потому что при моей сильной любви к ботанике и зоологии я нахожу здесь безграничное поле для работы; а сестра моя такая же поклонница природы, как и я. Все это вы должны были выслушать, доктор Ватсон, благодаря тому выражению, с каким вы смотрели из нашего окна на болото.

— Мне, конечно, должно было прийти в голову, что здесь немного тоскливо и не столько, может быть, для вас, сколько для вашей сестры.

— Нет, нет, я никогда не тоскую, — быстро возразила она.

— У нас книги, занятия, и мы имеем интересных соседей. Доктор Мортимер в высшей степени сведущий человек в своей специальности. Бедный сэр Чарльз также был восхитительным товарищем. Мы хорошо знали его, и нам так недостает его, что я и выразить не могу. Как вы думаете, не будет ли навязчивостью с моей стороны, если я сегодня сделаю сэру Генри визит, чтобы познакомиться с ним?

— Я уверен, что он будет в восторге.

— Так, может быть, вы предупредите его о моем намерении. При наших скромных средствах мы, может быть, в состоянии будем облегчить ему несколько жизнь, пока он не привыкнет к

новой среде. Не желаете ли вы, доктор Ватсон, пойти наверх и взглянуть на мою коллекцию чешуекрылых? Я думаю, что это самая полная коллекция во всей юго-западной Англии. Пока вы будете осматривать ее, подоспеет завтрак.

Но я спешил вернуться к своим обязанностям. Меланхолический вид болота, смерть несчастного пони, сверхъестественный звук, связанный с мрачною Баскервильскою легендою, все это придало печальный оттенок моим мыслям. Затем последнею каплею к этим более или менее неопределенным впечатлениям явилось определенное и ясное предостережение мисс Стаплтон, высказанное с такою сериозностью, что я не мог сомневаться в том, что она сделала это, имея очень глубокое основание. Я устоял против всех уговоров остаться завтракать и тотчас отправился домой по той же поросшей травою тропинке, по которой пришел сюда.

Но, по-видимому, была другая, более прямая дорожка, потому что не успел я дойти до дороги, как был поражен, увидев, что мисс Стаплтон сидит тут на камне. Лицо ее было еще красивее от разлившейся по нем краски, и она держала руку у сердца.

— Я всю дорогу бежала, чтобы перехватить вас,

доктор Ватсон, — сказала она. — Я не имела даже времени надеть шляпку. Мне нельзя долго оставаться, не то брат хватится меня. Я хотела вам сказать, как я огорчена своею глупою ошибкою. Пожалуйста, забудьте мои слова, не имеющие никакого отношения к вам.

— Я не могу их забыть, мисс Стаплтон. Я друг сэра Генри, и его благополучие очень близко касается меня. Скажите мне, почему вам так хотелось, чтобы сэр Генри вернулся в Лондон?

— Женский каприз, доктор Ватсон. Когда вы лучше узнаете меня, то поймете, что я не всегда могу объяснить то, что говорю или делаю.

— Нет, нет. Я помню дрожание вашего голоса. Пожалуйста, прошу вас, мисс Стаплтон, будьте откровенны со мною, потому что с тех пор, как я здесь, я чувствую, что вокруг меня сгущаются тени. Жизнь стала походить на эту большую Гримпенскую трясину с зелеными пятнами повсюду, в которые можно погрузиться, не имея путеводителя, готового указать верную дорогу. Скажите же мне, что у вас было на уме, и я обещаю вам передать ваше предостережение сэру Генри.

Выражение нерешительности пробежало по ее лицу, но взгляд ее снова стал жестким, когда она мне ответила:

— Вы придаете слишком большое значение моим словам, доктор Ватсон. Мой брат и я были очень потрясены смертью сэра Чарльза. Мы были очень близки ему, и его любимою прогулкою была дорога через болото к нашему дому. На него произвело сильное впечатление проклятие, тяготеющее над его родом, и когда произошла его трагическая смерть, я естественно почувствовала, что должны быть основания тому страху, который он выражал. Поэтому я была в отчаянии, что другой член семьи приехал, чтобы поселиться здесь, и сознавала, что его следует предостеречь против опасности, которой он подвергается. Вот и все, что я хотела сообщить.

— Но какого рода опасность?

— Вы знаете историю о собаке?

— Я не верю таким глупостям.

— А я верю. Если вы имеете какое-нибудь влияние на сэра Генри, то увезите его с места, которое было всегда роковым для его рода. Мир велик. Зачем ему желать жить в опасном месте?

— Потому что это опасное место. Таков характер сэра Генри. Я боюсь, что если вы не дадите мне более определенных сведений, то я не в состоянии буду увезти его отсюда.

— Я ничего не могу сказать определенного,

потому что ничего определенного не знаю.

— Позвольте мне, мисс Стапльтон, предложить вам еще один вопрос. Если вы ничего иного не хотели сказать, то почему же вы не желали, чтобы ваш брат слышал вас? Тут ничего нет такого, против чего мог бы восстать он или кто бы то ни было другой.

— Мой брат страстно желает, чтобы голль был обитаем, так как он думает, что это было бы на благо бедному народу, живущему на болоте. Он очень будет недоволен, если узнает, что я сказала что-нибудь, могущее заставить сэра Генри уехать отсюда. Но теперь я исполнила свой долг и не скажу больше ничего. Мне нужно вернуться домой, иначе он хватится меня и заподозрит, что я виделась с вами. Прощайте!

Она повернулась и в несколько секунд исчезла между разбросанными каменьями, пока я, угнетенный неопределенными страхами, продолжал свой путь в Баскервиль-голль.

VIII. Первое донесение доктора Ватсона

С этого времени я буду следовать за течением событий, переписывая свои же письма к мистеру Шерлоку Холмсу, которые лежат перед мною на столе. Одной страницы недостает, все же остальные точно переписаны и передают более подробно мои чувства и подозрения (имевшие место в то время), чем могла бы это сделать моя память, как она ни ясна относительно этих трагических происшествий.

Баскервиль-голль, октября 13-го.

«Дорогой Холмс, из моих прежних писем и телеграмм вы хорошо ознакомлены со всеми событиями, имевшими место в этом из всего мира самом забытом Богом уголке. Чем дольше здесь живешь, тем глубже проникает в душу дух болота, со всею его обширностью и мрачною прелестью. Раз вы попали на него, вы оставили за собою всякий след современной Англии и видите повсюду жилища и работу доисторического человека. Со всех сторон рассеяны вокруг вас его дома,

его могилы и громадные монолиты, указывающие, как предполагают, место нахождения его храмов. Смотря на серые каменные хижины, торчащие на склонах холмов, вы забываете о своем времени, и если бы из-под низкой двери выполз волосатый человек, одетый в звериные шкуры, и натянул бы на свой лук стрелы с кремневым наконечником, то вы почувствовали бы, что его присутствие здесь гораздо более естественно, чем ваше. Странно то, что столь бесплодная местность была так густо населена. Я не археолог, но думаю, что то была не воинственная, разоренная раса, которая принуждена была принять то, что другие отказывались занимать.

Однако же все это не относится к моей миссии, и очень неинтересно для вашего строго практического ума. Я помню ваше полное равнодушие к тому — солнце ли движется вокруг земли или земля вокруг солнца. А потому вернемся к фактам, касающимся сэра Генри Баскервиля.

Я не посылал вам за последние дни никакого донесения, потому что до сегодняшней ночи не произошло ничего, стоящего донесения. Сегодня же случилось очень удивительное обстоятельство, о котором я вам сообщу в свое время. Но прежде всего я должен ознакомить вас с некото-

рыми другими факторами положения.

Один из них, о котором я говорил очень мало, — беглый преступник. Есть полное основание полагать, что он совсем ушел из этой местности, что составляет большое облегчение для одиноких хозяев на болоте. Прошло две недели со времени его бегства из тюрьмы, и с тех пор ничего не было слышно о нем. Совершенно непостижимо, чтобы он мог так долго продержаться на болоте. Конечно, что касается до возможности скрываться, то в этом он не мог найти затруднения. Каждая каменная хижина могла служить ему убежищем. Но на болоте решительно нечего есть, разве что только он поймал и убил одну из пасущихся овец. Поэтому мы думаем, что он ушел, и фермеры стали от этого спать крепче.

В нашем доме нас четверо сильных мужчин, так что мы можем позаботиться о себе, но признаюсь, что мне бывало жутко, когда я думал о Стапльтонах. Они живут на много миль от всякой помощи. В их доме одна девушка, один старый слуга, сестра и брат — не очень сильный мужчина. Они оказались бы беспомощными в руках всякого отчаянного молодца, как этот нотттингильский преступник, если бы ему удалось проникнуть к ним. Сэр Генри и я приняли участие

в их положении и подали мысль, чтобы конюх Перкинс ходил туда ночевать, но Стаплтон и слышать не хотел об этом.

Дело в том, что наш друг баронет начинает сильно интересоваться красивою соседкою. Этому нечего удивляться, потому что время тянется тоскливо в этом пустынном месте для такого деятельного человека, а она обворожительная красавица. В ней есть что-то трагическое и экзотическое, что составляет удивительный контраст с ее холодным и бесчувственным братом, однако же, и в нем можно подозревать скрытый огонь. Он несомненно имеет очень заметное влияние на нее; я видел, как она, разговаривая, постоянно взглядывала на него, как бы ища его одобрения тому, что сказала. Надеюсь, что он добр к ней. Какой-то сухой блеск его глаз и твердая складка тонких губ доказывают положительный, а может быть и грубый характер. Вы бы нашли его интересным субъектом для изучения.

Он в первый же день навестил Баскервиля, а на другое утро повел нас на то место, где произошли, как предполагается, события, рассказанные легендой о злом Гюго. Мы шли несколько миль по болоту и дошли да такого мрачного места, что оно само по себе могло внушить эту историю.

Мы увидели короткую долину между скалами, примыкающую к открытому зеленому пространству, покрытому белым жабником. Посредине этого пространства торчало два больших камня, обостренные кверху в виде громадных клыков какого-нибудь чудовищного животного. Как бы то ни было, это место вполне соответствовало сцене древней трагедии. Сэр Генри сильно заинтересовался и не раз допрашивал Стапльтона, верит ли он в возможность вмешательства сверхъестественных сил в людские дела. Он говорил как бы шутя, но очевидно было, что настроение его серьезное. Стапльтон отвечал очень сдержанно, но не трудно было заметить, что он говорит менее, чем мог бы сказать, и что он не хочет выразить вполне свое мнение из уважения к чувствам баронета. Он рассказывал о подобных же случаях, когда целые семейства страдали от какого-нибудь злого влияния, и мы сохранили от его слов такое впечатление, что он разделяет народное поверие о собаке.

На возвратном пути мы завтракали в Меррипит-гаузе, и тут сэр Генри познакомился с мисс Стапльтон. С первого же момента, как только взглянул на нее, он, по-видимому, был сильно ею увлечен и, если я не ошибаюсь, чувство это было

взаимным. Он часто заговаривал о ней, когда мы возвращались домой, и с тех пор не проходило почти дня, чтобы мы не видели или брата, или сестру. Они сегодня вечером обедают у нас, а мы, кажется, соберемся к ним на будущей неделе. Можно подумать, что такой брак был бы очень желателен для Стапльтона, а между тем я не раз ловил на его лице взгляд самого сильного неодобрения, когда сэр Генри оказывал какое-нибудь внимание его сестре. Он, без сомнения, очень к ней привязан, и ему пришлось бы вести крайне одинокую жизнь без нее, но было бы в высшей степени эгоистичным с его стороны противиться такой блестящей партии. А между тем я уверен, что он не желает, чтобы их близость перешла в любовь, и я замечал несколько раз, что он старался препятствовать их tête-à-tète. Кстати, вашим инструкциям относительно того, чтобы я никогда не допускал, чтобы сэр Генри выходил один, будет гораздо труднее следовать, если ко всем нашим затруднениям прибавится еще любовное дело. Моя популярность очень скоро пострадала бы, если бы мне пришлось исполнять буквально ваши приказания.

На днях, а именно в четверг, доктор Мортимер завтракал у нас. Он отрыл доисторический

череп и был от этого в восторге. Я никогда не видывал такого искреннего энтузиаста. Затем пришел Стаплтон, и добрый доктор повел нас, по просьбе сэра Генри, в тисовую аллею, чтобы в точности показать нам, как все произошло в роковую ночь. Прогулка по тисовой аллее очень длинная и мрачная: по обеим сторонам тянутся две высокие стены из подстриженной зеленой изгороди с узкою полоскою, поросшею травою по бокам. На дальнем конце стоит старая, развалившаяся беседка. На половине дороги находится калитка, ведущая на болото, где старик уронил пепел с сигары. Я помнил вашу систему и старался нарисовать себе картину всего, что случилось. Пока старик стоял там, он увидел что-то идущее к нему по болоту, что-то такое, настолько испугавшее его, что он, не помня себя, пустился бежать и бежал до тех пор, пока не умер от ужаса и истощения. Он бежал по длинной мрачной аллее. От чего? От болотной овчарки? Или же от призрачной собаки, черной, безмолвной и чудовищной? Было ли в этом деле человеческое участие? Знал ли бледный, бдительный Барримор более, чем хотел сказать? Все темно и неопределенно, но постоянно чувствуется за этим мрачная тень преступления.

После моего последнего письма к вам я встретил еще одного соседа, — мистера Франкланда из Лафтар-голля, который живет в четырех приблизительно милях на юг от нас. Он пожилой человек, краснолицый, седовласый и желчный. Он питает страсть к британскому закону и истратил большое состояние в тяжбах. Он судится из одной любви к судам и одинаково готов смотреть на вопрос с различных сторон; поэтому не мудрено, что эта забава оказалась дорогостоящею для него. Иногда он закрывает право проезда и предоставляет приходу тягаться с ним из-за того, чтобы его вновь открыть. Иногда он собственными руками выламывает чужую калитку и объявляет, что здесь с незапамятных времен существовала тропинка, предоставляя собственнику преследовать его за нарушение чужой собственности. Он сведущий человек в древних владельческих и общественных правах и применяет иногда свои познания в пользу Фернвортских сельчан, а иногда против них, так что его периодически то носят с триумфом на руках по деревенской улице, то заочно сжигают. Говорят, что в настоящее время у него на руках девять судебных дел, которые поглотят, вероятно, остаток его состояния и таким образом вырвут его жало, и впредь он

сделается безвредным. Если исключить закон, он кажется добродушным человеком, и я упоминаю о нем только вследствие вашего настоятельного требования, чтобы я посылал вам описания людей, окружающих нас. Любопытно его настоящее времяпрепровождение: он любитель-астроном и имеет прекрасный телескоп, с которым лежит на крыше своего дома и целый день наблюдает болото, в надежде увидеть беглого преступника. Если бы он ограничивал этим свою деятельность, то все было бы хорошо, но ходят слухи, что он хочет преследовать доктора Мортимера за то, что тот отрыл неолитический череп из могилы без согласия ближайших родственников. Он разнообразит несколько нашу жизнь, внося в нее комический элемент, в котором мы очень нуждаемся.

А теперь, ознакомив вас с обстоятельствами, касающимися беглого преступника, Стапльтонов, доктора Мортимера и Франкланда из Лафтар-голля, я закончу это письмо тем, что важнее всего, рассказав вам поподробнее о Барриморах и в особенности об удивительном открытии, сделанном в прошлую ночь.

Прежде всего напишу вам о проверочной телеграмме, которую вы послали из Лондона с целью удостовериться, что Барримор действительно

дома. Я уже объяснил вам, что, по свидетельству почтмейстера, проверка ни к чему ни привела и что мы не имеем никаких доказательств. Я передал об этом сэру Генри, и он тотчас же, со свойственной ему прямолинейностью, позвал Барримора и спросил его, сам ли он получил телеграмму. Барримор ответил утвердительно.

— Передал ли ее вам мальчик в руки? — спросил сэр Генри.

Барримор казался удивленным и после некоторого раздумья сказал:

— Нет. Я был в то время в кладовой, и жена принесла мне телеграмму.

— Ответили ли вы сами на нее?

— Нет. Я передал жене, что надо отвечать, и она спустилась, чтобы написать телеграмму.

Вечером Барримор сам вернулся к этому предмету.

— Я не совсем понял цель ваших утренних вопросов, сэр Генри, — сказал он. — Надеюсь, что они были сделаны вами не потому, что я как-нибудь злоупотребил вашим доверием.

Сэр Генри уверил его, что ничего подобного не имелось в виду, и для его успокоения подарил ему значительную часть своего прежнего платья, так как прибыл лондонский заказ.

Миссис Барримор очень интересует меня. Она тяжеловесная, основательная особа, очень ограниченная, крайне почтенная и склонная быть пуританкой. Едва ли можно себе представить менее чувствительного субъекта. А между тем я передал вам, как в первую ночь она горько рыдала, и с тех пор я не раз замечал следы слез на ей лице. Какое-то глубокое горе постоянно грызет ее сердце. Иногда я спрашивал себя, не мучает ли ее какое-нибудь преступное воспоминание, а иногда подозреваю, что Барримор домашний тиранн. Я всегда чувствовал, что в характере этого человека есть что-то особенное, таинственное; событие же прошлой ночи обострило все мои подозрения.

Само по себе оно может казаться незначительным. Вы знаете, что вообще я не крепко сплю, и с тех пор, как нахожусь здесь настороже, только дремлю. Прошлою ночью около двух часов я проснулся от шагов человека, прокрадывавшегося мимо моей комнаты. Я встал, открыл дверь и выглянул в нее. По коридору тянулась длинная черная тень человека, который тихо подвигался со свечкою в руке. Он был в рубашке, панталонах, босой. Я едва мог разглядеть его фигуру, но рост говорил мне, что это Барримор. Он шел очень

медленно и осторожно, и во всем его облике было что-то невыразимо преступное и таинственное.

Я говорил вам, что коридор прерывается балконом, который окружает вестибюль, но что далее он снова начинается. Я подождал, пока Барримор скрылся, и затем последовал за ним. Когда я обогнул балкон, он уже дошел до конца дальнего коридора, и я видел по свету, выходившему чрез открытую дверь, что он вошел в одну из комнат. А надо вам сказать, что все эти комнаты немеблированы и необитаемы, от чего его ночное похождение принимало еще более таинственный характер. Луч света не колебался, из чего я заключил, что Барримор стоит, не двигаясь. Я пробрался как можно тише по коридору и заглянул в дверь.

Барримор приткнулся к окну, держа свечку у самого стекла. Лицо его было обращено ко мне в профиль и выражало напряженное ожидание. Так стоял он несколько минут. Затем тяжко застонал и нетерпеливым жестом потушил свечку. Я моментально вернулся в свою комнату и вскоре после того услыхал те же прокрадывавшиеся шаги: Барримор направлялся обратно. Прошло много времени после того и я уже слегка задремал, как вдруг услыхал, что кто-то поворачивает

ключ в замке, но не мог определить, откуда шел этот звук. Я не знаю, что все это значит, но в доме происходит что-то таинственное и мрачное, до чего мы в конце концов доберемся. Я не стану надоедать вам своими предположениями, потому что вы просили меня сообщать вам только факты. Сегодня утром мы долго беседовали с сэром Генри и выработали план кампании, основанный на моих ночных наблюдениях. В настоящее время не буду говорит о нем, но, благодаря ему, следующее мое донесение будет очень интересным».

IX. Второе донесение доктора Ватсона. Свет на болоте

Баскервиль-голль, октября 15-го.

«Дорогой Холмс, если вы не получали от меня особенных новостей в первые дни, то теперь вы признаете, что я наверстал потерянное время и что события быстро следуют одно за другим. Свое последнее донесение я окончил сообщением о том, что видел Барримора у окна, теперь, же у меня скопился такой запас сведений, который должен сильно удивить вас. Обстоятельства приняли такой оборот, какого я не мог предвидеть. С одной стороны они стали за последние сорок восемь часов гораздо яснее, а с другой стороны они сильно осложнились. Но я вам все расскажу, и вы сами рассудите.

На следующее за моими наблюдениями утро я, перед завтраком, осмотрел комнату, в которую ночью приходил Барримор. Я заметил в ней одну особенность: из западного окна, через которое он так пристально смотрел, болото видно лучше, чем из какого бы то ни было другого окна в

доме. Следовательно, раз только это одно окно могло служить целям Барримора, значит, он что-то или кого-то высматривал на болоте. Ночь была чрезвычайно темна, а потому я не могу себе представить, как он мог надеяться увидеть кого-нибудь, и мне пришло в голову, не затеялась ли тут какая-нибудь любовная интрига. Этим можно было бы объяснить его воровскую походку и горе жены. Он сам человек замечательной наружности, способной похитить сердце деревенской девушки, так что мое предположение было правдоподобным. Звук открывшейся двери, услышанный мною после того, как я вернулся в свою комнату, мог означать то, что он вышел на какое-нибудь тайное свидание. Так рассуждал я на следующее утро и передаю вам эти подозрения, хотя оказалось, что они были неосновательными.

Но, что бы ни означали в действительности поступки Барримора, я чувствовал, что свыше моих сил оставлять их на одной своей ответственности. После завтрака я пошел в кабинет баронета и рассказал ему обо всем, что видел. Он был менее удивлен, чем я ожидал.

— Я знаю, что Барримор ходит по ночам, и намерен поговорить с ним об этом, — сказал он. — Я

слышал два или три раза шаги в коридоре как раз около того часа, в который вы видели его.

— Может быть, он каждую ночь отправляется к тому самому окну, — сказал я.

— Может быть. Если это так, мы имеем возможность проследить за ним и выяснить его поведение. Интересно знать, как поступил бы ваш друг Холмс, если бы он был здесь.

— Я думаю, что он поступил бы как раз так, как вы намерены поступить, — сказал я. — Он следил бы за Барримором, пока не узнал бы всего.

— Так мы сделаем это вместе.

— Но он наверное услышит нас.

— Он несколько глуховат, и во всяком случае нам следует попытаться. Мы сегодня ночью будем сидеть в моей комнате и ждать, пока он пройдет.

Сказав это, сэр Генри весело потер руки. Ясно было, что он приветствует это приключение как развлечение, внесенное в его чересчур спокойную жизнь на болоте.

Баронет списался с архитектором, который составлял планы для сэра Чарльза, и с лондонским подрядчиком, так что мы можем ожидать, что скоро начнутся здесь большие перемены. Из Плимута приезжали декораторы и обойщики: очевидно, у нашего друга обширные планы, и

он не постоит ни перед какими издержками и трудом, ради восстановления величия своего рода. Когда дом будет ремонтирован и вновь омеблирован, то сэру Генри будет недоставать только жены. Между нами будь сказано, существуют ясные признаки, что и в этом не будет недочета, если только девушка согласится, так как я редко видел человека более влюбленного, чем сэр Генри, в нашу красавицу соседку, мисс Стаплтон. Однако же его любовь не протекает так гладко, как можно было этого ожидать при данных обстоятельствах. Сегодня, например, на нее набежало совершенно неожиданное облако, повергшее нашего друга в крайнее недоумение и огорчение.

После нашего разговора о Барриморе сэр Генри надел шляпу с намерением выйти. Само собою разумеется, что я последовал его примеру.

— Что это, Ватсон, и вы идете? — спросил он, как-то странно посмотрев на меня.

— Это зависит от того, идете ли вы на болото, — ответил я.

— Да, я иду туда.

— Ну, так вы знаете полученные мною инструкции. Мне очень неприятно быть навязчивым, но вы слышали, как сериозно настаивал Холмс на

том, чтобы я не покидал вас, и особенно на том, чтобы вы не ходили один на болото.

Сэр Генри улыбнулся, положил мне руку на плечо и сказал:

— Милый друг, Холмс при всей своей мудрости не предвидел некоторых обстоятельств, случившихся с тех пор, как я на болоте. Понимаете вы меня? Я уверен, что вы последний человек в мире, который захотел бы испортить мне радость. Я должен идти один.

Эти слова поставили меня в крайне неловкое положение. Я не знал, что сказать и что делать, а он, пока я стоял в недоумении, взял трость и ушел.

Когда я, наконец, обдумал дело, то совесть стала меня упрекать в том, что я, какая бы ни была тому причина, допустил, чтобы он скрылся с моих глаз. Я стал представлять себе, каковы были бы мои ощущения, если бы мне пришлось, вернувшись к вам, признаться, что случилось несчастие вследствие несоблюдения мною ваших инструкций. Уверяю вас, что кровь бросилась мне в голову при одной мысли об этом. Я решил, что, может быть, еще не поздно догнать его, и тотчас отправился по направлению к Меррипит-гаузу.

Я спешил как только мог, но не видел никаких

признаков сэра Генри, пока не дошел до того места, где от дороги отделяется болотная тропинка. Тут, боясь, что я пошел не по тому направлению, я взобрался на холм, — тот самый, который изрыт каменоломней и откуда открывается обширный кругозор. Оттуда я сразу увидел сэра Генри. Он находился на болотной тропинке в четверти приблизительно мили от меня, и около него была дама, которая не могла быть никто иная, как только мисс Стапльтон. Ясно было, что между ними произошло предварительное соглашение и что они пришли на свидание. Они медленно шли по тропинке, углубившись в разговор, при чем она делала быстрые движения руками, как бы относясь очень сериозно к тому, что говорила, а он напряженно слушал и два раза покачал головою, как бы энергично опровергая ее слова. Я стоял между скалами и наблюдал за ними, недоумевая, как мне поступит. Последовать за ними и впутаться в их интимный разговор казалось мне оскорблением, а между тем моею несомненною обязанностью было не упускать его ни на один момент из вида. Разыгрывать роль шпиона над другом было отвратительною обязанностью. Однако же я не видел другого исхода, как наблюдать за ним с холма и затем очистить свою

совесть, признавшись ему впоследствии во всем. Правда, что если бы ему угрожала какая-нибудь внезапная опасность, я не мог бы, по дальности расстояния, быть ему полезным, а между тем я уверен, что вы согласитесь, что мое положение было затруднительное, что мне ничего не оставалось больше делать.

Наш друг сэр Генри и дама остановились на дорожке и по-прежнему были поглощены своею беседою, как вдруг я убедился, и что не я один был свидетелем их свидания. Я заметил развевавшийся в воздухе зеленый клочок, а затем увидел, что его нес на палке человек, бегущий по болоту. То был Стаплтон со своею сеткою. Он находился гораздо ближе к собеседникам, чем я, и, по-видимому, двигался по направлению к ним. В эту минуту сэр Генри порывисто привлек мисс Стальптон к себе. Он обнял ее за талию, но мне казалось, что она отклоняется от его объятий. Он приблизил свою голову к ее голове, но она, в виде протеста, подняла руку. Вдруг они отскочили друг от друга и поспешно обернулись. Причиною тому был Стальптон. Он дико бежал к ним, и сзади него развевалась его нелепая сетка. Очутившись перед ними, он стал жестикулировать и чуть ли не плясал от возбуждения. Что все это означало,

я не мог понять, но мне казалось, что Стальптон бранил сэра Генри, который давал объяснения, становившиеся все более и более горячими, по мере того, как первый отказывался их принять. Дама стояла в надменном безмолвии. Наконец, Стаплтон повернулся на каблуках и обратился повелительно к сестре, которая, нерешительно взглянув на сэра Генри, удалилась вместе с братом. Сердитые жесты натуралиста доказывали, что и дама подверглась его гневу. Баронет постоял, посмотрел им вслед, а затем пошел назад по той дороге, по которой пришел, повесив голову и изображая собою олицетворенное уныние.

Я не мог себе представить, что все это означало, но мне было крайне стыдно, что я был свидетелем такой интимной сцены без ведома моего друга. Поэтому я сбежал с холма и у его подножия встретил баронета. Лицо его было красно от гнева, и брови сдвинуты, как у человека, окончательно не знающего, что ему делать.

— Эге, Ватсон! Откуда вы выскочили? — спросил онъ. — Не может быть, чтобы вы, вопреки всему, все-таки следовали за мною.

Я все объяснил ему: как я нашел невозможным остаться дома, как я последовал за ним и как был свидетелем всего происшедшего. Был момент,

когда глаза его засверкали, но моя откровенность обезоружила его, и он почти спокойно рассмеялся.

— Мне казалось, что середина этого луга достаточно безопасное место для того, чтобы человек мог считать себя в уединении, — сказал он, — а между тем, чёрт возьми, чуть ли не все население видело мое сватовство, — и при том очень печальное сватовство! Где занимали вы место?

— Я был на холме.

— В последнем ряду, значит. А ее брат был в самых первых местах. Видели вы, как он шел на нас?

— Видел.

— Не производит ли этот братец на вас впечатление помешанного?

— Не могу сказать, чтобы я когда-нибудь замечал это.

— Конечно. До сегодняшнего дня и я считал его достаточно здравомыслящим, но теперь, говорю вам, или на него, или на меня следует надеть смирительную рубашку. Во всяком случае, я не понимаю, в чем дело. Вы, Ватсон, прожили со иною несколько недель, так скажите мне теперь откровенно: какой недостаток препятствует мне быть хорошим мужем для женщины, которую

бы я полюбил?

— По-моему, такого недостатка у вас нет.

— Он ничего не может иметь против моего положения в свете, значит, он имеет что-то против меня лично. Но что именно? Я в жизни своей никогда никого не обидел намеренно. А между тем он бы не допустил, чтобы я дотронулся до кончиков ее пальцев.

— Разве он это сказал?

— Это и еще многое другое. Я знаю ее всего несколько недель, но, скажу вам, Ватсон, что с первого же момента почувствовал, что она создана для меня, и она также, могу поклясться, была счастлива, когда находилась со мною. Женские глаза говорят яснее слов. Но он никогда не допускал нас оставаться вдвоем, и только сегодня в первый раз я имел возможность поговорить с нею наедине. Она была рада встрече со мною, но не о любви хотела она говорить и, если бы могла, то и мне запретила бы говорить о ней. Она все возвращалась к старой теме об опасности этого места и о том, что она не будет счастлива, пока я не покину его. Я ответил, что с тех пор как увидел ее, не тороплюсь уезжать отсюда и что если она действительно хочет, чтобы я уехал, то единственное средство к тому, — устроить дела так,

чтобы уехать со мною. Тут я сделал предложение, но не успела она мне ответить, как прибежал этот брат, и лицо у него было точно у сумасшедшего. Он был бледен от злости, и светлые глаза его сверкали яростью. «Что я делаю с девушкою? Как я смею оказывать ей внимание, которое ей неприятно? Неужели я воображаю, что если я баронет, то могу делать все, что пожелаю?» Если бы он не был ее братом, то я лучше сумел бы ему ответить. Я ему сказал, что мои чувства к его сестре таковы, что их нечего стыдиться, и что я просил ее сделать мне честь стать моею женою. Это, по-видимому, нисколько не улучшило дела, так что я, наконец, также вышел из терпения и ответил ему более горячо, чем, может быть, следовало, так как она стояла тут же. Кончилось все тем, что он ушел вместе с нею, как вы видели, а я остался, сбитый с толку, самым недоумевающим человеком во всем графстве. Скажите мне только, Ватсон, что это все значит, и я останусь вашим неоплатным должником.

Я попробовал было дать то то, то другое объяснение, но, право, я сам был совершенно сбит с толку. Все говорит за нашего друга: его титул, его состояние, его характер, его наружность, и я ничего не знаю, что могло бы говорить против

него, кроме таинственного рока, преследующего его род. В высшей степени поразительно, что его предложение было так грубо отвергнуто без всякой ссылки на желание самой девушки, и что девушка допускает без протеста такое положение. Однако же, нас успокоил сам Стапльтон, явившись с визитом в тот же день. Он пришел извиниться за свою грубость, и результатом их продолжительного разговора в кабинете без свидетелей было то, что дружеские отношения снова восстановились, в доказательство чего мы будем обедать в следующую пятницу в Меррипит-гаузе.

— Я не скажу теперь, что он не помешан, — сказал сэр Генри, — я не могу забыть его глаз, когда он подбежал ко мне сегодня утром, но должен признаться, что нельзя было требовать более удовлетворительного извинения.

— Как он объяснил свое поведение?

— Он сказал, что сестра составляет все в его жизни. Это довольно понятно, и я рад, что он дает ей должную цену. Они всегда жили вместе, он всегда был одинок, и она единственный его товарищ, так что мысль потерять ее поистине ужасна для него. Он говорит, что не замечал, как я привязывался к ней; когда же увидел это собственными глазами и подумал, что ее могут

отнять у него, то возможность такого удара повергла его в состояние невменяемости. Он очень сожалел обо всем, что случилось, и сознавал, насколько безумно и эгоистично воображать, что он может сохранить на всю жизнь для себя одного такую красавицу, как его сестра. Если суждено с нею расстаться, то он охотнее отдаст ее такому соседу, как я, чем кому бы то ни было другому. Но, во всяком случае, это для него удар, к которому нужно приготовиться. Он откажется от всякого противодействия с своей стороны, если я обещаю не говорить об этом деле в продолжение трех месяцев и удовольствуюсь дружескими отношениями с девушкою, не требуя от нее любви. Я дал это обещание, и на том дело покончилось.

Итак, одна из наших маленьких тайн выяснена. Что-нибудь да значит достать дно хоть в каком-нибудь месте той тины, в которой мы барахтаемся. Теперь мы знаем, почему Стапльтон смотрел неодобрительно на ухаживателя своей сестры, даже в таком случае, когда ухаживателем был столь достойный избрания, как сэр Генри. Теперь перехожу к другой нити, вытянутой мною из спутанного мотка, к объяснению таинственных ночных рыданий, заплаканного лица миссис Барримор и воровского странствования дворец-

кого к западному окну. Поздравьте меня, дорогой Холмс, и скажите, что вы не разочаровались во мне, как агенте, и что вы не жалеете об оказанном мне доверии. Все это было выяснено в одну ночь.

Впрочем, трудились мы две ночи, но в первую нас постигла полная неудача. Мы сидели с сэром Генри в его комнате до трех почти часов и не слыхали ни одного звука кроме боя курантов на лестнице. Это было очень тоскливое бдение, окончившееся тем, что мы оба уснули, сидя на стульях. К счастию, это нас не обескуражило, и мы решились сделать еще попытку. В следующую ночь мы уменьшили огонь в лампе и принялись курить папиросы, не издавая ни малейшего звука. Часы тянулись невероятно медленно, но нас поддерживал такой же терпеливый интерес, какой должен чувствовать охотник, наблюдая за капканом, в котором он надеется увидеть попавшуюся добычу. Пробило час, пробило два, и мы уже снова хотели в отчаянии отказаться от этого дела, как вдруг оба выпрямились стульях и стали напряженно прислушиваться. Мы услыхали скрип в коридоре.

Мы слышали, как кто-то прокрадывался, пока звук шагов не умолк вдали. Тогда баронет бесшумно отпер дверь, и мы пустились в погоню.

Человек обогнул уже галерею, и коридор был погружен в совершенный мрак. Мы стали тихо прокрадываться, пока не перешли в другое крыло дома. Мы поспешили как раз вовремя, чтобы увидеть, как высокий мужчина с черною бородою, сгорбив спину, пробирался на цыпочках по коридору. Он вошел в ту же дверь, как и в прошлую ночь; свет от свечки осветил ее и бросил в мрак коридора один желтый луч. Мы осторожно двинулись по его направлению, пробуя каждую половицу, прежде чем ступить на нее. Мы имели предосторожность снять сапоги, но и без них старые доски скрипели под нашими шагами. Иногда казалось немыслимым, чтобы он не услыхал нашего приближения. Но Барримор, к счастию, несколько глух, при том же он был весь поглощен тем, что делал. Когда мы, наконец, добрались до двери и заглянули в нее, то увидели, что он стоит пригнувшись к окну, со свечкою в руке, и его напряженное лицо прижато к стеклу, точь-в-точь как я видел его за две ночи перед тем.

Мы не составили никакого плана кампании, но баронет такой человек, для которого прямой путь всегда оказывается самым естественным. Он вошел в комнату; тогда Барримор отскочил от окна с каким-то отрывистым шипением в груди и стал

перед нами смертельно бледный и весь дрожа. Его темные глаза на белом лице, смотревшие то на сэра Генри, то на меня, были полны ужаса и удивления.

— Что вы тут делаете, Барримор?

— Ничего, сэр. — Он был так взволновал, что едва мог говорить, и тени от дрожавшей в его руке свечки прыгали вниз и вверх. — Я насчет окна, сэр. Я хожу по ночам осматривать, заперты ли они.

— Во втором этаже?

— Да, сэр, все окна.

— Слушайте, Барримор, — произнес сэр Генри сурово, — мы решили добиться правды от вас, а потому чем раньше вы ее скажете, тем будет вам легче. Ну-с, так без лжи! Что вы делали у окна?

Он смотрел на нас с беспомощным выражением и ломал руки, как человек, доведенный до крайнего горя.

— Я ничего не делал дурного, сэр. Я держал свечку у окна.

— А для чего вы держали свечку у окна?

— Не спрашивайте меня, сэр Генри… не спрашивайте! Даю вам слово, сэр, что это не моя тайна и что я не могу ее выдать. Если бы она не касалась никого, кроме меня, то я бы не пытался скрыть

ее от вас.

Меня вдруг осенила мысль, и я взял свечу с подоконника, на который поставил ее дворецкий.

— Он, должно быть, держал ее, как сигнал, — сказал я. — Посмотрим, не последует ли ответа.

Я держал свечу так, как он это делал, всматриваясь в темноту ночи. Я смутно видел черную полосу деревьев и более светлое пространство болота, потому что луна скрылась за тучи. Я издал возглас торжества, потому что сквозь покров ночи вдруг показалась тоненькая желтая точка, ровно светившая прямо против окна.

— Вот и ответ! — воскликнул я.

— Нет, нет, сэр, это ничего… совсем ничего, — вмешался дворецкий, — уверяю вас, сэр…

— Двигайте свечу вдоль окна, Ватсон! — воскликнул баронет. — Смотрите, и та также шевелится! Теперь будешь ли отрицать, негодяй, что это сигнал? Ну, говори! Кто твой союзник там! и в чем заключается заговор?

Лицо дворецкого приняло смело вызывающее выражение.

— Это мое дело, а не ваше. Я ничего не скажу.

— Так вы тотчас же уйдете из моего дома.

— Очень хорошо, сэр. Уйду, если так нужно.

— И вы уйдете посрамленным. Вам следовало

бы стыдиться, чёрт возьми! Ваше семейство жило вместе с моим более ста лет под этим кровом, а я застаю вас тут в каком-то темном заговоре против меня.

— Нет, нет, сэр; нет, не против вас! — воскликнул женский голос, и миссис Барримор, более бледная, чем ее муж, и с выражением еще большого ужаса на лице, показалась в дверях. Ее массивная фигура в юбке и шали была бы комична, если бы не сила чувства, которую выражали ее черты.

— Мы должны уходить, Элиза. Всему конец! Можешь укладывать наши вещи, — сказал дворецкий.

— О, Джон, Джон, неужели я довела тебя до этого! Во всем виновата я, сэр Генри, одна я. Он делал все это ради меня и потому, что я его об этом просила.

— Так говорите же! Что это все значит?

— Мой несчастный брат умирает с голода на болоте. Не можем же мы дать ему погибнуть у самых наших ворот. Свеча служит ему сигналом, что пища готова для него, а свет там от него показывает место, куда ее отнести.

— Так ваш брат…

— Беглый из тюрьмы, сэр; Сельден, убийца.

— Это правда, сэр, — подтвердил Барримор. — Я вам сказал, что это не моя тайна и что я не могу ее выдать вам. Теперь же вы ее узнали и видите, что если и был заговор, то не против вас.

Так вот чем объяснились воровские ночные странствования и свет у окна! Сэр Генри и я с удивлением смотрели на женщину. Возможно ли, чтобы в этой тупоумно-почтенной особе и в одном из самых выдающихся преступников текла одна и та же кровь?

— Да, сэр, моя фамилия была Сельден, и он мой младший брат. Мы слишком баловали его, когда он был мальчиком, и потакали ему во всем, а потому он стал воображать, что мир создан для его удовольствия, и он может делать все, что ему нравится. Когда он сделался старше, то попал в скверную компанию, дьявол вселился в него, и он разбил сердце моей матери, а имя наше втоптал в грязь. От преступления к преступлению он падал все ниже и ниже, пока не попал на эшафот, от которого его спасло только Божье милосердие. Но для меня, сэр, он всегда оставался маленьким кудрявым мальчиком, которого я нянчила и с которым играла, как старшая сестра. Из-за этого-то он и бежал из тюрьмы, сэр. Он знал, что я здесь и что мы не могли отказать ему в помощи. Когда

он однажды ночью притащился сюда усталый и голодный, а сторожа бежали по его пятам, что нам было делать? Мы приняли его, кормили и заботились о нем. Тогда вы вернулись, сэр, и моему брату казалось, что на болоте он будет в большей безопасности, чем во всяком другом месте, пока не уляжется шум и суета по поводу его поимки, а потому он и прячется тут. Через ночь мы удостоверяемся, находится ли он все еще здесь, ставя на окно свечку и, если получается ответ, то мой муж относит ему немного хлеба и мяса. Каждый день мы надеемся, что он ушел, но пока он здесь, мы не можем его покинуть. Вот и вся правда, говорю ее, как честная христианка, и вы видите, что если следует в этом деле порицать кого-нибудь, то не моего мужа, а меня, ради которой он все это делал.

Женщина говорила с такою глубокою сериозностью, что слова ее казались убедительными.

— Правда ли это, Барримор?

— Да, сэр Генри. Каждое ее слово — правда.

— Ну, я не могу порицать вас за то, что вы стоите за свою жену. Забудьте то, что я сказал. Ступайте оба в свою комнату, а завтра утром мы подробнее поговорим об этом деле.

Когда они ушли, мы снова посмотрели в ок-

но. Сэр Генри открыл его настежь, и холодный ночной ветер бил нам в лицо. В мрачной дали продолжала светить маленькая желтая точка.

— Я удивляюсь его смелости, — сказал сэр Генри.

— Может быть, этот свет так поставлен, что он видим только отсюда.

— Вероятно. Как вы думаете, далеко это?

— Около вершины Клефт, полагаю.

— Не дальше мили или двух отсюда?

— Никак не больше, скорее меньше.

— Да, оно и не должно быть далеко, так как Барримору приходилось носить туда пищу. И этот мерзавец ждет теперь около своей свечки. Чёрт возьми, Ватсон, я пойду схватить этого человека!

Та же самая мысль пришла и мне в голову. Барриморы не поверяли нам своей тайны; она была насильно вырвана у них. Преступник, закоренелый негодяй, для которого не могло быть ни жалости, ни прощения, был опасен для общества. Мы бы только исполнили свой долг, если бы вернули его туда, откуда он не мог бы наносить вред. При его грубой и жесткой натуре другие могут поплатиться, если мы не наложим на него руки. Например, наши соседи Стапльтоны каждую ночь могут подвергнуться опасности нападения с

его стороны, и, может быт, эта-то мысль и заставила сэра Генри ухватиться за такое приключение.

— И я пойду, — сказал я.

— Так берите свой револьвер и наденьте сапоги. Чем скорее мы выйдем, тем лучше, потому что негодяй может потушить свою свечку и уйти.

Через пять минут мы уже были за дверью. Мы спешно пробирались через темный кустарник при унылом завывании осеннего ветра и шелесте падающих листьев. Ночной воздух был тяжел: в нем слышались сырость и запах разложения. От времени до времени выглядывала ненадолго луна, но тучи пошли по небу, и когда мы вступили в болото, начал моросить мелкий дождь. Свет продолжал недвижно блестеть перед нами.

— Вооружены ли вы? — спросил я.

— У меня охотничий нож.

— Мы должны быстро схватить его, потому что, говорят, он отчаянный малый. Мы захватим его неожиданно, и он будет в нашей власти прежде, чем получит возможность сопротивляться.

— Я думаю, Ватсон, о том, что бы сказал на это Холмс? Об этих темных часах, когда властвуют силы зла?

Вдруг, как бы в ответ на его слова, из обширного мрачного болота раздался тот странный

крик, который я уже однажды слышал на краю Гримпенской трясины. Среди тишины ночи ветер донес протяжный, низкий вой, поднявшийся до рева и снова затихший в тоскливом вздохе. И снова он раздался, и воздух дрожал от этого пронзительного, дикого, угрожающего звука. Баронет схватил меня за рукав, и лицо его было до того бледно, что оно выделялось в темноте.

— Боже мой, Ватсон, что это такое?

— Не знаю. Это какой-то болотный звук. Я однажды уже слышал его.

Звук замер, и нас окружило абсолютное безмолвие. Мы стояли, напрягая слух, но ничего не услыхали больше.

— Ватсон, — сказал баронет, — это был вой собаки.

Кровь застыла в моих жилах от ужаса, который слышался в его голосе.

— Как объясняют этот звук? — спросил он.

— Кто?

— Здешний народ.

— О, народ невежествен. Какое вам дело до того, как он его объясняет?

— Скажите мне, Ватсон, что народ говорит о нем?

Я колебался, но не мог уклониться от ответа.

— Он говорит, что это кричит собака Баскервилей.

Сэр Генри простонал и умолк.

— Да, то выла собака, — сказал он, наконец, — но казалось, что этот вой доносится издалека, за много миль отсюда.

Трудно было определить, откуда он доносился.

— Он поднялся и замер вместе с ветром. Ведь ветер дует от большой Гримпенской трясины?

— Да, от нее.

— Так звук шел оттуда. Ну, Ватсон, признайтесь, разве вы сами не приняли его за собачий вой? Я ведь не ребенок, и вам нечего бояться говорить мне правду.

— Стапльтон был со мною, когда я впервые услыхал этот звук. Он говорит, что его, может быть, издает какая-то странная птица.

— Нет, нет, то был вой собаки. Боже мой, неужели есть доля правды во всех этих историях? Возможно ли, чтобы я подвергался опасности от такого темного фактора? Вы не верите в это, Ватсон?

— Нет, нет.

— А между тем — одно дело — смеяться над этим в Лондоне и другое дело — стоять в темную ночь на болоте и слышать такой крик. А мой дядя!

Ведь около его тела видели следы собачьих лап. Все идет одно к одному. Не думаю, чтобы я был трусом, Ватсон, но от этого звука кровь застыла в моих жилах. Попробуйте мою руку!

Она была холодна, как кусок мрамора.

— Завтра утром вы будете чувствовать себя совсем хорошо.

— Не думаю, чтобы я когда-нибудь забыл этот крик. Что нам теперь предпринять, как вы думаете?

— Не вернуться ли нам домой?

— Нет, чёрт возьми! Мы вышли для того, чтобы добраться до молодца, и мы доберемся до него. Мы ищем преступника, адская же собака пусть ищет нас, коли хочет. Пойдем, мы достигнем своего, хотя бы все враги из преисподней были выпущены на болото.

Спотыкаясь в темноте, мы медленно подвигались среди мрачных очертаний скалистых холмов по направлению к желтой точке, все еще неподвижно светившейся перед нами. Ничто так не обманчиво, как расстояние света в темную ночь; иногда казалось, что он блестит далеко на линии горизонта, а иногда, что он находится в нескольких ярдах от нас. Наконец, мы увидели, откуда шел этот свет, и тогда убедились, что в

действительности находимся очень близко от него. Свеча была вставлена в расщелину скалы, которая окружала ее со всех сторон, так что предохраняла ее от ветра и, вместе с тем, делала ее видимой только со стороны Баскервиль-голля. Мы приблизились незаметно, благодаря скрывавшему нас гранитному валуну и, скорчившись за этим прикрытием, смотрели поверх его на сигнальный свет. Страшно было видеть эту одинокую свечу, горевшую посредине болота, без всяких признаков жизни около нее, — одно только прямое, желтое пламя и блеск скалы вокруг него.

— Что нам делать теперь? — шёпотом спросил сэр Генри.

— Ждать на этом месте. Он должен находиться недалеко от своей свечки. Посмотрим, не удастся ли нам взглянуть на него.

Не успел я это произнести, как мы оба увидели Сельдена. Над скалою, в расщелине которой стояла свеча, выглядывало злое, желтое лицо, страшное, зверское лицо, все искаженное низкими страстями. Забрызганное грязью, с колючею бородою, с волосами в виде мочалки, оно, казалось, принадлежало одному из тех диких людей, которые некогда жили в норах по склонам хол-

мов. Свет, стоявший ниже его, отражался в его маленьких хитрых глазах, которые зверски вглядывались в темноту, как у хитрого и дикого животного, услыхавшего шаги охотников.

Что-то, очевидно, возбудило его подозрения. Может быть, Барримор прибегал к какому-нибудь особенному сигналу, которого мы не подали, или же преступник имел какие-нибудь другие причины думать, что не все в порядке, но, во всяком случае, я видел выражение страха на его злом лице. Каждое мгновение он мог потушить свечу и исчезнуть в темноте. Поэтому я бросился вперед, и сэр Генри последовал моему примеру. В ту же секунду преступник прокричал проклятие по нашему адресу и швырнул камень, который рассыпался в куски, ударившись об скалу, защищавшую нас. Я успел взглянуть на его короткую, коренастую, сильную фигуру, когда он вскочил на ноги и бросился бежать. В это же время, по счастливой случайности, месяц выглянул из-за туч. Мы взбежали на вершину холма и увидели, что наш человек сбегал с него по другую сторону, прыгая через камни с быстротою и ловкостью горной козы. Удачный выстрел из револьвера мог бы покалечить его, но я взял оружие только для самозащиты в случае нападения, а не для

того, чтобы стрелять в безоружного человека, убегающего прочь.

Мы оба были хорошими бегунами и находились в благоприятных условиях, однако же, вскоре убедились, что не имеем никакой возможности догнать его. Мы долго видели его при лунном свете, пока, наконец, он стал казаться нам точкою, двигающеюся между валунами на склоне отдаленного холма. Мы бежали, пока не выбились совершенно из сил, а все-таки расстояние все росло между ним и нами. Наконец, мы остановились и, запыхавшись, сели на два камня, наблюдая, как он исчезал в отдалении.

Как раз в это время случилось нечто крайне странное и неожиданное. Мы поднялись с камней и направились домой, отказавшись от безнадежной охоты. Направо от нас месяц уже низко спустился, и зубчатая вершина гранитного пика выделялась на нижнем изгибе серебристого диска. Там, на остроконечной вершине, я увидел, как черную статую на блестящем фоне, фигуру человека. Не думайте, Холмс, чтобы это было иллюзией. Уверяю вас, что я никогда в жизни не видал ничего яснее. Насколько я мог судить, то был высокий, худой человек. Он стоял, расставив несколько ноги, скрестив руки, нагнув голову,

точно предавался размышлениям об этой громадной пустыне из торфа и гранита, лежавшей вокруг него. Он походил на духа этого ужасного места. То не был преступник. Этот человек стоял далеко от того места, где первый скрылся. Кроме того он был гораздо выше ростом. С криком удивления я указал на него баронету, но в тот момент, когда я обернулся, чтобы схватить за руку нашего друга, человек исчез. Остроконечная гранитная вершина все еще вырезывалась на нижнем крае луны, но с нее исчез всякий след безмолвной и неподвижной фигуры.

Я желал пойти по тому направлению и обыскать вершину, но она была очень далеко… Нервы баронета все еще были напряжены от слышанного нами воя, и он не был расположен пойти на новые приключения. Он не видел человека на вершине, а потому и не испытывал той нервной дрожи, которая овладела мною при виде этой фигуры и ее внушительной позы.

— Это несомненно один из сторожей, — сказал он. — Болото переполнено ими с тех пор, как бежал этот негодяй.

Может быть, его объяснение и правильно, но мне хотелось бы иметь какое-нибудь доказательство этой правильности. Сегодня мы намерены

сообщить в Принцтоунскую тюрьму, где искать беглого преступника, но нам досадно, что мы не могли его сами привести, как своего собственного пленника. Таковы наши приключения прошедшей ночи, и вы должны согласиться, дорогой Холмс, что я представил вам хорошее донесение. Многое из того, что я вам написал, без сомнения, не относится к делу, но я все-таки нахожу, что лучше сообщать все факты и предоставить вам сделать выбор тех, которые могут быть полезны для ваших заключений.

Мы бесспорно делаем успехи. Относительно Барриморов мы узнали мотивы их действий. Но болото со своими тайнами и странными жителями остается по-прежнему непроницаемо. В следующем своем донесении я, может быть, буду в состоянии пролит некоторый свет и на него. Лучше всего было бы, если бы вы могли приехать к нам».

X. Извлечение из дневника доктора Ватсона

До сих пор я был в состоянии вести рассказ по донесениям, которые посылал тогда Шерлоку Холмсу. Но теперь я дошел до пункта, принуждающего меня отбросить этот источник и снова довериться своим воспоминаниям, подкрепляя их дневником, который я вел в то время. Несколько извлечений из него перенесут меня к тем сценам, которые все, до малейшей подробности, неизгладимо запечатлелись в моей памяти. И так я начинаю с утра, последовавшего за нашею неудачною погонею и странными приключениями на болоте.

Октября 16-го. День пасмурный и туманный: моросит дождь. Над домом несутся тяжелые тучи; они по временам разрываются и открывают вид на мрачное, изрытое болото с тоненькими серебряными жилками по склонам холмов и блеском отдаленных валунов, когда луч света падает на их мокрую поверхность. Грустно снаружи, грустно и в доме. Баронетом овладела мрачная реакция после возбуждений прошлой ночи. Я сам чувствую

какую-то тяжесть на сердце, а сознание угрожающей опасности, — опасности тем более страшной, что я не могу ее определить, — томит меня.

И разве у меня нет оснований для такого опасения? Надо принять в соображение целый ряд инцидентов, которые все указывают, что что-то угрожающее деятельно орудует вокруг нас. Во-первых, смерть последнего владельца голля, происшедшая при условиях, замечательно точно подходящих к семейной легенде, затем многочисленные пересказы крестьян о появлении странного существа на болоте. Наконец, я сам, собственными ушами, дважды слышал звук, похожий на отдаленный собачий вой. Невероятно, невозможно, чтобы это было что-нибудь сверхъестественное, не подчиняющееся обыкновенным законам природы. Немыслимо представить себе какую-то призрачную собаку, оставляющую материальные отпечатки следов своих лап и оглашающую воздух своим воем. Стапльтон может поддаваться такому суеверию, а также и Мортимер, но если у меня есть какое-нибудь качество, то это качество — здравый смысл, и ничто не заставит меня поверить такому абсурду. Поверить ему значило бы спуститься до уровня этих бедных мужиков, которые не только допус-

кают существование вражеской собаки, но еще и описывают ее, как чудовище, из глаз и пасти которого пылает адский огонь. Холмс не стал бы и слушать такие выдумки, а я его агент. Но фактов нельзя отрицать, а факт тот, что я дважды слышал вой на болоте. Вот если бы предположить, что на болоте действительно бродит какая-нибудь громадная собака — это многое бы объяснило. Но где такая собака может прятаться, где она добывает себе пищу, откуда она прибежала и почему ее никто не видал никогда днем? Надо признаться, что естественное объяснение так же затруднительно, как и сверхъестественное. Да тут еще, помимо собаки, является факт человеческого вмешательства в Лондоне: человек в кэбе и письмо, предостерегавшее сэра Генри против болота. Последнее по крайней мере было реально, но оно могло быть делом как доброжелателя, так и недруга. Где находится теперь этот доброжелатель или недруг? Остался ли он в Лондоне или последовал за нами сюда? Не его ли я видел на вершине горы?

Правда, я имел время только раз взглянуть на него, но есть некоторые данные, за которые я могу поручиться головою. Во-первых, это не был кто-либо из тех, кого я встречал тут, а я теперь

видел всех соседей. Он несравненно выше Стапльтона и несравненно тоньше Франкланда. Это по фигуре мог быть Барримор, но последнего мы оставили в доме, и я уверен, что он не мог последовать за нами. Значит, какой-то незнакомец продолжает следить за нами и здесь. Если бы я мог наложить руки на этого человека, то мы, наконец, покончили бы со всеми своими недоумениями. К достижению этой цели я должен теперь направить всю свою энергию.

Первым моим побуждением было сообщить сэру Генри о всех моих планах. Но вторым и самым благоразумным было решение не впутывать его в свою игру и говорить как можно меньше с кем бы то ни было. Он молчалив и рассеян. Его нервы удивительно потрясены звуком, слышанным им на болоте. Я ничего не скажу, что могло бы увеличить его опасения, и один приму меры для достижения своей цели. Сегодня утром, после завтрака, произошел небольшой инцидент. Барримор попросил у сэра Генри позволения переговорить с ним, и они заперлись вдвоем в кабинете. Сидя в биллиардной, я несколько раз слышал, что голоса их возвышались, и я мог себе представить, о чем идет речь. Вскоре баронет открыл дверь и позвал меня.

— Барримор находит, что он обижен, — сказал сэр Генри. — Он думает, что с нашей стороны было непорядочно преследовать его шурина после того, как он сам, по доброй воле, выдал нам свою тайну.

Дворецкий стоял перед нами бледный, но спокойный.

— Я, может быть, погорячился, сэр, — сказал он, — в таком случае прошу у вас прощения. Но я был очень удивлен, когда услыхал, как вы сегодня утром возвращались вдвоем, и узнал, что вы охотились за Сельденом. У бедного малого достаточно с кем бороться без того, чтобы и я еще выпускал врагов по его следам.

— Если бы вы нам все рассказали по своей доброй воле, то это было бы другое дело, — сказал баронет. — Вы же, или, вернее, ваша жена рассказала все только тогда, когда были силою принуждены это сделать и не могли поступить иначе.

— Я не думал, сэр Генри, что вы этим воспользуетесь, — право, не думал.

— Человек этот опасен для общества. На болоте разбросаны одинокие жилища, а он такой молодец, который нападет ни за что, ни про что. Стоит только взглянуть на его лицо, чтобы убедиться в

этом. Вот хотя бы дом мистера Стапльтона, в котором нет другого защитника, кроме его самого. Никто не может чувствовать себя в безопасности, пока Сельден не будет под замком.

— Нет, сэр; он не ворвется ни в чей дом. Даю вам в том свое честное слово. Он никого не потревожит больше в этой стране! Уверяю вас, сэр Генри, что через несколько дней будут окончены все приготовления к его отъезду в Южную Америку. Ради Бога, прошу вас, сэр, не сообщать полиции о том, что он все еще находится на болоте. Она уже отказалась разыскивать его здесь, и он может спокойно прятаться, пока не будет все готово к его отъезду. Вы не можете выдать его, не причинив моей жене и мне большого горя. Умоляю вас, сэр, ничего не говорить полиции.

— Что вы скажете, Ватсон?

Я пожал плечами и сказал:

— Если он уберется из Англии, это избавит плательщика податей от лишней тяжести.

— Ну, а что, если он перед отъездом укокошит кого-нибудь здесь?

— Нет, сэр, он не поступит так безрассудно. Мы снабдили его всем, в чем он мог нуждаться. Совершив же преступление, он выдаст место, где прячется.

— Это правда, — произнес сэр Генри. — Ладно, Барримор…

— Да благословит вас Бог, сэр; благодарю вас от всего сердца! Если бы его снова забрали, это убило бы мою бедную жену.

— Я полагаю, Ватсон, что мы поощряем и содействуем уголовному делу. Но после того, что мы слышали, я чувствую, что не могу выдать этого человека, ну, так и конец всему этому. Ладно, Барримор, теперь можете идти.

После нескольких несвязных слов благодарности дворецкий повернулся, чтобы уйти, но, постояв в нерешительности, вернулся и снова заговорил:

— Вы были так добры к нам, сэр, что и мне, в свою очередь, хотелось бы сделать для вас все, что в моей власти. Я знаю нечто такое, сэр Генри, о чем, может быть, сказал бы и раньше, но я узнал это спустя долгое время после следствия. Я никому ни слова не говорил об этом. Это касается смерти бедного сэра Чарльза.

Баронет и я разом вскочили на ноги.

— Вы знаете, как он умер?

— Нет, сэр, этого я не знаю. Так что же?

— Я знаю, для чего он пошел к калитке в такой час. Для того, чтобы встретиться с женщиною.

— Чтобы встретиться с женщиною! Он?

— Да, сэр.

— Имя этой женщины?

— Я не могу вам сказать ее имени, сэр, но могу вам сообщить его начальные буквы. Эти буквы Л. Л.

— Как вы это узнали, Барримор?

— Ваш дядя, сэр Генри, получил в то утро письмо. Обыкновенно он получал их очень много, так как был популярен и хорошо известен, как добрый человек, и всякий, кто нуждался, обращался к нему. Но в то утро случилось так, что он получил одно только это письмо, а потому я и обратил за него внимание. Оно было из Кумб-Трасей, и адрес был написан женской рукою.

— Ну?

— Я больше не думал об этом письме и никогда бы не вспомнил о нем, если бы не моя жена. Несколько недель тому назад она чистила кабинет сэра Чарльза (его не трогали со дня его смерти) и нашла за каминной решеткой остатки сожженного письма. Большая часть его превратилась в пепел, но маленькая полоска, — конец страницы, — еще держался, и можно было прочесть то, что было написано на ней, хотя буквы были серые на черном фоне. Нам казалось, что это был

постскриптум, и он гласил: «Пожалуйста, пожалуйста, прошу вас, как джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки в десять часов». Под ним стояли буквы Л. Л.

— Сохранили вы этот клочок?

— Нет, сэр, — когда мы дотронулись до него, он рассыпался.

— Получал ли сэр Чарльз раньше письма, написанные этим почерком?

— Ах, сэр, я не обращал особенного внимания на его письма. Я и этого бы не заметил, если бы оно не пришло одно.

— И вы не догадываетесь, кто это может быть Л. Л.?

— Нет, сэр. Но я думаю, что если бы мы могли добраться до этой дамы, то больше бы узнали о смерти сэра Чарльза.

— Я не понимаю, Барримор, как вы могли скрыть такой важный факт.

— Ах, сэр, это произошло тотчас же после того, как нас постигло наше личное горе. Кроме того, мы оба очень любили сэра Чарльза и были ему благодарны за все, что он для нас сделал. Раскапывание всего этого не могло воскресить нашего бедного господина, и следует быть осторожным, когда в дело замешана дама. Даже лучшие из

нас…

— Вы думаете, что это могло бы нанести ущерб его репутации?

— Ах, сэр, я думал, что ничего хорошего не выйдет из этого. Но теперь вы были добры к нам, и я чувствую, что не хорошо было бы не рассказать вам все, что я знаю о деле.

— Прекрасно, Барримор, можете идти.

Когда дворецкий вышел, сэр Генри быстро обратился ко мне с вопросом:

— Ну, Ватсон, что вы думаете об этом новом свете?

— От него стало как будто еще темнее.

— И я тоже нахожу. Но если бы нам только удалось напасть на след Л. Л., то все дело разъяснилось бы. Хоть это у нас в барышах. Мы знаем, что есть женщина знакомая с событиями, только бы нам найти ее. Как вы думаете, что нам делать?

— Тотчас же сообщить обо всем Холмсу. Это даст ему ключ, которого он искал, и который, я уверен, приведет его сюда.

Я тотчас же отправился в свою комнату и составил свое донесение Холмсу об утреннем разговоре. Для меня было очевидным, что он был очень занят, потому что записки, полученные

мною из Бекер-стрита, были редки, коротки, без всяких комментариев на сообщаемые мною сведения и почти без упоминания о порученной мне миссии. Он, без сомнения, всецело поглощен занимающим его шантажным делом. Но этот новый фактор наверное остановит его внимание и возбудит вновь его интерес. Мне бы хотелось, чтобы он был здесь.

Октября 17-го. Сегодня целый день лил дождь; он шумел в плюще и капал с крыш. Я думал о преступнике на мрачном, холодном, пустынном болоте. Бедный человек! Каковы бы ни были его преступления, он достаточно настрадался, чтобы несколько искупить их. Я также подумал о том другом, — о лице, которое мы видели в кэбе, о фигуре, которую я видел на горе при луне. Не находится ли среди этого потока и он, — невидимый наблюдатель, человек тьмы? Вечером я надел свой непромокаемый плащ и пошел далеко по бушевавшему болоту, полный мрачных картин, которые мне рисовало воображение, между тем как дождь хлестал мне в лицо и ветер затекал в уши. Да поможет Господь тем, кто бродит теперь по большой трясине, так как и твердая земля становится топью. Я попал на черную вершину, на которой заметил в ту ночь одинокого человека, и

оттуда стал всматриваться в мрачное пространство, расстилавшееся подо мною. Потоки дождя омывали бурые холмы, и тяжелые, свинцовые тучи низко нависли над болотом и тянулись в виде серых гирлянд по их склонам. Далеко налево, между двух холмов, наполовину скрытые туманом, подымались над деревьями две тоненькие башенки Баскервиль-голля. Они были единственными видимыми для меня признаками человеческой жизни, помимо доисторических хижин, густо разбросанных по склонам холмов. Нигде не было видно и признаков того человека, которого я видел на этом самом месте за две ночи перед тем.

Когда я возвращался домой, меня обогнал доктор Мортимер, ехавший в кабриолете по неровной болотной дорожке, ведущей к отдаленной Фаулмайрской ферме. Доктор Мортимер был очень внимателен к нам, и не проходило дня, чтобы он не заезжал в голль узнать, как мы поживаем. Он настоял на том, чтобы я сел в его кабриолет, и довез меня до дому. Он был очень огорчен исчезновением своего спаньеля; собачка побежала на болото и не возвращалась оттуда. Я утешал его, как умел, но подумал о пони в Гримпенской трясине и полагаю, что он никогда

больше не увидит своей собачки.

— Кстати, Мортимер, — сказал я, пока мы тряслись по болотной дорожке, — полагаю, что немного в этой местности людей, которых бы вы не знали.

— Вряд ли найдется хоть один такой человек.

— Так не можете ли вы мне назвать женщину, имя и фамилия которой начинаются на Л.?

Он подумал и сказал:

— Нет. Тут есть несколько цыган и рабочих, имен которых я вам не могу назвать, но между фермерами и интеллигентными людьми нет ни одного, имя и фамилия которого начинались бы на Л. Впрочем, подождите, — прибавил он, помолчав, — есть Лаура Ляйонс, но она живет в Кумб-Трасей.

— Кто она такая? — спросил я.

— Дочь Франкланда.

— Что? Старого маниака Франкланда?

— Именно. Она вышла замуж за художника Ляйонса, который приезжал рисовать эскизы на болоте. Он оказался негодяем и бросил ее. Впрочем, говорят, что следует винить обе стороны. Отец отказался от нее, потому что она вышла замуж без его согласия, а может быть и по другим причинам. Таким образом бедной женщине

плохо пришлось между старым и молодым грешниками.

— Чем она живет?

— Я думаю, что старик дает ей на пропитание, но не более, так как его дела очень плохи. Но, чего бы она ни заслужила, все-таки нельзя было допустить, чтобы она плохо кончила, благодаря отсутствию помощи. Ее история стала тут известною, и несколько человек приняли в ней участие, желая дать ей возможность честно зарабатывать свой хлеб. То были Стапльтон и сэр Чарльз, да и я внес свою лепту, чтобы приобрести ей пишущую машину и пристроить к делу.

Мортимер желал узнать цель моих расспросов, но мне удалось удовлетворить его любопытство, не высказав слишком много, потому что излишне нам вмешивать кого бы то ни было в наши дела. Завтра утром я доберусь до Кумб-Трасей и, если мне удастся увидеть эту сомнительной репутации Лауру Ляйонс, я сделаю крупный шаг к выяснению одного инцидента в этой цепи тайн. Я, без сомнения, приобретаю змеиную мудрость, потому что, когда Мортимер уж очень стал притеснять меня вопросами, я спросил его, к какому типу принадлежит череп Франкланда, после чего, в продолжение всего остального пути, слышал

только о краниологии. Недаром же я прожил столько лет с Шерлоком Холмсом.

Мне остается передать еще один только инцидент, имевший место в этот ненастный печальный день, а именно разговор с Барримором, давший мне, для своевременного хода, крупную карту в руки.

Мортимер остался обедать, а после обеда они с баронетом сели играть в экарте. Дворецкий принес мне кофе в библиотеку, и я этим воспользовался, чтобы задать ему несколько вопросов.

— Скажите, — начал я, — ваш драгоценный родственник уехал или все еще прячется там?

— Не знаю, сэр. Я надеюсь всею душою, что он уехал, потому что он принес сюда с собою одно только горе! Я ничего не слыхал о нем с тех пор, как отнес ему в последний раз пищу, а это было три дня тому назад.

— Видели вы его тогда?

— Нет, сэр, но когда в следующий раз я пошел туда, то пища исчезла.

— Так он наверное там был?

— Так можно думать, разве что ее взял другой человек.

Я не донес чашки до рта и уставился на Барримора.

— Так вы знаете, что там есть другой человек?

— Да, сэр, на болоте есть другой человек.

— Видели вы его?

— Нет, сэр.

— Так почем вы знаете о его существовании?

— Сельден сообщил мне о нем с неделю или больше тому назад. Он тоже прячется, но, насколько я понял, он не беглый преступник. Мне это не нравится, доктор Ватсон, — говорю вам откровенно, не нравятся мне это.

Он выговорил это со страстною сериозностью.

— Слушайте, Барримор. В этом деле у меня нет другого интереса, кроме интереса вашего господина. Я приехал сюда с единственною целью ему помочь. Так скажите мне чистосердечно, что вам не нравится?

Барримор колебался несколько мгновений, как будто он раскаивался в своей вспышке или затруднялся словами выразить свои чувства.

— Все, что тут творится, сэр, — воскликнул он, наконец, указывая рукою по направлению к залитому дождем окну, выходящему на болото. — Где-то ведется нечистая игра, и заваривается какая-то гадость, за это я готов поручиться! Как я был бы рад, если бы сэр Генри собрался обратно в Лондон.

— Но что же так пугает вас?

— Вспомните смерть сэра Чарльза! Это было достаточно скверно, чтобы там ни говорил следователь. Вспомните о ночных шумах, происходящих на болоте! Не найдется человека, который согласился бы пройти через него после захода солнца, хотя бы ему и заплатили за это. Подумайте о незнакомце, который прячется там, караулит и ждет! Чего он ждет? Что это значит? Это не предвещает ничего хорошего для всякого, носящего фамилию Баскервиль, и я буду очень рад освободиться от всего этого, когда новые слуги сэра Генри будут готовы принять от меня заботы о голле.

— Но не можете ли вы мне сказать что-нибудь об этом незнакомце? — спросил я. — Что говорил Сельденъ? Узнал ли он, где он прячется и что делает?

— Он видел его раза два, но это хитрая штука и ничего не выдаст. Сперва Сельден думал, что он принадлежит к полиции, но затем увидел, что он ведет свою собственную игру. Он нечто в роде джентльмена, но что он делает, Сельден не мог узнать.

— А где он живет?

— В развалинах на склоне холма, в каменных

хижинах, которые служили жилищем древнему народу.

— Ну, а как же насчет пищи?

— Сельден узнал, что он добыл себе мальчика, который работает на него и приносит ему все, что нужно из Кумб-Трасей.

— Прекрасно, Барримор. Мы можем поговорить об этом подробнее в другой раз.

Когда дворецкий ушел, я подошел к темному окну и посмотрел через забрызганное стекло на несущиеся тучи и раскачиваемые бурею деревья. Ночь ужасная и что должно твориться в каменной хижине на болоте? Какая страстная ненависть может заставить человека прятаться в таком месте, в такое время? Или какая глубоко сериозная цель вызывает его на такой подвиг? Там, в хижине на болоте, находится, по-видимому, самая суть задачи, столь тяжко озабочивающей меня. Клянусь, что не пройдет дня, как я сделаю все, что только может сделать человек для того, чтобы добраться до самого сердца тайны.

XI. Человек на горе

В извлечении из моего дневника, составившем последнюю главу, рассказ доведен до 18-го октября, когда эти странные события стали быстро двигаться к их ужасному заключению. Инциденты последующих немногих дней неизгладимо запечатлены в моей памяти, и я могу их передать, не прибегая к заметкам, сделанным в то время. Итак я начинаю с того дня, в который мне удалось установить два важных факта: первый, что Лаура Ляйонс из Кумб-Трасей писала сэру Чарльзу Баскервилю и назначила ему свидание на том самом месте и в тот самый час, когда его поразила смерть, и второй, что скрывающегося на болоте человека можно найти между каменными хижинами на склоне холма. Я сознавал, что если, обладая этими двумя фактами, мне не удастся пролить свет в этих темных местах, то, значит, у меня не хватает или ума или смелости.

Мне не удалось накануне вечером передать баронету то, что я узнал о миссис Ляйонс, потому что он засиделся с доктором Мортимером за картами до поздней ночи. За завтраком же я сообщил

ему о своем открытии и спросил его, не желает ли он сопровождать меня в Кумб-Трасей. Сначала ему очень хотелось ехать со мною, но, по здравом обсуждении, мы оба решили, что если я поеду один, то достигну лучших результатов. Чем больше мы придадим формальности нашему визиту, тем меньше мы добудем сведений, А потому я покинул сэра Генри не без некоторого угрызения совести и отправился на свои новые изыскания.

Когда я доехал до Кумб-Трасей, то приказал Перкинсу поставить лошадей в конюшню и пошел наводить справки о даме, которую приехал допрашивать. Я без труда нашел ее квартиру, которая находилась в центре и была хорошо обставлена. Девушка ввела меня без всяких церемоний, и когда я вошел в комнату, то дама, сидевшая за машиною «Ремингтонъ», вскочила с приветливою улыбкой на устах. Но лицо ее тотчас же стало сериозным, когда она увидела перед собою незнакомца и, усевшись снова перед машиною, она спросила меня о цели моего визита. Первое впечатление, производимое миссис Ляйонс, было то, что она в высшей степени красива. Глаза и волосы у нее были одного и того же красивого каштанового цвета, а на щеках, хотя и значительно усеянных веснушками, играл

прелестный румянец, свойственный брюнеткам. Повторяю, что первое впечатление, произведенное ею, было восхищение. Но по второму взгляду уже хотелось ее критиковать. В ее лице было что-то неопределенно неприятное, может быть, некоторая грубость выражения или жесткость взгляда, которые искажали совершенную красоту. Но обо всем этом я подумал впоследствии. В ту же минуту я просто сознавал, что нахожусь перед очень красивою женщиною и что она спрашивает меня о цели моего визита. Я до тех пор не отдавал себе полного отчета в том, насколько моя миссия была деликатною.

— Я имею удовольствие быть знакомым с вашим отцом, — сказал я.

Это вступление было крайне неуместно, и дама дала мне это почувствовать.

— Ничего нет общего между моим отцом и мною, — сказала она. — Я ничем ему не обязана, и его друзья не мои друзья. Если бы не покойный сэр Чарльз Баскервиль и другие добрые сердца, я умерла бы с голода при заботах моего отца.

— Я пришел к вам по поводу покойного сэра Чарльза Баскервиля.

Веснушки выступили на ее лице.

— Что могу я вам сказать о нем? — спросила

она, и пальцы ее нервно задвигались по клавишам машины.

— Вы были с ним знакомы, не правда ли?

— Я уже сказала вам, что много обязана его доброте. Если я в состоянии сама содержать себя, то этим в большей степени обязана участию, которое он принял в моем печальном положении.

— Находились ли вы с ним в переписке?

Женщина бросила вверх быстрый сердитый взгляд.

— Какая цель этих расспросов? — резко спросила она.

— Цель их — избежать публичного скандала. Лучше вам ответить на них здесь, чем допустить, чтобы дело получило огласку.

Она молчала и сильно побледнела. Наконец, подняла голову и сказала смело и вызывающе:

— Хорошо, я буду отвечать. В чем заключаются ваши вопросы?

— Переписывались ли вы с сэром Чарльзом?

— Я, конечно, раза два писала ему, чтобы выразить свою признательность за его деликатность и щедрость.

— Помните вы числа, в которые писали эти письма?

— Нет.

— Встречались ли вы когда-нибудь с ним?

— Раза два, когда он приезжал в Кумб-Трасей. Он был очень скромен и предпочитал делать добро втайне.

— Но если вы виделись с ним так редко и писали ему так редко, то как же мог он настолько быть ознакомленным с вашими делами, чтобы приходить вам на помощь, как вы это рассказываете?

Она с готовностью ответила:

— Несколько человек знали мою грустную историю, и они соединились для того, чтобы помочь мне. Один из них мистер Стаплтон, — сосед и друг сэра Чарльза. Он чрезвычайно добр, и через него сэр Чарльз узнал о моих делах.

Я раньше знал, что сэр Чарльз Баскервиль избирал в нескольких случаях Стаплтона для роли раздавателя его милостыни, а потому слова Лауры Ляйонс показались мне правдивыми.

— Не писали ли вы когда-нибудь сэру Чарльзу, назначая ему свидание? — продолжал я.

Миссис Ляйонс покраснела от гнева.

— Поистине, сэр, это крайне странный вопрос!

— Мне очень жаль, сударыня, но я должен его повторить.

— Ну, так я отвечаю: конечно, нет.

— И даже не писали в самый день смерти сэра

Чарльза?

Румянец сбежал с ее лица, и его покрыла смертельная бледность. Ее засохшие губы не могли произнести того «нет», которое я скорее видел, чем слышал.

— Несомненно, память изменяет вам, — сказал я. — Я могу даже цитировать одно место вашего письма: «Пожалуйста, пожалуйста, прошу вас, как джентльмена, сожгите это письмо и будьте у калитки в десять часов».

Я думал, что она упадет в обморок, но она сделала над собой страшное усилие и прошептала:

— Неужели на свете не существует ни одного джентльмена?

— Вы несправедливы к сэру Чарльзу. Он сжег письмо. Но иногда можно прочесть письмо, когда оно и сожжено. Теперь вы признаете, что написали его?

— Да, я написала его, — воскликнула она, облегчая свою душу потоком слов. — Я написала его. Зачем я стала бы отрицать это? Мне нет причины стыдиться этого. Мне хотелось, чтобы он мне помог. Я верила, что если бы мне удалось повидаться с ним, то я получила бы от него помощь, а потому и просила его прийти.

— Но почему в такой час?

— Потому что я только что узнала о его намерении уехать на другой день в Лондон на несколько месяцев. Были причины, по которым я не могла пойти туда раньше.

— Но зачем же было назначать свидание в саду вместо того, чтобы идти к нему в дом?

— Неужели вы думаете, что женщина может в такой час идти одна к холостому мужчине?

— Ну, так что же случилось, когда вы пришли туда?

— Я не пошла туда.

— Миссис Ляйонс!

— Нет, клянусь вам всем, что есть для меня святого, я туда не ходила. Случилось нечто такое, что помешало мне пойти.

— Что это было?

— Это частное дело. Я не могу сказать.

— Так вы признаете, что назначили свидание сэру Чарльзу в тот самый час и на том самом месте, где поразила его смерть, но отрицаете, что пошли на это свидание?

— Это истина.

Я снова закидал ее вопросами, но больше этого ничего не мог добиться.

— Миссис Ляйонс, — сказал я, вставая после этой длинной и ни к чему не приведшей

беседы, — вы берете на себя очень большую ответственность и ставите себя в очень фальшивое положение, не желая высказать на чистоту все, что вам известно. Если мне придется прибегнуть к помощи полиции, то вы увидите, насколько вы сериозно скомпрометированы. Если вы невиновны, то почему же первоначально отрицали, что писали в этот день сэру Чарльзу?

— Потому что боялась, что из этого будет выведено какое-нибудь превратное заключение и что я окажусь впутанною в скандал.

— А почему вы так настаивали, чтобы сэр Чарльз уничтожил ваше письмо?

— Если вы читали письмо, то знаете почему.

— Я не сказал, что читал все письмо.

— Вы цитировали часть его.

— Я цитировал постскриптум. Письмо, как я вам сказал, было сожжено, и его нельзя было прочесть. Я вторично спрашиваю вас, почему вы так настаивали, чтобы сэр Чарльз уничтожил это письмо, полученное им в день его смерти?

— Это очень интимное дело.

— Тем более причин для того, чтобы избежать публичной огласки.

— Ну, так я вам скажу. Если вы слыхали хоть что-нибудь из моей несчастной истории, то зна-

ете, что я опрометчиво вышла замуж и имела причины в том раскаиваться.

— Да, это я слышал.

— Жизнь моя была одним сплошным преследованием со стороны мужа, которого я ненавижу. Закон на его стороне, и каждый день я могу опасаться, что он силою заставит меня жить вместе с собою. В то время, когда я писала сэру Чарльзу, я узнала, что есть для меня возможность приобрести свободу, если будут сделаны некоторые расходы. Это значило для меня все: мир душевный, счастие, самоуважение, решительно все. Мне знакома была щедрость сэра Чарльза, и я подумала, что если сама расскажу ему, в чем дело, он поможет мне.

— Так почему же вы не пошли на свидание?

— Потому что я вдруг получила помощь из другого источника.

— Почему же вы не написали сэру Чарльзу, чтобы объяснить ему все это?

— Я бы это сделала, если бы в следующее утро не узнала из газеты о его смерти.

История была связно рассказана, и все мои вопросы не могли сбить Лауру Ляйонс. Проверить же ее я мог только если бы узнал, что она действительно затеяла развод с мужем в то время,

когда совершилась трагедия.

Невероятно, чтобы она осмелилась сказать, что не была в Баскервиль-голле, если бы она действительно там была, потому что ее должен был доставить туда экипаж, и она не могла вернуться в Кумб-Трасей ранее следующих первых утренних часов. Такая экскурсия не могла быть сохранена в тайне. Следовательно, вероятность была за то, что она говорила правду или часть правды. Я вышел сбитый с толку и смущенный. Снова очутился я у стены, которая точно вырастала на всяком пути, по которому я пытался добраться до цели моей миссии. А между тем, чем более я думал о лице Лауры Ляйонс и о ее поведении, тем более чувствовал, что от меня что-то было скрыто. Почему она так побледнела? Почему она отрицала свой поступок, пока признание не было силою вырвано у нее? Почему она молчала в то время, когда произошла трагедия? Конечно, объяснения всему этому не могли быть столь же невинными, как она хотела заставить меня думать. Пока я ничего не мог больше сделать в этом направлении и должен был приняться за другой ключ, который приходилось искать между каменными хижинами на болоте.

А это было очень неопределенное указание. Я

убедился в этом, когда ехал назад и заметил, что множество холмов сохранили следы древнего народа. Единственным указанием Барримора было, что незнакомец живет в одной из этих покинутых хижин, а такие хижины разбросаны сотнями вдоль и поперек болота. Но мною руководили мои собственные сведения, так как я видел самого человека, стоявшего на вершине Бляк-тора. Эта гора и будет, следовательно, центральным пунктом моих розысков. С этого пункта я обыщу каждую хижину, пока не нападу на обитаемую. Если человек будет находиться внутри ее, то я узнаю из его собственных уст, при помощи своего револьвера, если понадобится, кто он такой и зачем он так долго выслеживает нас. Он мог ускользнуть от нас в толпе Реджент-стрита, но на пустынном болоте это окажется позамысловатее. С другой стороны, если я найду хижину, а жильца ее не будет дома, то должен остаться в ней, сколько бы ни пришлось, пока он не вернется. Холмс упустил его в Лондоне. Поистине для меня будет триумфом, если я с успехом выйду из того, что не удалось моему учителю.

В наших изысканиях счастие отвернулось от нас, но теперь, наконец, оно пришло мне навстречу в лице мистера Франкланда, который стоял за

воротами своего сада, выходящими на большую дорогу, по которой я ехал.

— Здравствуйте, доктор Ватсонъ! — воскликнул он необыкновенно весело, — право, вам следует дать отдых лошадям и войти ко мне выпить стаканчик вина и поздравить меня.

После всего, что я слышал о его поступке с дочерью, мои чувства к нему были далеко не дружественными, но мне очень хотелось отправить Перкинса с экипажем домой, и для этого представлялся случай. Я вышел из экипажа, велел кучеру передать сэру Генри, что приду домой вовремя, к обеду, и последовал за Франклендом в его столовую.

— Сегодня великий для меня день, сэр, один из счастливейших в моей жизни! — воскликнул он со взрывом хохота. — Я вышел победителем из двух дел. Я намерен показать им, что закон — есть закон и что существует человек, не боящийся взывать к нему. Я установил право проезда через самую середину парка старого Мидльтона, в ста ярдах от его собственной парадной двери. Что вы думаете об этом? Мы докажем этим магнатам, чёрт их побери, что они не могут попирать прав общины! И я закрыл доступ в лес, в котором народ из Фернворта имел обыкновение устраивать пик-

ники. Этот дьявольский народ воображает, что не существует никаких прав собственности и что он может повсюду кишеть со своими бумажками и бутылками. Оба дела решены, доктор Ватсон, и оба в мою пользу. У меня не было такого дня с тех пор, как я предал суду сэра Джона Морланда за то, что он стрелял в своем собственном заповедном лесу.

— Каким образом вы могли это сделать?

— А вот взгляните в книгу, сэр. Это стоит прочитать: Франкланд против Морланда, суд королевской скамьи. Это стоило мне 200 фунтов, но я добился вердикта в свою пользу.

— А принесло это вам что-нибудь?

— Ничего, сэр, ровно ничего. Я горжусь тем, что у меня не было никакого личного интереса в деле. Я действовал исключительно из сознания общественного долга. Я не сомневаюсь, например, что народ Фернворта предаст меня заочному сожжению сегодня ночью. В прошлый раз, когда это сделали, я сказал полиции, чтобы она остановила такие гнусные зрелища. Полиция графства обретается в позорном состоянии, и она не оказала мне защиты, на которую я имею право. Дело Франкланда против правительства обратит на это внимание общества. Я сказал им,

что им придется раскаяться в своем обращении со мною, и слова мои уже оправдываются.

— Каким образом? — спросил я. Лицо старика приняло многозначительное выражение.

— Я мог бы им сообщить то, что им смертельно хочется узнать, но ничто не заставит меня прийти на помощь этим мерзавцам.

До сих пор я придумывал какой-нибудь предлог для того, чтобы уйти от его болтовни, но тут мне захотелось услышать побольше. Я достаточно был знаком с противоречивым характером старого грешника для того, чтобы сознавать, что всякое сильное изъявление интереса способно остановить его дальнейшие сообщения.

— Вероятно, какое-нибудь браконьерское дело, — произнес я равнодушным тоном.

— Ха-ха, молодой человек, нечто гораздо более важное! Что, если это касается беглого преступника на болоте?

Я вздрогнул.

— Разве вы знаете, где он находится? — спросил я.

— Я, может быть, не знаю в точности, где он находится, но я уверен, что мог бы помочь полиции наложить на него руку. Разве вам никогда не приходило в голову, что самый лучший способ

поймать этого человека — это узнать, как он добывает себе пищу, и таким образом выследить его?

Без сомнения, он неприятно близко подходил к истине.

— Конечно, — сказал я, — но почем вы знаете, что человек этот находится на болоте?

— Я знаю это, потому что собственными глазами видел того, кто носит ему пищу.

Сердце у меня дрогнуло за Барримора. Была не шутка попасть в руки этого злокозненного старого хлопотуна. Но следующие его слова облегчили мне душу.

— Вы удивитесь, когда узнаете, что пищу ему носит ребенок. Я ежедневно вижу его в телескоп с крыши своего дома. Он проходит по одной и той же тропинке в один и тот же час, а к кому же он может ходить, как не к преступнику?

Тут, действительно, мне посчастливилось! А между тем я подавил в себе всякое проявление интереса. Ребенок! Барримор сказал, что нашему незнакомцу служит мальчик. Итак, Франкланд напал на его след, а не на след преступника. Если бы он сообщил мне все то, что сам знает, то это избавило бы меня от продолжительной и утомительной охоты. Но недоверие и равнодушие были

самыми сильными козырями в моих руках.

— Я бы сказал, что это, вернее, сын какого-нибудь пастуха на болоте носит обед своему отцу.

Малейшее противоречие воспламеняло старого самодура. Он лукаво посмотрел на меня, и его седые усы ощетинились, как у разозлившейся кошки.

— Вы думаете, сэр! — воскликнул он, указывая на обширное пространство болота. — Видите вы там этот Бляк-тор? Видите вы низкий холм с терновыми кустами? Это самая каменистая часть на всем болоте. Неужели пастух избрал бы для себя такое место? Ваши догадки, сэр, нелепы.

Я кротко возразил, что говорил, не зная всех фактов. Моя покорность понравилась ему и заставила его больше довериться мне.

— Поверьте, сэр, что у меня всегда очень хорошие основания для вывода заключения. Я много раз видел мальчика с узелком. Каждый день, а иногда и два раза в день, я мог... но постойте, доктор Ватсон, обманывают ли меня мои глаза или что-нибудь шевелится на склоне холма?

Это было в нескольких милях от нас, но я ясно видел маленькую черную точку, выделявшуюся на монотонном сером фоне.

— Идем, идем! — воскликнул Франкланд, бро-

саясь на лестницу. — Вы увидите собственными глазами и сами рассудите.

Телескоп, громадный инструмент, поставленный на треножнике, стоял на плоской крыше. Франкланд приложил к нему глаз и издал возглас удовольствия.

— Скорее, доктор Ватсон, скорее, пока он не спустился за холм.

Без сомнения, я увидел его, мальчугана с узелком на плече, тихо карабкавшегося по холму. Когда мальчуган достиг вершины, то я увидел его растрепанную, странную фигуру, обрисовавшуюся на одно мгновение на холодном голубом небе. Он украдкою оглянулся, как человек, страшащийся преследования, и затем исчез за холмом.

— Ну! Не прав ли я?

— Без сомнения, это мальчик, которому поручено какое-то тайное дело.

— А в чем заключается поручение, может угадать даже здешний полицейский. Но я не скажу им ни одного слова и обязываю и вас, доктор Ватсон, сохранить тайну. Ни слова! Понимаете?

— Как вы желаете.

— Они постыдно поступили со мной, говорю вам — постыдно. Когда обнаружатся факты в деле «Франкланд против правительства», то смею ду-

мать, что вся страна содрогнется от негодования. Ничто не может заставить меня помочь полиции чем бы то ни было. Ей больше всего хотелось бы, чтобы эти негодяи сожгли меня самого вместо моего изображения. Неужели вы уходите? Помогите мне опорожнить графин в честь такого великого события.

Но я устоял против всех его просьб, и мне удалось отговорить его от высказанного им намерения проводить меня домой. Я шел по дороге, пока он видел меня, а затем бросился по болоту к каменистому холму, за которым исчез мальчик. Все было в мою пользу, и я поклялся, что если упущу этот счастливый случай, то это произойдет не от недостатка энергии и настойчивости.

Солнце уже садилось, когда я достиг вершины холма, и склоны его были с одной стороны золотистыми, а с другой темно-серыми. Туман низко спускался на дальнюю линию горизонта, и из него выступали фантастические очертания Белливер-тора и Виксен-тора. Над всем обширным пространством не слышно было ни звука, не видно было никакого движения. Только большая серая птица, чайка или каравайка, парила высоко под голубым небом. Она и я казались единственными живыми существами между

громадным небесным сводом и пустынею под ним. Голая местность, ощущение одиночества, таинственность и настоятельность моей задачи, — все это наполняло холодом мое сердце. Мальчика нигде не было видно. Но внизу, подо мною, в ущелье между холмами, находился круг древних каменных хижин, а на одной из них сохранился достаточный кусок крыши для того, чтобы служить защитою от непогоды. Сердце мое забилось от радости при виде этого. Эта нора и должна быть та, в которой прячется незнакомец. Наконец-то нога моя ступила на порог его убежища; его тайна была в моих руках.

Подходя к хижине так же осторожно, как Стапльтон подходит со своею сеткой к сидящей бабочке, я с удовольствием увидел, что местом этим кто-то пользовался, как жилищем. Едва заметная тропинка, проложенная между валунами, вела к разрушенному отверстию, служившему дверью. Внутри царило безмолвие. Незнакомец, может быть, прячется здесь, а может быть он шатается по болоту. Мои нервы были напряжены от ожидания приближающихся приключений. Бросив папиросу, я опустил руку в карман, в котором находился револьвер и, быстро подойдя к двери, заглянул в нее. Хижина была пуста.

Но в ней находилось достаточно доказательств тому, что я попал не на ложный след. Без сомнения, тут жил человек. Несколько свернутых одеял лежало на той самой каменной плите, на которой когда-то спал неолитический человек. В простой решетке лежала куча золы. Рядом находилось несколько кухонных принадлежностей и ведро, наполовину наполненное водою. Куча пустых жестянок доказывала, что место это было занято уже некоторое время и, когда глаза мои освоились с полусветом, я увидел в углу чашечку и бутылочку, на половину наполненную водкой. Посреди хижины плоский камень служил столом, а на нем лежал небольшой узелок, тот самый, без сомнения, который я видел в телескоп на плече мальчика. Он содержал целый хлеб, жестянку с языком и две жестянки с консервами персиков. Когда я, осмотрев узел, положил его на место, то сердце мое вздрогнуло от радости; я увидел под узлом клочок бумаги, на котором что-то было написано. Я взял его и вот что прочел:

«Доктор Ватсон отправился в Кумб-Трасей».

Я стоял с бумажкою в руке, не понимая значения написанного на ней. Так, значит, этот

таинственный человек выслеживает меня, а не сэра Генри. Он не сам следил за мною, а отрядил агента (может быть, мальчика) ходить по моим следам. Может быть, я не сделал до сих пор ни одного шага на болоте без того, чтобы за ним не проследили. Все еще чувствовалось присутствие какой-то невидимой силы, тонкой сети, протянутой вокруг нас с изумительным искусством и держащей нас так легко, что только в самые последние моменты мы чувствовали, что попались в нее.

Если нашлось одно донесение, то могли быть тут и другие, и я стал обыскивать хижину. Однако, я не нашел больше никакой бумажки, а также никаких знаков, по которым мог бы узнать характер и намерения человека, живущего в этом оригинальном месте, кроме разве того, что у него были спартанские привычки и что он мало заботился о комфорте. Когда я подумал о проливных дождях и посмотрел на дырявую крышу, то понял, насколько должен быть силен мотив, удерживающий его в этом негостеприимном жилище. Кто он такой: наш злокозненный враг или, пожалуй, ангел-хранитель? Я поклялся, что не покину хижины, пока не узнаю этого.

Солнце было очень низко, и запад горел пур-

пуром и золотом. Отдаленные лужи Большой Гримпенской трясины отражали солнце большими красными пятнами. Виднелись две башни Баскервиль-голля, и отдаленная дымка указывала на селение Гримпен. Между этими двумя местностями, за холмом, был дом Стапльтона. Все было мягко, нежно и мирно при золотистом вечернем освещении, но душа моя не гармонировала с мирною природою: она трепетала от неизвестности и страха перед свиданием, которое приближалось с каждою секундою. С натянутыми нервами, но с определенным намерением, я сидел в темном уголку хижины и с мрачным терпением ожидал прихода ее хозяина.

Наконец, я услыхал шаги. Издалека раздался резкий звук сапога по камню. Затем послышался другой, третий, и шаги стали приближаться. Я отклонился в самый темный угол и взялся за курок револьвера в кармане, решив не выдавать своего присутствия, пока мне не удастся увидеть незнакомца. Шаги умолкли. Значит, он остановился. Затем они снова стали приближаться, и тень упала в отверстие хижины.

— Прелестный вечер, дорогой Ватсон, — произнес хорошо знакомый голос. — Право, я думаю, что вам будет приятнее выйти на воздух, чем

сидеть в хижине.

XII. Смерть на болоте

Дыхание сперлось у меня в груди, я не доверял своим ушам. Наконец, ко мне вернулись сознание и голос, и вместе с тем я почувствовал, как будто в одно мгновение с моей души снята подавляющая тяжесть. Этот холодный, внушительный, иронический голос мог принадлежать одному только человеку на свете.

— Холмс! — воскликнул я. — Холмс!

— Выходите, — сказал он, — и, пожалуйста, поосторожнее с револьвером.

Я переступил порог и увидел его сидящим на камне, между тем как его серые глаза забавно прыгали, видя мое удивление. Его умное лицо, загоревшее и обветренное, было худо и осунулось, но выглядело ясным и бодрым. В парусинном костюме и мягкой шляпе, он имел вид любого туриста на болоте и даже умудрился, благодаря своей характерной кошачьей любви к чистоплотности, иметь в совершенстве выстиранное белье и гладко выбритый подбородок, точно он не выезжал из Бекер-стрита.

— В жизни своей не бывал я никому более

рад, — сказал я, крепко сжимая ему руку.

— Или более удивлен, а?

— Признаюсь и в этом.

— Не вы одни были удивлены, уверяю вас. Пока я не очутился шагах в двадцати от этой хижины, мне и в голову не приходило, чтобы вы отыскали мое случайное убежище, а еще менее, что вы сами сидите в нем.

— Вы узнали о моем присутствии по следам?

— Нет, Ватсон. Сомневаюсь, чтобы я мог отличить след вашей ноги от следов всех остальных людей на свете. Если вы сериозно пожелаете меня обмануть, то перемените своего поставщика папирос, потому что, когда я вижу окурок с этикеткой Брадлей, Оксфорд-стрит, то знаю, что мой друг Ватсон находится по близости. Он там лежит у тропинки. Вы его бросили в тот торжественный момент, когда пошли приступом на пустую хижину.

— Совершенно верно.

— Я так и думал, и, зная вашу удивительную настойчивость, был убежден, что вы устроились в засаде с оружием наготове, в ожидании постояльца. Итак, вы в самом деле думали, что я-то и есть злодей.

— Я не знал, кто вы такой, но твердо решил

все узнать.

— Чудный Ватсон! А как вы выследили меня? Может быть, вы видели меня в ночь погони за беглым каторжником, когда я имел неосторожность допустить, чтобы луна взошла позади меня?

— Да, я видел вас тогда.

— И, без сомнения, обыскали все хижины, прежде чем добраться до этой?

— Нет, ваш мальчик был замечен, и это дало мне руководящую нить.

— Замечен, конечно, тем стариком с телескопом. Я узнал об этом только тогда, когда в первый раз увидел свет, отраженный от объектива.

Холмс встал и заглянул в хижину.

— А, я вижу, что Картрайт принес мне кое-какие запасы. Что это за бумага? Так, значит, вы были в Кумб-Трасей?

— Да.

— Чтобы повидаться с миссис Лаурой Ляйонс?

— Именно.

— Прекрасно сделали. Наши расследования шли, очевидно, параллельно, и когда мы подведем итоги достигнутых нами результатов, то, надеюсь, будем хорошо ознакомлены с обстоятельствами дела.

— Что касается меня, то я от души рад, что вы

здесь, потому что, право, моим нервам больше не под силу выносить эту таинственность. Но скажите, Бога ради, как вы-то сюда попали и что вы делали? Я думал, что вы находитесь в Бекер-стрите, занятые тем шантажным делом.

— Я именно и хотел, чтобы вы это думали.

— Так вы даете мне ответственное поручение и вместе с тем не доверяете мне! — воскликнул я с оттенком горечи. — Я думал, Холмс, что заслужил лучшего.

— Милый друг, вы были неоценимы для меня как в этом, так и во многих других случаях, и прошу вас простить меня, если я как будто сыграл с вами штуку. В действительности же я поступил так отчасти ради вас самих и приехал сюда, чтобы лично разобраться в деле, потому что взвесил, в какой вы находитесь здесь опасности. Если бы я жил вместе с вами и сэром Генри, то, очевидно, что у меня была бы та же точка зрения, что у вас, и мое присутствие заставило бы наших крайне опасных врагов быть настороже. Теперь я могу свободно прохаживаться, чего не в состоянии был бы сделать, если бы жил в голле, и остаюсь неизвестным фактором в деле, готовый кинуться в него всею своею тяжестью в критический момент.

— Но зачем было оставлять меня в потемках?

— Если бы вы знали о моем приезде, это не принесло бы нам пользы, а между тем мое присутствие здесь могло бы быть открыто. Вы бы захотели сообщить мне что-нибудь или же, по своей доброте, доставить мне какое-нибудь облегчение, а это было бы совершенно бесполезным риском. Я привез с собою Картрайта, помните, — того мальчугана из конторы комиссионеров, и он заботился об удовлетворении моих несложных потребностей: ломте хлеба и чистом воротничке. Что еще нужно человеку? Он доставил мне лишнюю пару глаз и пару очень проворных ног, и обе эти пары были неоценимы.

— Так, значит, все мои донесения пропали даром!

Мой голос задрожал, когда я припомнил труд и гордость, с какими я их составлял.

Холмс вынул из кармана сверток бумаг.

— Вот ваши донесения, дорогой друг, и они старательно перечитаны, уверяю вас. Я прекрасно устроился относительно их получения, и они запаздывали всего на один день. Я должен отдать вам честь в крайнем рвении и разумности, какую вы выказали в этом необыкновенно трудном деле.

Я никак еще не мог переварить тот факт, что Холмс обманывал меня, но теплота его похвал угасила мой гнев. В глубине сердца я чувствовал, что он был прав и что для нашей цели было лучше мне не знать об его присутствии на болоте.

— Так-то лучше, — сказал он, видя, что тень сбежала с моего лица. — А теперь расскажите мне о результате вашего визита к миссис Лауре Ляйонс. Мне не трудно было догадаться, что вы направились именно к ней, так как мне уже известно, что она единственная в Кумб-Трасей личность, которая может быть нам полезна. Дело в том, что если бы вы не поехали туда сегодня, то весьма вероятно, что завтра я сам отправился бы к ней.

Солнце село, и сумерки спустились на болото. В воздухе почувствовалась свежесть, и мы вошли погреться в хижину. Тут я рассказал Холмсу о своем разговоре с Лаурой Ляйонс. Он им так заинтересовался, что некоторые его части я должен был повторить.

— Очень важное сообщение, — сказал он, когда я кончил. — Оно заполняет в этом крайне сложном деле пробел, который я никак не мог перешагнуть. Не убедились ли вы, что между этою дамою и Стапльтоном существуют тесные отношения?

— Я ничего о них не знаю.

— В них нельзя сомневаться. Они встречаются, переписываются, между ними полное согласие. Ну, а это даст нам в руки очень сильное оружие. Если бы я мог только употребить его на то, чтобы отвлечь его жену…

— Его жену?

— Теперь я сообщаю вам новости в ответ на полученные от вас сведения. Дама, слывущая здесь за мисс Стапльтон, в действительности его жена.

— Господи, Боже мой, Холмс! Уверены ли вы в этом? Как мог он допустить, чтобы сэр Генри влюбился в нее?

— То, что сэр Генри влюбился, не могло повредить никому, кроме как сэру Генри. Вы же сами заметили, что Стапльтон всячески старался, чтобы сэр Генри не ухаживал за нею. Говорю вам, что она его жена, а не сестра.

— Но для чего такой обман?

— Потому что он предвидел, что она будет гораздо полезнее для него в роли свободной женщины.

Все мои неясные предчувствия, мои смутные подозрения внезапно облеклись в форму и сосредоточились на натуралисте. В этом бесстрастном, бесцветном человеке, в соломенной шляпе и

с сеткою для ловли бабочек, мне почудилось ужасное существо, одаренное бесконечным терпением и хитростью, существо с улыбающимся лицом и сердцем убийцы.

— Так, значит, это он наш враг, это он следил за нами в Лондоне?

— В этом смысле я читаю загадку.

— А предостережение исходило, вероятно, от нее.

— Именно.

Сквозь мрак, так долго окружавший меня, проглядывал полувидимый, полуотгадываемый образ какой-то чудовищной низости.

— Но уверены ли вы в этом, Холмс? Почему вы узнали, что эта женщина его жена?

— Потому, что он так увлекся, что передал вам правду об одной части своей автобиографии, когда в первый раз встретился с вами, и полагаю, что затем он не раз жалел об этом. Он действительно был однажды школьным учителем в Северной Англии. Ну, а нет ничего легче, как добыть сведения об учителе. Есть школьные агентуры, чрез которые можно удостовериться в личности любого человека, когда-либо занимавшегося этою профессиею. Благодаря небольшой справке, я узнал, что одна школа претерпела несчастие при

ужасных обстоятельствах и что виновник их (имя было другое) исчез вместе со своею женою. Описания учителя и его жены вполне подходят к приметам Стаплтонов. Когда же я узнал, что исчезнувший человек — энтомолог, то уже не мог больше сомневаться.

Мрак рассеялся, но многое еще оставалось в тени.

— Если эта женщина его жена, то при чем тут Лаура Ляйонс? — спросил я.

— Это один из пунктов, на который ваши расследования пролили свет. Ваше свидание с дамою очень выяснило положение. Я ничего не знал о проектируемом разводе между Лаурой и ее мужем. Считая Стаплтона холостым, она, без сомнения, рассчитывает выйти за него замуж.

— А когда она узнает правду?..

— Тогда дама может оказаться полезною для нас. Первым делом нужно нам обоим завтра повидаться с нею. Не находите ли вы, Ватсон, что вы уже слишком давно покинули свои обязанности? Ваше место в Баскервиль-голле.

На западе исчез последний румянец заката, и ночь воцарилась на болоте. Несколько звездочек заблестело на фиолетовом небе.

— Еще один вопрос, Холмс, — сказал я, вста-

вая. — Между нами не может быть, конечно, секретов. Что все это значит? Что ему нужно?

Холмс ответил пониженным голосом:

— Убийство, Ватсон. Утонченное, хладнокровно обдуманное убийство. Не спрашивайте у меня подробностей. Я затягиваю его в свои сети точно так же, как он затягивает сэра Генри, и, при вашей помощи, он уже почти в моей власти. Тут угрожает нам одна только опасность: опасность, что он нанесет удар прежде, чем мы будем готовы нанести ему удар. Еще день или два, не больше, и у меня в руках будет законченное дело, а до тех пор берегите вверенного вам человека так же неотступно, как мать бережет своего больного ребенка. Сегодняшняя ваша миссия сама себя оправдала, а между тем я почти жалею о том, что вы покинули его… Слышите!

Ужасающий крик. Среди тишины болота пронесся стон, долго не умолкавший стон предсмертного ужаса. От этого страшного крика кровь застыла в моих жилах.

— О Боже мой! Что это такое? Что это значит? — воскликнул я, задыхаясь.

Холмс вскочил на ноги, и я увидел в отверстие двери его темную, атлетическую фигуру с сгорбленными плечами и наклоненною вперед

головою, как бы стремившейся проникнуть взором в темноту ночи.

— Шш! — шепнул он, — Шш!

Слышанный нами крик был громкий, благодаря его силе, но исходил он откуда-то издалека. Теперь же он доходил до наших ушей все ближе, громче, настоятельнее.

— Откуда это? — шептал Холмс. И я слышал по дрожанию его голоса, что он, — железный человек, был потрясен до глубины души. — Откуда это, Ватсон?

— Кажется, оттуда, — ответил я, указывая в темноту.

— Нет, с этой стороны.

Снова предсмертный крик огласил безмолвную ночь громче и гораздо ближе, чем прежде. К этому крику присоединился другой звук, — низкое, глухое ворчание, музыкальное и вместе с тем грозное, как низкий, неумолчный рокот моря.

— Собака! — воскликнул Холмс. — Идем, Ватсон, идем! Царь Небесный, неужели мы опоздали!

Он пустился бежать по болоту, и я следовал по его пятам. Но вдруг откуда-то из-за камней, как раз впереди нас, донесся последний отчаянный стон, а затем, глухой, тяжелый стук. Мы остановились, прислушиваясь. Ни один звук не нарушал

больше тяжелой тишины безветренной ночи.

Холмс схватился с жестом отчаяния за голову и ударял ногами о землю.

— Он побил нас, Ватсон. Мы опоздали!

— Нет, нет, наверное, нет!

— Дурак я был, что сдерживал свой размах. А вы, Ватсон, смотрите, к чему привело то, что вы покинули свой пост! Но, клянусь небесами, если случилось худшее, мы отмстим.

Ничего не видя, бежали мы по темному болоту, спотыкаясь о камни, продираясь сквозь терновник, подымаясь и спускаясь по холмам, держась того направления, откуда донеслись до нас ужасные звуки. При каждом подъеме на возвышенность Холмс жадно осматривался, но густой мрак покрывал болото, и ничто не шевелилось на его угрюмой поверхности.

— Видите ли вы что-нибудь?

— Ничего.

— Но слушайте, это что такое?

До нашего слуха донесся тихий стон.

Вот опять слева от нас. В этой стороне ряд скал заканчивался крутым утесом, подымавшимся над усыпанным камнями склоном. На его неровной поверхности лежал какой-то темный, неправильной формы предмет. Когда мы подбежали к этому

предмету, он принял определенную форму распростертого ничком человека; голова его была подогнута под ужасным углом, плечи закруглены, и тело собрано, точно оно хотело перекувыркнуться. Это положение было до того нелепым, что я сразу не мог себе представить, что слышанный нами стон был прощанием души с этим телом. Ни стона, ни жалобы не издавала больше темная фигура, над которою мы наклонились. Холмс опустил на нее руку и с возгласом ужаса отдернул ее. Свет чиркнутой им спички осветил окровавленные пальцы и отвратительную лужу крови, медленно стекавшей из раздробленного черепа жертвы. Свет спички осветил еще нечто, от чего у нас сердца похолодели и замерли, — он осветил… тело сэра Генри Баскервиля.

Ни Холмс, ни я не могли забыть совершенно особенный красноватый костюм, который был надет на нем в то первое утро, когда он был у нас в Бекер-стрите. Мы сразу узнали этот костюм, а затем спичка затлела и погасла, как погасла надежда, тлевшая в наших сердцах. Холмс застонал и так побледнел, что его лицо выделилось белым пятном в темноте.

— Зверь! Зверь! — воскликнул я, ломая руки. — Ах, Холмс, я никогда не прощу себе, что

покинул его.

— Я более виноват, чем вы, Ватсон. Ради того, чтобы дело было полное и закругленное, я погубил своего клиента. Это самый страшный удар, какой я когда-либо получал в продолжение всей своей карьеры. Но как мог я знать… как мог я знать, что, вопреки всем моим предостережениям, он рискнет пойти один на болото!

— Господи! подумать, что мы слышали его крик… О Боже, эти крики! И мы не могли его спасти! Где это животное, эта собака, загнавшая его до смерти? Может быть, она и сейчас где-нибудь в засаде между скал. А Стаплтон, где он? Он ответит за это!

— О, да! Я позабочусь об этом! И дядя и племянник убиты; один был напуган до смерти одним только видом животного, которое считал сверхъестественным, другой нашел смерть в своем диком беге, спасаясь от него. Но теперь нам нужно доказать связь между человеком и животным. Если исключить то, что мы слышали, мы даже не можем ручаться за существование последнего, так как сэр Генри умер, очевидно, от падения. Но, клянусь небом, как ни хитер молодец, а не пройдет суток, и он будет в моей власти!

С болью в сердце стояли мы по обеим сторонам

изувеченного тела, подавленные этим внезапным и непоправимым несчастием, которое положило столь печальный конец нашим долгим и тяжелым трудам. Когда взошла луна, мы вскарабкались на вершину скалы, с которой упал наш бедный друг, и оттуда смотрели на болото, на половину освещенное луною. Далеко, на много миль от нас, по направлению к Гримпену, виднелся одинокий желтый свет. Он мог исходить только из уединенного жилища Стапльтонов. С жутким проклятием погрозил я кулаком в этом направлении.

— Почему бы нам тотчас же не схватить его?

— Наше дело не закончено. Молодец этот осторожен и хитер до крайности. Важно не то, что мы знаем, а то, что мы можем доказать. Если мы сделаем один неверный шаг, мерзавец может ускользнуть из наших рук.

— Что мы можем сделать?

— Завтра у нас много будет дела. Сегодня же ночью мы можем только оказать последнюю услугу нашему другу.

Мы сошли с крутого склона и подошли к телу, ясно выделявшемуся на посеребренных луною камнях. При виде скорченных членов, я почувствовал, что мне сдавило горло, и слезы

навернулись на глазах.

— Надо послать за помощью, Холмс. Мы не в состоянии донести его до голля. Боже мой, да вы с ума сошли!

Холмс вскрикнул и наклонился к телу. Затем принялся плясать, хохотать и трясти мою руку. Неужели это мой сериозный, сдержанный друг!

— Борода! борода! У человека борода!

— Борода?

— Это не баронет… Это… да это мой сосед, беглый каторжник.

Мы лихорадочно перевернули тело вверх лицом: окровавленная борода торчала вверх, освещенная холодным, ясным месяцем. Не могло быть никакого сомнения; тот же выдающийся лоб и впалые глаза. Это было то самое лицо, которое я видел при свечке высматривавшим из-за скалы, — лицо преступника Сельдена.

Тут сразу все стало для меня ясным. Я вспомнил, как баронет говорил мне, что он подарил свое старое платье Барримору. Барримор передал его Сельдену, чтобы помочь ему бежать. Сапоги, рубашка, шапка, — все было от сэра Генри. Трагедия оставалась на лицо, но по крайней мере этот человек заслужил смерть по законам своего отечества. Я рассказал обо всем этом Холмсу, и сердце

мое трепетало от благодарности и радости.

— Значит, платье было причиною смерти бедного малого, — сказал он. — Ясно, что собака была пущена по следу после того, как ее ознакомили с какою-нибудь принадлежностью туалета сэра Генри, — по всей вероятности с сапогом, который был утащен в отеле, и таким образом человек этот был загнан. Однако же, тут есть одна очень странная вещь; каким образом Сельден узнал в темноте, что собака пущена по его следам?

— Он услыхал ее.

— Столь закаленный человек, как этот беглый, неспособен оттого только, что услыхал собаку на болоте, пасть в такой пароксизм страха, чтобы дико кричать о помощи и тем рисковать быть снова пойманным. Судя по его крикам, он, должно быть, очень долго бежал после того, как узнал, что собака напала на его след. Каким образом он это узнал?

— Для меня составляет большую тайну, — почему эта собака, предполагая, что все наши догадки правильны…

— Я ничего не предполагаю.

— Ну; так почему эта собака была спущена сегодня ночью. Полагаю, что она не всегда свободно бегает по болоту. Стаплтон не выпустил бы ее,

если бы не имел причины думать, что сэр Генри придет сюда.

— Моя загадка страшнее вашей, потому, что я думаю, что мы очень скоро получим ответ на ваш вопрос, между тем как мой может на веки остаться тайною. А теперь вопрос в том, что нам делать с телом этого несчастного? Нельзя же его оставить здесь на съедение лисицам и воронам.

— Я бы посоветовал положить его в одну из хижин, пока мы не дадим знать полиции.

— Верно, Не сомневаюсь, что у нас хватит сил дотащить его. Эге, Ватсон, это что такое? Да это он сам. Какова дерзость! Ни слова, могущего обнаружить ваши подозрения, — ни слова, иначе все мои планы рухнут.

По болоту приближался к нам человек, и я видел тусклый красный огонь сигары. Месяц освещал его, и я мог рассмотреть ловкую фигуру и легкую быструю походку натуралиста. Он приостановился, когда увидел нас, а затем продолжал приближаться к нам.

— Доктор Ватсон, неужели это вы? Вы последний человек, которого бы я ожидал увидеть на болоте в этот час ночи. Но, Боже мой, это что такое? С кем-нибудь случилось несчастие? Нет… Не говорите мне, что это наш друг, сэр Генри!

Он пробежал мимо меня и нагнулся над мертвым телом. Я услыхал хрип в его груди, и сигара выпала из его пальцев.

— Кто… кто это? — пробормотал он.

— Это Сельден — человек, убежавший из Принцтаунской тюрьмы.

Стапльтон посмотрел на нас; лицо его было ужасное, но с невероятным усилием он овладел своим удивлением и разочарованием. Он зорко взглянул на Холмса, затем на меня.

— Боже мой! Как это ужасно! Как он умер?

— По-видимому — он сломал себе шею, упав с этих скал. Мой друг и я бродили по болоту, когда услыхали крик.

— Я тоже слышал крик. Вот почему и вышел. Я беспокоился о сэре Генри.

— Почему именно о сэре Генри? — не мог я не спросить.

— Потому что я приглашал его прийти к нам. Когда он не пришел, меня это удивило, а затем я естественно встревожился за него, услыхав крики на болоте. Кстати, — он снова пристально посмотрел на Холмса, — вы ничего больше не слыхали?

— Нет, — ответил Холмс, — а вы?

— И я ничего.

— Так почему же вы спросили?

— Ах, вам известны истории, которые рассказывают мужики о привидении в виде собаки и т. д. Говорят, что слышен по ночам ее вой на болоте. Вот мне и хотелось знать, не слышали ли вы чего-нибудь в этом роде сегодня ночью?

— Мы ничего подобного не слыхали, — сказал я.

— А что вы думаете о смерти этого несчастного?

— Я не сомневаюсь, что жизнь в вечном страхе и в такой обстановке помутила его рассудок. Он в припадке сумасшествия бежал по болоту, случайно тут упал и переломил себе шею.

— Такое объяснение, кажется, вполне разумным, — сказал Стапльтон и при этом вздохнул, как мне показалось, с облегчением. — Что вы об этом думаете, мистер Шерлок Холмс?

Мой друг поклонился и сказал:

— Вы быстро узнаете людей.

— Мы ожидали вас в наши края с тех пор, как приехал сюда доктор Ватсон. Вы попали как раз на трагедию.

— Да, действительно. Я не сомневаюсь, что объяснение, данное моим другом, окажется верным. Я увезу завтра с собою в Лондон неприятное

воспоминание.

— Как, вы завтра уезжаете?

— Да, таково мое намерение.

— Надеюсь, что ваш приезд пролил некоторый свет на происшествия, поставившие нас в тупик?

Холмс пожал плечами.

— Не всегда достигаешь успеха, на который надеешься. Расследователю нужны факты, а не легенды и слухи. Это неудачное для меня дело.

Мой друг говорил самым искренним и спокойным тоном. Стапльтон продолжал пристально смотреть на него. Затем он обратился ко мне:

— Я бы предложил перенести ко мне этого бедного малого, но это может так напугать мою сестру, что я считаю себя не в праве это сделать. Я думаю, что если мы накроем его лицо, то он благополучно пролежит здесь до утра.

Мы так и сделали. Отклонив гостеприимные предложения Стальптона, Холмс и я двинулись в Баскервиль-голль, предоставив натуралисту возвращаться домой в одиночестве. Оглянувшись, мы видели его фигуру, медленно удалявшуюся по обширному болоту, а за нею — единственное темное пятно на освещенном луною склоне, указывавшее место, на котором лежал так ужасно

погибший человек.

— Наконец-то мы близки к рукопашной схватке, — сказал Холмс, пока мы шли по болоту. — Что за нервы у этого человека! Как он овладел собою, когда увидел, что жертвою его пал не тот, кого он наметил, а это должно было быть для него ошеломляющим ударом. Я говорил вам в Лондоне, Ватсон, и повторяю теперь, что никогда не было у нас врага, столь достойного нашего оружия.

— Мне досадно, что он видел вас.

— И мне также сначала было досадно. Но этого нельзя было избегнуть.

— Как вы думаете, какое будет иметь влияние на его планы то, что он знает о вашем присутствии здесь?

— Это может заставить его быть более осторожным или же побудить его сразу к принятию отчаянных мер. Подобно большинству смышленых преступников, он может слишком надеяться на собственный ум и воображать, что вполне провел нас.

— Почему бы нам не арестовать его тотчас же?

— Милый Ватсон, вы родились человеком действия. Вас вечно тянет совершить энергический поступок. Но предположим, что мы арестуем его сегодня ночью, к чему это подвинет нас? Мы

не можем представить никаких доказательств против него. В этом-то и заключается чертовская хитрость. Имей он соучастником человека, мы могли бы добыть улики, теперь же, если бы нам и удалось вытащить собаку на дневной свет, это все-таки не помогло бы затянуть петлю на шее ее хозяина.

— Но ведь у нас в руках уголовное дело.

— Ни малейшей тени его, — одни только подозрения и предположения. На суде нас бы осмеяли, если бы мы явились с такою сказкою и такими доказательствами.

— А смерть сэра Чарльза?

— Он найден мертвым без малейших знаков насилия. Вы и я знаем, что он умер от ужасного страха, а также знаем, что напугало его; но как нам заставить двенадцать глупых присяжных поверить этому? Где доказательства в том, что тут действовала собака? Где знаки ее клыков? Конечно, мы знаем, что собака не кусает мертвое тело и что сэр Чарльз умер прежде, чем животное нагнало его. Но мы должны все это доказать, а между тем пока не в состоянии это сделать.

— Ну, а сегодняшняя ночь?

— Сегодня ночью мы не сделали ни одного шага вперед. Все-таки не было никакой прямой

связи между собакою и смертью человека. Мы не видели собаки. Мы слышали ее, но не можем доказать, что она бежала по следам этого человека. Тут полное отсутствие мотивировки. Нет, милый друг, нам приходится примириться с фактом, что в настоящую минуту у нас нет в руках никакого уголовного дела, но нам стоит идти на какой угодно риск, лишь бы установить таковое.

— А как вы предполагаете этого достигнуть?

— Я возлагаю большие надежды на то, что может сделать для нас миссис Лаура Ляйонс, когда она будет ознакомлена с положением дел. У меня также есть и свой план. Однако, каждому дню своя забота, но не пройдет суток, как я, надеюсь, возьму верх.

Ничего больше не мог я добиться от Холмса, и он, углубившись в думы, дошел вместе со мною до ворот Баскервиль-голля.

— Войдете вы со мною?

— Да. Я не вижу причин скрываться дольше. Но еще одно слово, Ватсон. Не говорите ничего сэру Генри о собаке. Пусть он верит, что смерть Сельдена произошла так, как Стапльтон хочет, чтобы мы думали. Нервы его будут крепче для испытания, которое ему придется перенести завтра, если я верно помню ваше донесение, и он

отправится обедать к этим господам.

— Я тоже приглашен.

— Вы должны извиниться, и он должен идти один. Это легко устроить. Ну, а теперь, если мы опоздали к обеду, то думаю, что заслужили ужин.

XIII. Сети стягиваются

При виде Шерлока Холмса сэр Генри был больше обрадован, чем удивлен, так как уже несколько дней он ожидал, что последние события вызовут Холмса из Лондона. Однако же, он с недоумением поднял брови, когда убедился, что у моего друга нет с собою никакого багажа и что такому обстоятельству он не дает никакого объяснения. Я снабдил Холмса всем необходимым, и за поздним ужином мы рассказали баронету о наших приключениях, насколько было желательно, чтобы он их знал. Но прежде всего мне выпала неприятная обязанность передать Барримору и его жене известие о смерти Сельдена. Ему оно должно было принести несомненное облегчение, но она горько плакала, закрыв лицо передником. Для всего мира Сельден был жестоким человеком, — полузверем, полудемоном, но для нее он всегда оставался маленьким своевольным мальчиком; каким она его помнила в своей собственной юности, цепляющимся за ее руку. Поистине злой должен быть тот человек, чью смерть ни одна женщина не будет оплакивать.

— Я сегодня с утра, с тех пор как ушел Ватсон, пропадал с тоски в этом доме, — сказал баронет. — Надеюсь, что это будет поставлено мне в заслугу, потому что я сдержал свое обещание. Если бы я поклялся не выходить один, то мог бы провести вечер более оживленно, так как Стапльтон прислал мне записку с приглашением придти к нему.

— Не сомневаюсь, что вы провели бы вечер более оживленно, — выразительно произнес Холмс. — Кстати, полагаю, что вы не оцените, как мы вас оплакивали, думая, что вы сломали себе шею.

Сэр Генри широко открыл глаза.

— Каким образом?

— Тот несчастный был одет в ваше платье. Я опасаюсь, как бы ваш слуга, подаривший ему это платье, не навлек на себя неприятности со стороны полиции.

— Вряд ли. Насколько мне помнится, ни на одной части этой одежды не было никакой метки.

— Это счастие для него и, в сущности, счастие для вас всех, так как вы все в этом деле поступили противозаконно. Я даже сомневаюсь, — не обязан ли я, как добросовестный сыщик, прежде всего арестовать всех живущих в этом доме. Донесения

Ватсона — крайне уличающие документы.

— Но расскажите о нашем деле, — попросил баронет. — Разобрались ли вы сколько-нибудь в этой путанице? Что касается до Ватсона и меня, то мне кажется, что мы ничего не разузнали с тех пор, как приехали.

— Я думаю, что скоро буду в состоянии выяснить вам положение. Дело это было чрезвычайно трудное и крайне сложное. Остается еще несколько пунктов, на которые требуется пролить свет, но мы этого уже достигаем.

— Вероятно, Ватсон сообщил вам, что мы слыхали собаку на болоте, и я могу побожиться, что тут дело не в одном пустом суеверии. Я имел дело с собаками, в свою бытность в Америке, и когда слышу лай, то узнаю, что это лай собаки. Если вам удастся надеть намордник на этого пса и посадить его на цепь, то я скажу, что вы величайший сыщик с сотворения мира.

— Полагаю, что я надену на него намордник и посажу его на цепь, если вы не откажете мне в своей помощи.

— Я сделаю все, что бы вы ни приказали мне.

— Прекрасно. Я вас также попрошу делать это слепо, не всегда допрашивая о причинах.

— Как вам будет угодно.

— Если вы будете так поступать, то я полагаю, что все шансы за то, чтобы наша маленькая задача скоро разрешилась. Я не сомневаюсь…

Он вдруг замолчал и стал пристально смотреть поверх моей головы. Свет лампы прямо падал на его лицо, и оно было так напряжено и неподвижно, что его можно было принять за классическое изваяние — олицетворение энергии и ожидания.

— В чем дело? — воскликнули мы оба.

Я видел, когда Холмс опустил глава, что он хотел подавить в себе взволновавшее его чувство. Лицо его было сериозно, но глаза сверкали радостным торжеством.

— Простите увлечение знатока, — сказал он, указывая рукою на линию портретов, покрывавших противоположную стену. — Ватсон не хочет допустить, чтобы я понимал толк в искусстве, но это просто зависть с его стороны, вследствие несходства наших взглядов на этот предмет. Ну, а эта коллекция портретов по истине великолепная.

— Я очень рад, что вы это находите, — сказал сэр Генри, смотря с некоторым удивлением на моего друга. — Я не имею претензии на должное понимание искусства и был бы лучшим судьею относительно лошади или бычка, чем относи-

тельно картины. Я не знал, что вы находите и на это время.

— Если я вижу что-нибудь хорошее, то и оцениваю его, а теперь вижу нечто хорошее. Держу пари, что та дама в голубом шелковом платье — работы Кнеллера, а толстый господин в парике — Рейнольдса. Это все, вероятно, фамильные портреты?

— Да, все без исключения.

— И вы знаете их имена?

— Барримор наставлял меня в них, и я думаю, что хорошо выучил свой урок.

— Кто этот господин с подзорною трубою?

— Это контр-адмирал Баскервиль, служивший при Роднэе в Вест-Индии. Человек в синем камзоле и со свертком бумаг — сэр Вильям Баскервиль, бывший председателем комитетов в палате общин при Питте.

— А этот всадник против меня, — в черном бархатном камзоле с кружевами?

— О, с этим вы имеете право познакомиться. Это виновник всего несчастия, злой Гюго, породивший собаку Баскервилей. Вряд ли мы все забудем его.

Я смотрел на портрет с интересом и некоторым удивлением.

— Боже мой! — воскликнул Холмс, — он кажется спокойным и довольно мягким человеком, но я уверен, что из глаз его проглядывал дьявол. Я представлял его себе человеком более дюжим и с более разбойническою наружностью.

— Не может быть никакого сомнения в подлинности портрета, потому что имя и год 1647 начертаны на обратной стороне полотна.

После этого Холмс очень мало говорил, но портрет старого злодея точно приковал его к себе, и в продолжение всего ужина он не отрывал от него глаз. Только позднее, когда сэр Генри удалился в свою спальню, я мог проследить за направлением мыслей своего друга. Он вернулся со мною в столовую со свечею в руке и стал держать ее у самого портрета, поблекшего от времени.

— Видите вы тут что-нибудь?

Я посмотрел на широкую шляпу с пером, на вьющиеся локоны, на обрамленное ими узкое строгое лицо. Наружность была вовсе не грубая, но натянутая, жесткая и суровая, с резко очерченным тонкими губами, ртом и холодными, непреклонными глазами.

— Похож он на кого-нибудь из ваших знакомых?

— Что-то около подбородка напоминает сэра

Генри.

— Да, пожалуй, тут есть маленький намек. Но постойте!

Он встал на стул и, держа свечу в левой руке, закруглил правую так, чтобы закрыть ею широкую шляпу и длинные локоны.

— Царь небесный! — воскликнул я пораженный.

Из рамки выглянуло на меня лицо Стаплтона.

— Ага! Видите теперь. Глаза мои приучены рассматривать лица, а не их украшения. Первое качество расследователя преступлений — это умение узнать человека сквозь его маскарадный костюм.

— Но это поразительно. Этот портрет точно списан с него.

— Да, это интересный образчик атавизма, и тут он является как в физическом, так и в духовном отношении. Человек, изучающий фамильные портреты, может стать приверженцем доктрины переселения душ. Наш молодец — Баскервиль, это очевидно.

— С видами на наследство.

— Именно. Этот портрет дал нам одно из самых важных недостающих звеньев. Мы держим его в руках, Ватсон, мы держим его, и клянусь, что

еще до завтрашнего вечера он будет так же беспомощно биться в наших сетях, как его бабочки. Булавка, пробка и карточка и вот новый экземпляр для нашей Бекер-стритской коллекции.

Сказав это и отходя от портрета, Холмс разразился хохотом. Не часто случалось мне слышать его смех, и всегда он предвещал недоброе кому-нибудь.

На другое утро я рано встал, но Холмс поднялся еще раньше и, одеваясь, я видел, как он шел по аллее к дому.

— Да, сегодня нам нужен весь день, — сказал он, потирая руки с радостным предвкушением деятельности. — Сети расставлены, и скоро начнется их стягивание. Не пройдет этот день, как мы узнаем — попалась ли в них наша большая остромордая щука или же проскользнула между петлями.

— Вы уже были на болоте?

— Я из Гримпена послал в Принцтаун донесение о смерти Сельдена. Кажется, могу обещать, что никого из вас не потревожат из-за этого дела. Я также свиделся с моим верным Картрайтом, который, без сомнения, истосковался бы у двери моей хижины, как собака на могиле своего хозяина, если бы я не успокоил его относительно своей

безопасности.

— А теперь с чего мы начнем?

— Прежде всего надо повидать сэра Генри. А вот и он.

— Здравствуйте, Холмс, — сказал баронет. — Вы имеете вид генерала, составляющего со своим начальником штаба план сражения.

— Совершенно правильное сравнение. Ватсон спрашивал моих приказаний.

— И я явился за тем же.

— Прекрасно. Вы, насколько мне известно, приглашены сегодня вечером на обед к вашим друзьям Стаплтонам?

— Надеюсь, что и вы поедете с нами. Они очень гостеприимны, и я уверен, что будут очень рады вас видеть.

— Нам с Ватсоном придется, пожалуй, ехать в Лондон.

— В Лондон?

— Да, при настоящих обстоятельствах, я думаю, мы будем там полезнее.

Лицо баронета выразило заметное неудовольствие.

— Я надеялся, что вы не покинете меня в этом деле. Голль и болото — не веселые места для человека одинокого.

— Милый друг, вы должны слепо довериться мне и исполнять в точности то, что я говорю. Вы можете передать вашим друзьям, что мы были бы счастливы приехать к ним вместе с вами, но что неотложное дело вызвало нас в город. Мы надеемся скоро вернуться в Девоншир. Вы не забудете передать им все это?

— Если вы настаиваете.

— Уверяю вас, что выбора нет.

Я видел по лицу баронета, что он был глубоко обижен и, по-видимому, считал наш поступок дезертирством.

— Когда желаете вы ехать? — спросил он холодно.

— Тотчас после завтрака. Мы доедем на лошадях до Кумб-Трасея, но Ватсон оставит у вас свои вещи в залог того, что он вернется. А вы, Ватсон, пошлите Стапльтону записку и выразите сожаление, что не можете приехать к ним лично.

— Мне сильно хочется поехать в Лондон вместе с вами, — сказал баронет. — Для чего я тут останусь один?

— Потому что это ваш долг. Потому что вы дали мне слово, что будете поступать так, как я скажу, а я вам говорю, чтобы вы оставались.

Еще одно. Я хочу, чтобы вы поехали на лошадях

в Меррипит-гауз. Но отошлите обратно экипаж и скажите Стапльтонам, что вы намерены вернуться домой пешком.

— Я должен идти пешком через болото?

— Да.

— Но ведь это как раз то, против чего вы меня так часто предостерегали.

— На этот раз вы безопасно можете идти, и это необходимо. Если бы я не питал полнейшего доверия к вашей силе воли и храбрости, то не дал бы вам такого совета.

— В таком случае я пойду пешком.

— И если вы дорожите своею жизнью, то идите непременно не по какому иному направлению, как по прямой тропинке, ведущей из Меррипит-гауза на Гримпенскую дорогу, по тропинке, которая и есть ваш естественный путь к дому.

— Я в точности исполню все, как вы приказываете.

— Прекрасно. Мне хотелось бы уехать как можно скорее после завтрака, чтобы добраться до Лондона раньше вечера.

Эта программа действий очень удивила меня, хотя я помнил, что Холмс накануне вечером говорил Стапльтону, что он на следующий день уедет. Однако же, мне не приходило в голову,

чтобы он пожелал взять меня с собою, а также я не мог понять, как это мы оба можем быть в отсутствии в такой момент, который он сам же назвал критическим. Но ничего больше не оставалось делать, как слепо повиноваться. Итак мы простились с нашим опечаленным другом и часа через два были на станции Кумб-Трасей, откуда отослали экипаж обратно домой. На платформе ожидал нас мальчик.

— Какие будут ваши приказания, сэр?

— С ближайшим поездом, Картрайт, ты отправишься в город. Как только приедешь, тотчас же пошлешь сэру Генри Баскервилю телеграмму от моего имени, в которой ты напишешь, что если он найдет выроненную мною записную книжку, то я прошу послать ее заказною посылкою в Бекер-стрит.

— Слушаю-с, сэр.

— А теперь спроси в станционном телеграфе, нет ли для меня телеграммы.

Мальчик вернулся с телеграммой, которую Холмс передал мне. Она гласила: «Получил телеграмму. Везу полномочие. Прибуду пять сорок. Лестрэд».

— Это ответ на мою утреннюю телеграмму. Я считаю Лестрэда самым искусным в нашей про-

фессии, и его помощь может понадобиться нам. Теперь, Ватсон, я думаю, что мы полезнее всего проведем наше время, если отправимся к вашей знакомой Лауре Ляйонс.

План кампании, составленный Холмсом, начал выясняться для меня. Он воспользовался баронетом, чтобы убедить Стаплтонов в том, что мы действительно уехали, а между тем мы вернемся к тому моменту, когда наше присутствие окажется необходимым. Телеграмма Картрайта, если сэр Генри упомянет о ней Стаплтонам, рассеет последние, могущие у них быть подозрения. Мне казалось, что я уже вижу, как наши сети затягивают эту остромордую щуку.

Миссис Лаура Ляйонс была в своей конторе, и Шерлок Холмс начал с нею беседу так откровенно и так прямо, что она была поражена.

— Мне поручено расследование обстоятельств, сопровождавших смерть сэра Чарльза Баскервиля, — сказал он. — Мой друг, доктор Ватсон, ознакомил меня с тем, что вы ему сообщили, а также и с тем, что вы скрыли относительно этого дела.

— Что я скрыла? — спросила она с недоверием.

— Вы признались, что просили сэра Чарльза быть у калитки в десять часов. Мы знаем, что

он умер как раз на этом месте и в этот час. Вы скрыли, какая существует связь между этими двумя фактами.

— Тут нет никакой связи.

— В таком случае совпадение поистине необычайное. Но мне думается, что нам-таки удастся восстановить связь. Я желаю быть вполне искренним с вами, миссис Ляйонс. Мы считаем этот случай убийством, и очевидность его может запутать не только вашего друга — мистера Стапльтона, но и его жену.

Лаура вскочила с своего стула.

— Его жену! — воскликнула она.

— Факт этот не составляет уже больше тайны. Особа, слывшая за его сестру, в действительности его жена.

Миссис Ляйонс села опять. Пальцы ее сжимали ручки кресла с таким напряжением, что я видел, как розовые ногти стали белыми.

— Его жена! — повторила она. — Его жена! Он был неженат.

Шерлок Холмс пожал плечами.

— Докажите это мне! Докажите это мне! И если вы только в состоянии это сделать…

Свирепый блеск ее глаз говорил больше, чем могли выразить слова.

— Я пришел к вам с готовыми доказательствами, — сказал Холмс, вынимая из кармана несколько бумаг. — Вот фотография с супружеской четы, снятая четыре года тому назад в Йорке. На ней написано, что это мистер и миссис Ванделер, но вам не трудно будет его узнать, а также и ее, если только вам приходилось ее видеть. Вот три описания, сделанные достойными доверия свидетелями, мистера и миссис Ванделер, которые в то время содержали частную школу. Прочтите их, и вы убедитесь, что не может быть сомнения в подлинности этих личностей.

Она посмотрела на документы, затем на нас с неподвижным, остывшим лицом женщины в отчаянии.

— Мистер Холмс, — сказала она, — этот человек обещал жениться на мне, если я получу развод с мужем. Негодяй всячески лгал мне. Он не сказал мне ни одного слова правды. И почему — почему? Я воображала, что все делается ради меня. А теперь вижу, что я никогда не была для него ничем иным, как орудием в его руках. Ради чего мне сохранять ему верность, когда он всегда был вероломен со мною? Чего ради мне стараться ограждать его от последствий его собственных злых деяний? Спрашивайте у меня все, что вам

угодно, и я ничего не скрою. В одном клянусь вам, что когда я писала письмо, то и во сне не желала причинить вред человеку, который был моим лучшим другом.

— Я вполне верю вам, сударыня, — сказал Шерлок Холмс. — Рассказывать эти события должно быть очень тяжело для вас, и, может быть, вам будет легче, если я буду рассказывать то, что случилось, а вы остановите меня, если я сделаю какую-нибудь существенную ошибку. Отсылка вашего письма была сделана по совету Стапльтона?

— Он продиктовал мне это письмо.

— Полагаю, что выставленные им причины заключались в том, что сэр Чарльз может прийти вам на помощь при издержках, неизбежно связанных с делом о разводе?

— Совершенно верно.

— А затем, когда вы отправили письмо, он отговорил вас идти на свидание?

— Он сказал мне, что его самоуважению будет нанесен удар, если другой человек даст деньги на это дело и что, хотя он сам бедный человек, но отдаст свой последний грош ради уничтожения препятствий, разлучающих нас.

— Он, по-видимому, очень последователен. А

затем вы ничего не знали, пока не прочитали в газете сообщение о смерти?

— Ничего.

— А он взял с вас клятву, что вы ничего не скажете о назначенном вами сэру Чарльзу свидании?

— Да. Он сказал, что кончина его произошла при очень таинственных обстоятельствах и что меня, конечно, заподозрят, если факты станут известными. Он напугал меня так, что я молчала.

— Совершенно верно. Но у вас были подозрения?

Она колебалась и опустила глаза.

— Я знала его, — сказала она. — Но если бы он оставался мне верен, то и я не выдала бы его.

— Полагаю, что в сущности вы счастливо отделались, — сказал Шерлок Холмс. — Он был в вашей власти и знал это, а между тем вы еще живы. В продолжение нескольких месяцев вы находились на краю пропасти. А теперь, миссис Ляйонс, мы должны с вами проститься, но вы очень скоро снова услышите о нас.

— Наше дело округляется, и затруднения одно за другим раздвигаются перед нами, — сказал Холмс в то время, как мы стояли в ожидании экспресса из города. — Люди, изучающие уголовные

преступления, вспомнят аналогичные случаи, но это дело имеет некоторые ему одному присущие черты. Даже и теперь еще нет у нас ясной улики против этого крайне коварного человека. Но я буду очень удивлен, если до сегодняшней ночи мы не получим таковую.

Лондонский экспресс вошел, пыхтя, на станцию, и из вагона первого класса выскочил маленький, сухой, похожий на бульдога, человечек. Мы пожали ему руку, и я сразу увидел, по почтительности, с какою Лестрэд смотрел на моего товарища, что он многому научился с тех пор, как они впервые начали работать вместе. Я хорошо помнил пренебрежение, с каким практический человек относился к теориям логически мыслившего человека.

— Хорошее дело? — спросил он.

— Самое крупное, — ответил Холмс. — Мы имеем в своем распоряжении два часа, прежде чем нам придется двинуться в путь. Я думаю, что мы можем ими воспользоваться и пообедать, а затем, Лестрэд, мы прочистим ваше горло от лондонского тумана, дав вам возможность подышать чистым ночным воздухом Дартмура. Вы никогда не были там? О, в таком случае полагаю, что вы никогда не забудете своей первой прогулки в

этой местности.

XIV. Собака Баскервилей

Один из недостатков Шерлока Холмса, если только можно назвать это недостатком, заключался в том, что он чрезвычайно неохотно сообщал свои планы другому лицу до момента их выполнения. Отчасти это происходило несомненно от его собственного властного характера, склонного господствовать и удивлять тех, кто его окружал. Отчасти же причиною тому была профессиональная осторожность, заставлявшая его никогда ничем не рисковать. Но как бы то ни было, в результате эта черта оказывалась очень тяжелою для тех, кто действовал в качестве его агентов и помощников. Я часто страдал от нее, но никогда она так не угнетала меня, как во время нашей продолжительной езды в темноте. Впереди нам предстояло великое испытание, мы были близки, наконец, к своему заключительному усилию, а между тем Холмс ничего не сказал, и я мог только предполагать, какой будет ход его действий. У меня каждый нерв дрожал от ожидания, когда, наконец, холодный ветер, задувший нам навстречу, и темное пустынное пространство до-

казали мне, что мы очутились на болоте. Каждый шаг лошадей, каждый оборот колеса приближал нас к нашему конечному приключению.

Нашему разговору препятствовало присутствие кучера наемного экипажа, и мы были принуждены говорить о пустяках, когда наши нервы были натянуты от волнения и ожидания. Я почувствовал облегчение от такой неестественной сдержанности, когда мы миновали дом Франкланда, и я знал, что мы уже близко от голля и от арены действия. Мы не доехали до подъезда, а остановились у ворот аллеи. Мы расплатились с кучером и велели ему тотчас же ехать обратно в Тэмиль-Кумб, а сами пошли по направлению к Меррипит-гаузу.

— Вооружены ли вы, Лестрэд?

Маленький сыщик улыбнулся.

— Пока на мне брюки, в них есть верхний карман, а пока в них есть верхний карман, то кое-что в нем находится.

— Хорошо. Мой друг и я приготовлены ко всяким случайностям.

— Вы, видимо, близко знакомы с этим делом, мистер Холмс? В чем теперь будет заключаться игра?

— В ожидании.

— Честное слово, я нахожу это место не очень веселым, — сказал сыщик, с дрожью осматриваясь кругом на мрачные склоны холмов и громадное озеро тумана, спустившегося над Гримпенскою трясиною. — Я вижу огоньки какого-то дома впереди нас.

— Это Меррипит-гауз — конечный пункт нашего пути. Попрошу вас идти на цыпочках и говорить шёпотом.

Мы осторожно двигались по дорожке по направлению к дому, но в двухстах, приблизительно, ярдах от него Холмс остановил нас.

— Эти камни направо могут служить прекраснейшими ширмами, — сказал он.

— Мы должны ожидать здесь?

— Да, здесь мы устроимся в засаде. Войдите в эту дыру, Лестрэд. Вы бывали в доме, Ватсон, не правда ли? Можете ли вы сообщить о расположении комнат? Что это за решетчатые окна с этого угла?

— Это, кажется, окна кухни.

— А то, там, что так ярко освещено?

— Это, конечно, столовая.

— Штора поднята. Вы лучше знакомы с местностью — подползите тихонько к окнам и посмотрите, что они там делают, но, ради самого неба,

не выдайте им своего присутствия.

Я пошел на цыпочках по тропинке и остановился за низкою стеною, окружавшею жидкий фруктовый сад. Пробираясь под тенью этой стены, я дошел до места, с которого мог смотреть прямо в незавешенное окно.

В комнате находились только двое мужчин — сэр Генри и Стапльтон. Они сидели друг против друга за круглым столом и были обращены ко мне в профиль. Они оба курили сигары, и перед ними стояли кофе и вино. Стапльтон говорил с оживлением, баронет же был бледен и рассеян. Может быть, его угнетала мысль о предстоящем ему одиноком пути по зловещему болоту.

Пока я наблюдал за ними, Стапльтон встал и вышел из комнаты, а сэр Генри наполнил стакан вином и, прислонившись к спинке стула, покуривал сигару. Я услыхал скрип двери и хрустящий звук шагов по гравию. Шаги направлялись вдоль тропинки по ту сторону стены, под которой я стоял, скорчившись; заглянув поверх нее, я увидел, как натуралист остановился у двери какого-то сарая, стоявшего в углу плодового сада. Раздался звук повернутого в замке ключа, и когда Стапльтон вошел в сарай, то оттуда послышался какой-то странный шум борьбы. Он

пробыл в сарае не более минуты, после чего снова раздался звук повернутого ключа, Стаплтон прошел мимо меня и вошел в дом. Я увидел, как он вернулся к своему гостю, и тогда потихоньку прополз обратно к своим товарищам и рассказал им, что видел.

— Вы говорите, Ватсон, что дамы не было с ними? — спросил Холмс, когда я закончил свое донесение.

— Нет.

— Где она может быть, раз ни одна комната, кроме кухни, не освещена.

— Не могу себе представить.

Я сказал, что над Гримпенскою трясиною висел густой белый туман. Он медленно подвигался к нам и производил впечатление стены — низкой, но плотной и ясно определенной. Луна освещала его, и он имел вид большого мерцающего ледяного поля, над которым возвышались вершины дальних пиков, как бы лежавшие на его поверхности.

— Он двигается к нам, Ватсон.

— А это важно?

— Очень важно, — единственное, что может расстроить мои планы. Но сэр Генри не должен теперь замедлить. Уже десять часов. Наш успех

и даже его жизнь могут зависеть от того, выйдет ли он из дому раньше, чем туман дойдет до тропинки.

Над нами ночь была светлая и прекрасная. Звезды ярко и холодно блестели, а полная луна освещала всю местность мягким, неопределенным светом. Перед нами стоял темный остов дома, его зазубренная крыша и трубы, резко очерченные на небе, усеянном звездами. Широкие полосы золотистого света из низких окон простирались через сад на болото. Одно из них вдруг потухло. Слуги вышли из кухни. Оставалось только окно столовой, в которой двое мужчин, — хозяин-убийца и ничего не подозревавший гость, — все продолжали болтать, покуривая свои сигары.

С каждою минутою белая плоскость, покрывавшая половину болота, придвигалась все ближе и ближе к дому. Уже первые тонкие клочки ее завивались в золотистом квадрате освещенного окна. Дальняя часть стены сада уже стала невидимою, и деревья подымались из полосы белого пара. Пока мы наблюдали за этим, туман уже окружил, точно гирляндами, оба угла дома и медленно свертывался в плотный вал, над которым верхний этаж дома и крыша плавали, как фантастический корабль. Холмс со страстною

горячностью ударил кулаком об скалу и от нетерпения топнул ногою.

— Если он не выйдет через четверть часа, тропинка будет скрыта туманом. Через полчаса мы не в состоянии будем видеть свои руки.

— Не лучше ли нам передвинуться назад, на более высокую почву?

— Да, я думаю это будет хорошо.

Итак, по мере того, как туманный вал двигался вперед, мы отступали от него назад, пока не очутились в полумиле от дома; между тем густое белое море, с посеребренною луною поверхностью, медленно и беспощадно наступало на нас.

— Мы идем слишком далеко, — сказал Холмс. — Нам нельзя рисковать, чтобы сэра Генри догнали прежде, чем он успеет дойти до нас. Мы во что бы то ни стало должны удержат свою позицию на этом месте.

Холмс опустился на колени и приложил ухо к земле.

— Слава Богу, он, кажется, идет.

Тишину болота нарушили быстрые шаги. Схоронившись между камнями, мы пристально всматривались в туманную полосу впереди нас. Звук шагов становился слышнее, и из тумана, как сквозь занавес вышел человек, которого мы ожи-

дали. Он с удивлением оглянулся, когда вышел в светлое пространство и увидел звездную ночь. Затем он быстро пошел по тропинке, прошел близко мимо нашей засады и стал подниматься по длинному склону позади нас. Он беспрестанно поворачивал голову и оглядывался, как человек, которому не по себе.

— Тс! — воскликнул Холмс, и я услыхал, как щелкнул взведенный курок. — Смотрите! Она бежит сюда.

Из средины этого медленно подползавшего туманного вала раздавались редкие, беспрерывные хрустящие удары. Туман расстилался в пятидесяти ярдах от нас, и мы все трое всматривались в него, не зная, какой ужас вынырнет оттуда. Я находился у самого локтя Холмса и взглянул на его лицо. Оно было бледное и торжествующее, а глаза ярко блестели при лунном освещении. Но вдруг они уставились вперед неподвижным, суровым взглядом, и рот его раскрылся от удивления. В тот же момент Лестрэд испустил вопль ужаса и бросился ничком на землю. Я вскочил на ноги, сжимая отяжелевшею рукою револьвер и парализованный ужаснейшею фигурою, выпрыгнувшей на нас из тумана. То была собака, громадная, черная, как уголь, собака, но такая,

какую ни один смертный глаз никогда не видывал. Пасть ее извергала пламя, глаза горели, как раскаленные угли, морда, загривок и грудь были обведены мерцающим пламенем. Никогда свихнувшийся ум в самом беспорядочном бреде не мог бы представить себе ничего более дикого, более ужасного, более адского, чем эта темная фигура со звериною мордой, выскочившая на нас из стены тумана.

Длинными прыжками неслась громадная черная тварь по тропинке, следуя по пятам за нашим другом. Мы так были парализованы этим внезапным появлением, что не успели опомниться, как она проскакала мимо нас. Тогда Холмс и я разом выстрелили, и ужасный рев доказал нам, что один из нас по крайней мере попал в цель. Однако же, она продолжала нестись вперед. Мы видели, как далеко от нас на тропинке сэр Генри оглянулся: лицо его, освещенное луною, было бледно, руки в ужасе подняты, и он беспомощно смотрел на страшное существо, преследовавшее его.

Но крик боли, изданный собакою, рассеял все наши опасения. Если она была уязвима, то, значит, она была смертна, и если мы могли ее ранить, то могли и убить. Никогда я не видывал, чтобы человек мог так бежать, как Холмс бежал

в эту ночь. Я считаюсь легким на бегу, но он опередил меня настолько же, насколько я опередил маленького сыщика. Пока мы бежали по тропинке, мы слышали повторенные крики сэра Генри и низкий вой собаки. Я видел, как животное вскочило на свою жертву, повалило его на землю и бросилось к его горлу; но в этот самый момент Холмс выпустил пять зарядов своего револьвера в бок свирепой твари. Издав последний предсмертный рев и злобно щелкая зубами на воздух, она повалилась на спину, неистово дергая всеми четырьмя лапами, а затем бессильно упала на бок. Задыхаясь, подбежал и я и приставил свой револьвер к страшной светящейся голове, но бесполезно уже было спускать курок. Исполинская собака была мертва.

Сэр Генри лежал без чувств. Мы разорвали его воротник, и Холмс прошептал благодарственную молитву, когда оказалось, что на шее нет никакой раны и что мы поспели вовремя. Веки нашего друга уже начали подергиваться, и он сделал слабую попытку шевельнуться. Лестрэд влил баронету в рот немного водки из своей фляжки, и тогда на нас уставилась пара испуганных глаз.

— Боже мой! — прошептал он. — Что это такое было? Царь небесный! Что это такое было?

— Что бы оно ни было, оно теперь мертво, — ответил Холмс. — Мы навеки уложили ваше родовое привидение.

Тварь, распростертая перед нами, одними своими размерами и силою была страшна. Это была не чистокровная ищейка и не чистокровный мастиф, но казалась помесью этих двух пород, худая, дикая и величиною с маленькую львицу. Даже теперь, в покое смерти, из громадных челюстей точно капало голубоватое пламя, и маленькие, глубоко посаженные свирепые глаза были окружены огненным сиянием. Я опустил руку на сверкавшую морду, и когда отнял ее, то мои пальцы тоже засветились в темноте.

— Фосфор! — сказал я.

— Да, хитрый препарат фосфора, — подтвердил Холмс, нюхая мертвое животное. — Он не имеет никакого запаха, который мог бы препятствовать чутью собаки. Мы очень виноваты перед вами, сэр Генри, тем, что подвергли вас такому испугу. Я ожидал встретить собаку, но не такую тварь, как эта. К тому же туман не дал нам времени принять ее.

— Вы спасли мне жизнь.

— Подвергнув ее сначала опасности. Чувствуете ли вы себя достаточно сильным, чтобы встать?

— Дайте мне еще глоток водки, и я буду готов на все. Так! Теперь не поможете ли вы мне встать? Что вы намерены делать?

— Оставить вас здесь. Вы не пригодны для дальнейших приключений в эту ночь. Если вы подождете, то кто-нибудь из нас вернется с вами в голль.

Сэр Генри пробовал двинуться, но он все еще был страшно бледен, и все члены его дрожали. Мы подвели его к скале, около которой он сел, весь дрожа и закрыв лицо руками.

— Теперь мы должны вас покинуть, — сказал Холмс. — Нам следует довершить свое дело, и тут важна каждая минута. Мы установили факт преступления, остается схватить преступника.

— Тысяча шансов против одного застать его теперь дома, — продолжал Холмс, когда мы быстро шли обратно по тропинке. Выстрелы наверное дали понять ему, что игра его проиграна.

— Мы находились довольно далеко, и туман мог заглушить звук выстрелов.

— Можно быть уверенным, что он следовал за собакою, чтобы отозвать ее. Нет, нет, он наверное исчез! Но мы все-таки обыщем дом, чтобы вполне удостовериться.

Парадная дверь была отперта; мы бросились в

дом и перебегали из комнаты в комнату, к удивлению встретившего нас в коридоре шатавшегося от старости слуги. Нигде не было освещения, кроме столовой, но Холмс снял лампу и не оставил ни одного угла в доме неисследованным. Нигде не было признаков человека, которого мы искали. Но в верхнем этаже дверь одной из спален была заперта на ключ.

— Тут есть кто-то! — воскликнул Лестрэд. — Я слышу движение. Откройте эту дверь.

Изнутри доходили до нас слабые стоны и шуршанье. Холмс ударил ступней в дверь как раз над замком, и она открылась настежь. С револьверами наготове мы все бросились в комнату.

Но в ней не было никаких признаков отчаянного и отъявленного негодяя, которого мы ожидали увидеть. Вместо этого нашим взорам представилось нечто столь странное и столь неожиданное, что мы несколько секунд смотрели с удивлением.

Комната имела вид маленького музея, и по стенам были расставлены целые ряды ящиков с стеклянными крышками, наполненных коллекциею бабочек и молей, собирание которой составляло развлечение этого сложного и опасного человека. На середине комнаты стояло

вертикально бревно, подведенное тут когда-то для поддержки поеденных червями балок, на которых держалась крыша. К этому столбу была привязана фигура, настолько тесно обернутая и закутанная с головою простынями, что на первый взгляд нельзя было разобрать, мужчина это или женщина. Одно полотенце обхватывало голову и было прикреплено к столбу. Другое покрывало нижнюю часть лица, и над ним два черных глаза, полных выражения горя, стыда и ужасного вопроса, пристально смотрели на нас. В одно мгновение разорвали мы все узы, и миссис Стаплтон свалилась на пол. Когда ее красивая голова упала ей на грудь, я увидел вокруг ее шеи отчетливый красный знак от удара плетью.

— Животное! — воскликнул Холмс. — Лестрэд, давайте сюда свою фляжку! Посадите ее на стул! Она упала в обморок от жестокого обращения и слабости.

Она снова открыла глаза.

— Спасен ли он? — спросила она. — Убежал ли он?

— Он не может убежать от нас, сударыня.

— Нет, нет, я говорю не о муже. Сэр Генри? Спасен ли он?

— Спасен.

— А собака?

— Убита.

Она издала глубокий вздох облегчения.

— Слава Богу! Слава Богу! О негодяй! Посмотрите, что он сделал со мною, — воскликнула она, засучивая рукава, и мы с ужасом увидели, что руки ее были все в синяках. — Но это ничего! ничего! Он истерзал и осквернил мою душу! Я все могла выносить: дурное обращение, одиночество, жизнь, полную разочарований, все, пока могла питать надежду, что он меня любит, но теперь я знаю, что была только его орудием и что он обманывал меня.

— Видимо, вы не относитесь к нему доброжелательно, — сказал Холмс. — Так откройте нам, где его найти. Если вы когда-нибудь помогали ему делать зло, так теперь, ради искупления, помогите нам.

— Есть одно только место, куда он мог убежать, — ответила она. — В самом центре трясины существует на островке старый заброшенный оловянный рудник. Там держал он свою собаку и там же он приготовил себе убежище. Туда только и мог он скрыться.

Стена тумана упиралась в самое окно. Холмс поднес к нему лампу.

— Посмотрите, — сказал он. — Никто не мог бы сегодня найти дорогу в Гримпенскую трясину.

Она рассмеялась и захлопала в ладоши. Глаза и зубы ее разгорелись свирепою радостью.

— Он мог найти дорогу туда, но оттуда никогда. Как может он сегодня ночью увидеть вехи? Мы вместе с ним расставляли их, чтобы наметить тропинку через трясину. Ах, если бы я только могла сегодня вынуть их. Тогда он был бы в ваших руках.

Для нас было очевидно, что всякое преследование будет тщетно, пока не рассеется туман. Мы оставили Лестрэда охранять дом, а сами отправились с баронетом в Баскервиль-голль. Нельзя было уже больше скрывать от него историю Стапльтонов, но он мужественно вынес удар, когда узнал истину о женщине, которую любил. Однако же, приключения этой ночи потрясли его нервы, и к утру он лежал в бреду, во власти жестокой горячки, и доктор Мортимер сидел около него. Им суждено было сделать вместе путешествие вокруг света прежде, чем сэр Генри стал снова тем здоровым, бодрым человеком, каким он был, пока не сделался хозяином злосчастного поместья.

А теперь я быстро заканчиваю этот ориги-

нальный рассказ, в котором я старался, чтобы читатель делил с нами страхи и смутные догадки, которые так долго омрачали наши жизни и окончились так трагически. К утру туман рассеялся, и миссис Стаплтон проводила нас до того места, с которого начиналась тропинка через трясину. Когда мы увидели, с какою горячностью и радостью эта женщина направляла нас по следам своего мужа, мы поняли, как ужасна была ее жизнь. Мы оставили ее на узком полуострове твердого торфа, который вдавался в трясину. От его оконечности маленькие прутья, кое-где воткнутые, указывали, где тропинка, извиваясь, проходила от одной группы тростников к другой, между покрытыми зеленою плесенью пропастями трясины, непроходимой для незнающего человека. От гниющего тростника и тины шел запах разложения, и тяжелый, полный миазмов пар ударял нам в лицо, между тем как от неверного шага мы не раз погружались по колено в черную дрожавшую трясину, которая мягкими волнами расходилась на ярды вокруг наших ног. Когда мы шли, она, как клещами, схватывала нас за пятки; когда же мы погружались в нее, то казалось, что вражеская рука силою тащит нас в эту зловещую глубину. Один только раз увидели мы,

что кто-то прошел по этому опасному пути до нас. Среди клочка болотной травы виднелся какой-то темный предмет. Холмс, сойдя с тропинки, чтобы схватить его, погрузился по талию и, если бы тут не было нас, чтобы вытащить его, он никогда уже больше не ступил бы на твердую землю. Он держал в руке старый черный сапог. Внутри его было напечатано на коже «Мейерс, Торонто».

— Эта находка стоит грязевой ванны, — сказал Холмс. — Это пропавший сапог нашего друга сэра Генри.

— Который Стаплтон бросил здесь, спасаясь от нас.

— Именно. Сапог остался у него в руках после того, как он воспользовался им для того, чтобы пустить собаку по следам сэра Генри. Он бежал, когда увидел, что игра его проиграна, и в этом месте швырнул сапог. Мы знаем, по крайней мере, что до этого места он благополучно добежал.

Но больше этого нам никогда не суждено было узнать, хотя о многом мы могли догадываться. Не было никакой возможности увидеть следы ног на трясине, потому что подымающаяся тина моментально заливала их; когда же мы достигли твердой земли и стали жадно разыскивать эти следы, то не нашли ни малейшего признака их.

Если земля не обманывала, то Стаплтону так и не удалось достигнуть своего убежища на островке, к которому он стремился сквозь туман в эту последнюю ночь.

Этот холодный и жестокий человек похоронен в центре Гримпенской трясины, в глубине зловонного ила громадного болота.

Много его следов нашли мы на островке, на котором он прятал своего дикого союзника. Громадное двигательное колесо и шахта, наполовину наполненная щебнем, указывали, что тут когда-то была копь. Около нее были разбросаны развалины хижин рудокопов, которых, вероятно, выгнали отсюда зловонные испарения окружающего болота. В одной из них скоба и цепь, с множеством обглоданных костей, указывали место, где помещалась собака. На полу лежал скелет с приставшим к нему пучком коричневой шерсти.

— Собака! — сказал Холмс. — Боги мои, да это кудрявый спаньель! Бедный Мортимер никогда больше не увидит своего любимца. Ну, а теперь я думаю, это место не заключает в себе больше таких тайн, в которые мы бы уже не проникли. Стаплтон мог спрятать свою собаку, но не мог заглушить ее голоса, и вот откуда шли эти крики,

которые даже и днем неприятно было слышать. В случае крайности он мог бы держать собаку в сарае, в Меррипите, но это было рискованно, и только в последний день, когда он думал, что конец всем его трудам, он рискнул это сделать.

Тесто в этой жестянке, без сомнения, та светящаяся смесь, которою он мазал животное. Его, конечно, навела на эту мысль фамильная легенда об адской собаке и желание напугать до смерти старика сэра Чарльза. Неудивительно, что несчастный каторжник бежал и кричал (так же, как и наш друг, и как поступили бы и мы сами), когда он увидел, что такая тварь скачет во мраке болота по его следам. Это была хитрая выдумка, потому что какой крестьянин осмелился бы поближе познакомиться с такою тварью, увидев ее мельком на болоте, а мы знаем, что многие ее видели.

Я говорил в Лондоне, Ватсон, и повторяю теперь, что никогда не приходилось нам преследовать человека более опасного, чем тот, который лежит теперь там.

Сказав это, Холмс простер руку по направлению к громадному пространству трясины, испещренной зелеными пятнами и сливающейся на горизонте с болотом.

XV. Взгляд назад

Был конец ноября, и мы с Холмсом сидели в сырой туманный вечер у пылающего камина нашей гостиной в Бекер-стрите. Мой друг был в отличном расположении духа, вследствие удачного разрешения целого ряда трудных и важных дел, а потому я мог навести его на разговор о подробностях баскервильского дела. Я терпеливо ожидал этой удобной минуты, потому что знал, что Холмс никогда не допустит смешивать дела, и что его ясный и логический ум не отвлечется от настоящей работы ради воспоминаний о прошлом. Но сэр Генри находился с доктором Мортимером в Лондоне, готовясь к длинному путешествию, которое было предписано для восстановления его пошатнувшейся нервной системы. В этот самый день они навестили нас, а потому естественно было навести разговор на этот предмет.

— Весь ход событий, — сказал Холмс, — с точки зрения человека, называвшего себя Стаплтоном, был прост и прямолинеен, хотя нам, не знавшим вначале мотивов его действий и познакомившимися только с некоторыми фактами, все казалось

чрезвычайно сложным. Мне удалось два раза говорить с миссис Стапльтон, и в настоящее время дело вполне выяснилось, и я не думаю, чтобы для нас оставалась тут еще какая-нибудь тайна. Вы найдете несколько заметок об этом деле под литерою Б в моем списке дел.

— Не будете ли вы добры сделать мне на словах очерк течения событий в этом деле?

— Конечно, я могу это сделать, хотя не ручаюсь, чтобы все факты сохранились у меня в памяти. Усиленная умственная сосредоточенность имеет куриозное влияние на мозг, вычеркивая из него то, что прошло. Однако же, в том, что касается случая с «собакою», я передам вам ход событий по возможности точно, а вы мне напомните, если я что позабуду.

Мои расследования доказали без всякого сомнения, что фамильный портрет не солгал и что этот молодец в действительности Баскервиль. Он был сыном того Роджера Баскервиля, младшего брата сэра Чарльза, который бежал с запятнанною репутациею в Южную Америку, где и умер, как полагали, холостым. В действительности же он женился и имел одного сына, того самого молодца, настоящее имя которого такое же, как и имя его отца. Этот молодец женился на

Бериле Гарциа, одной из красавиц Коста-Рики и, расхитив значительную сумму общественных денег, переменил свое имя на Ванделер и бежал в Англию, где основал школу в восточной части Йоркшира. Причина, вследствие которой он взялся именно за такого рода дело, заключалась в том, что, во время путешествия, он познакомился с одним чахоточным учителем и воспользовался опытностью этого человека для успешного ведения предприятия. Фрезэр, учитель, однако же, умер, и школа, хорошая в начале, стала падать и приобрела дурную репутацию, а затем даже и позорную. Ванделер нашел удобным переменить свое имя на имя Стаплтон и перенес остатки своего состояния, свои планы на будущее и любовь к энтомологии на юг Англии. Я узнал в Британском музее, что он был признанным авторитетом в этой науке и что одной ночной бабочке, которую он первый описал во время своего пребывания в Йоркшире, было дано название Ванделер.

Теперь мы дошли до той части его жизни, которая оказалась столь интересною для нас. Молодец этот, очевидно, навел справки и узнал, что только две жизни стоят между ним и ценным поместьем. Я думаю, что когда он отправился в Девоншир, планы его были крайне туманны, но

что у него были с самого начала злые намерения, очевидно из того, что он взял с собою жену в качестве сестры. Мысль пользоваться ею, как приманкою, была уже ясно выработана у него в уме, хотя он, может быть, и не знал еще наверное деталей, в какие выльется его замысел. Цель его была — получить поместье, и он готов был употребить всякое оружие и идти на всякий риск ради достижения этой цели. Первым его действием было поселиться как можно ближе к жилищу своих предков, а вторым — завязать дружеские отношения с сэром Чарльзом Баскервилем и с соседями.

Сам баронет рассказал ему легенду о фамильной собаке и тем самым приговорил себя к смерти. Стапльтон, как я буду продолжать называть его, знал, что у старика было плохое сердце и что сильное потрясение может убить его. Это он слышал от доктора Мортимера. Он слышал также, что сэр Чарльз был суеверен и придавал сериозное значение мрачной легенде. Его изобретательный ум тотчас же сообразил, каким путем можно убить баронета и так, чтобы невозможно было приписать его смерть действительному убийце.

Возымев эту идею, он принялся крайне тон-

ко осуществлять ее. Обыкновенный человек удовольствовался бы просто свирепой собакой. Желание же придать ей вид дьявольского существа было проблеском гения с его стороны. Он купил собаку в Лондоне у Росса и Мангльса на Фульгам-роде. Это была самая сильная и самая свирепая из имевшихся у них собак. Он привез ее по северной линии и сделал с нею большой путь пешком по болоту, чтобы привести ее домой незаметно. В своей охоте на насекомых, он уже научился проникать в Гримпенскую трясину и, таким образом, нашел надежное место, где спрятать свою собаку. Тут он посадил ее на цепь и ждал удобного случая.

Но время проходило, а случай не представлялся. Старика нельзя было заманить ночью за пределы его владений. Несколько раз Стапльтон подстерегал его в засаде вместе со своею собакою, но без всякого результата. Во время этих-то бесплодных поисков, — его или, вернее, его союзника видели крестьяне, чем легенда о дьявольской собаке получила новое подтверждение. Он надеялся, что жена его завлечет сэра Чарльза в западню, но тут она неожиданно оказалась независимою. Она не могла согласиться вовлечь старика в сантиментальную привязанность с тем, чтобы предать его

врагу. Ни угрозы, ни даже, увы! удары не могли ее убедить. Она не хотела ни во что вмешиваться, и Стапльтон стал на время в тупик.

Он нашел выход из своих затруднений в том, что сэр Чарльз, привязавшись к нему, сделал его посредником в помощи, которую оказывал несчастной Лауре Ляйонс. Выдавая себя за холостого, Стальптон приобрел большое влияние на нее и дал ей понять, что если она получит развод от мужа, то он женится на ней. Вдруг оказалось, что его планы должны быть немедленно приведены в исполнение, потому что он узнал, что сэр Чарльз, по совету доктора Мортимера, с которым он сам, как будто, соглашался, должен был покинуть голль. Ему приходилось не терять ни одной минуты, иначе жертва могла очутиться вне его власти. Поэтому он произвел давление на миссис Ляйонс, чтобы она написала письмо, в котором умоляла бы старика дать ей возможность поговорить с ним вечером накануне своего отъезда в Лондон. Затем, под благовидным предлогом, он отговорил ее идти на свидание и, таким образом, добился случая, которого ожидал.

Возвратившись вечером из Кумб-Трасея, он имел еще время достать свою собаку, намазать ее своим адским составом и привести ее к калит-

ке, у которой он знал, что старик будет ждать. Собака, побуждаемая своим хозяином, перепрыгнула через калитку и преследовала несчастного баронета, который с криками бежал вниз по аллее. И, право, страшное должно было быть то зрелище, когда в мрачном туннеле громадная черная тварь с огненною пастью и пламенными глазами скакала за своею жертвою. Старик пал мертвым в конце аллеи от паралича сердца и ужаса. Собака бежала по заросшей травою полосе, а баронет по дорожке, потому и видны были только следы человеческих ног. Видя, что он лежит, собака подошла, вероятно, к нему, обнюхала его и, убедившись, что он мертвый, вернулась назад. Тогда-то она и оставила следы своих лап, замеченные доктором Мортимером. Собака была отозвана и поспешно водворена в свое логовище в центре Гримпенской трясины, и осталась тайна, над которой власти ломали голову, которая напугала окрестных жителей и, наконец, привела дело в сферу наших наблюдений.

Вот и все, что касается смерти сэра Чарльза Баскервиля. Вы замечаете, какая тут была употреблена дьявольская хитрость, так как в действительности почти немыслимо было возбудить дело против истинного убийцы. Единственным

его соучастником было существо, которое не могло выдать, и бессмысленность, непостижимость характера этой выдумки делала ее еще более надежною. Обе женщины, замешанные в этом деле, миссис Стаплтон и миссис Лаура Ляйонс, имели сильные подозрения против Стаплтона. Миссис Стаплтон знала, что он имел замыслы против старика, и ей также было известно существование собаки. Миссис Ляйонс не знала ни того, ни другого, но на нее произвела впечатление смерть, случившаяся как раз в минуту назначенного и не отмененного ею свидания, о котором было известно одному только Стаплтону. Но обе находились под его влиянием, и ему нечего было их бояться. Первая половина его задачи была удачно выполнена, но оставалось осуществить еще самую трудную ее часть.

Возможно, что Стаплтон и не знал о существовании наследника в Канаде. Во всяком случае, он очень скоро узнал о нем от своего друга доктора Мортимера, который передал ему и все подробности, относившиеся к приезду сэра Генри Баскервиля. Прежде всего Стаплтону пришло в голову, что с этим молодым канадцем можно, пожалуй, покончить в Лондоне, не дав ему вовсе возможности приехать в Девоншир. Он не до-

верял своей жене с тех пор, как она отказалась поставить ловушку старику, и вместе с тем он боялся надолго оставить ее без себя, из опасения утратить свое влияние над нею. Вот почему он взял ее с собою в Лондон. Я узнал, что они остановились в отеле Мексборо, в Кравен-стрите, вошедшем в число тех отелей, которые посетил мой агент в поисках за доказательствами. Тут Стаплтон держал свою жену взаперти, пока сам, с приставною бородою, следил за доктором Мортимером до Бекер-стрита, затем до станции и до Нортумберландского отеля. Его жена почуяла что-то из его планов; но она питала такой страх к своему мужу, страх, основанный на жестоком обращении, что не смела написать сэру Генри, чтобы предупредить его о грозившей ему опасности. Если бы письмо попало в руки Стаплтона, то и ее жизнь оказалась бы в опасности. Наконец, она, как мы знаем, прибегла к способу вырезать из газеты слова и составить из них послание; для адреса же она подделала свой почерк. Письмо дошло до баронета, и он, таким образом, получил первое предостережение о грозившей ему опасности.

Для Стальптона было крайне важно добыть какую-нибудь часть одежды сэра Генри, чтобы

в случае, если ему придется пользоваться собакою, он мог бы всегда пустить ее по его следу. С свойственною ему быстротою и дерзостью он сразу же устроил это дело, и мы не можем сомневаться, что горничная отеля была щедро подкуплена, если она помогла ему исполнить его намерение. Однако ж, случилось так, что первый добытый для него сапог был новый, а следовательно непригодный для его цели. Он вернул его и получил другой. Это был очень поучительный инцидент, так как окончательно доказал мне, что мы имеем дело с настоящею собакою, потому что никакое другое предположение не могло объяснить непременного желания получить именно старый, а не новый сапог. Чем бессмысленнее и смешнее инцидент, тем тщательнее следует его анализировать, и то обстоятельство, которое как будто усложняет дело, оказывается самым пригодным для его разъяснения, только нужно его должным образом и научно расследовать.

Затем на следующее утро нас посетили наши друзья, и за ними продолжал следить Стапльптон, сидя в кэбе. Из его знакомства с нашим помещением и с моею наружностью, а также из всего его поведения, я склонен вывести заключение, что преступная карьера Стапльтона далеко

не ограничивается баскервильским делом. Многозначителен тот факт, что за последние три года на западе были совершены четыре значительные наглые кражи со взломом, и ни в одном из этих четырех случаев виновный не был арестован. Последняя из них, совершенная в мае в Фолгкстон-Корте, замечательна хладнокровным убийством из револьвера полицейского, заставшего замаскированного одинокого вора. Я не могу сомневаться в том, что Стапльтон добывал таким образом недостающие ему средства к жизни, и что в течение многих лет он был отчаянным и опасным человеком.

Мы имели образчик его находчивости в то утро, когда он так удачно скрылся от нас, а также его дерзости, когда он сделал мне вызов, дав кучеру мое собственное имя. С этой минуты он понял, что я взялся за это дело в Лондоне, и что потому здесь ему нечего ожидать успеха. Он вернулся в Дартмут и стал ожидать приезда баронета.

— Постойте, — сказал я, — вы бесспорно правильно передали последовательный ход событий, но есть один пункт, который вы оставили неразъясненным. Что сталось с собакою, когда ее хозяин был в Лондоне?

— Я обратил внимание на этот вопрос, и он, ко-

нечно, имеет некоторое значение. Не может быть сомнения, что Стальптон имел поверенного, хотя вряд ли он отдавал себя в его власть, знакомя его со всеми своими планами. В Меррипит-гаузе находился старый слуга по имени Антони. Его связь с Стаплтонами может быть прослежена за несколько лет, — до самого того времени, когда они содержали школу, так что он должен был знать, что его господин и госпожа — муж и жена. Человек этот исчез. Многозначителен тот факт, что Антони необычное имя в Англии, между тем как Антонио — имя очень распространенное во всех испанских и испано-американских странах. Этот человек, так же, как и миссис Стаплтон, говорил хорошо по-английски, но с каким-то странным акцентом. Я сам видел, как этот человек шел через Гримпенскую трясину по тропинке, отмеченной Стаплтоном. Поэтому весьма вероятно, что в отсутствие хозяина он заботился о собаке, хотя мог и не знать, для какой цели содержится это животное.

Затем Стаплтоны вернулись в Девоншир, куда вскоре поехали и вы с сэром Генри. Теперь скажу несколько слов о том, что я делал в то время. Вы, может быть, помните, что когда я рассматривал бумагу, на которой были наклеены печатные

слова, то тщательно исследовал водяной знак. Делая это, я держал бумагу близко к глазам и почувствовал легкий запах духов белого жасмина. Существует семьдесят пять сортов духов, которые эксперт по расследованию преступлений должен непременно умет различать, и многие дела, по моим сведениям, не раз зависели от быстрого узнавания сорта духов. Запах духов заставил меня подумать об участии в этом деле дамы, и мои мысли уже направились к Стаплтонам. Таким образом я убедился в существовании собаки и догадался, кто преступник, прежде, чем мы отправились на запад.

Моим делом было следить за Стаплтоном. Но, очевидно, я не мог бы этого исполнить, если бы находился с вами, так как тогда он был бы настороже. Поэтому я обманул всех, в том числе и вас, и приехал в Девоншир, между тем как все думали, что я в Лондоне. Я не так бедствовал, как вы воображали, хотя такие пустяшные подробности никогда не должны входить в счет при расследовании дела. Большую часть времени я жил в Кумб-Трасее и только тогда пользовался хижиною на болоте, когда необходимо было быть по близости места действия. Со мною приехал Картрайт и, переодетый деревенским мальчиком,

был очень полезен мне. Его обязанностью было заботиться о моем пропитании и чистом белье. Пока я следил за Стаплтоном, Картрайт часто следил за вами, так что я сразу знал обо всем.

Я уже говорил вам, что ваши донесения доходили до меня очень быстро, так как их немедленно пересылали из Бекер-стрит в Кумб-Трасей. Они были очень полезны мне и в особенности случайно верный отрывок из биографии Стаплтона. Я мог восстановить подлинность как мужа, так и жены, и узнал, наконец, в точности, чего мне было держаться. Дело значительно усложнилось инцидентом с беглым каторжником и его родством с Барриморами. И это вам удалось прекрасно выяснить, хотя я уже пришел к тому же заключению, благодаря своим собственным наблюдениям.

К тому времени, когда вы нашли меня на болоте, я уже вполне был знаком со всеми обстоятельствами, только у меня не было в руках дела, которое я мог бы представить в суд присяжных. Даже покушение Стаплтона на жизнь сэра Генри в ту ночь, когда погиб несчастный каторжник, не много нам помогло для доказательства замышляемого против нашего клиента убийства. Не оставалось другого выхода, как схватить убийцу

на месте преступления, а для этого нам нужно было пустить сэра Генри как приманку, одного, и по-видимому, беззащитного. Мы так и сделали и ценою сильного потрясения, нанесенного нашему клиенту, нам удалось закончить дело и довести Стапльтона до погибели. Я должен признаться, что можно поставить в упрек моему ведению дела то, что я подверг сэра Генри такому испытанию, но мы не имели возможности предвидеть страшного и потрясающего зрелища, которое представила собака, а также не могли предвидеть тумана, который дал ей возможность неожиданно выскочить на нас. Мы достигли своей цели ценою, которую оба врача — и специалист и доктор Мортимер — положительно считают преходящею. Длинное путешествие даст возможность нашему другу не только укрепить расшатанные нервы, но излечит и сердечные раны. Его любовь к миссис Стапльтон была глубока и искренна, и для него самою печальною стороною этого мрачного дела является тот факт, что он был обманут ею.

Остается мне только указать, какую роль она играла во всем этом. Не может быть сомнения, что Стапльтон имел на нее влияние, которое можно объяснить или любовью или страхом,

а может быть и тем и другим вместе, так как, эти оба чувства вполне совместимы. Во всяком случае влияние его было вполне действительное. По его приказанию она согласилась слыть за его сестру, хотя его власти над нею были положены границы, когда он пытался сделать из нее прямую пособницу в убийстве. Она готова была предостерегать сэра Генри настолько, насколько могла, не выдавая своего мужа, и она не раз пробовала это делать. Сам Стапльтон как будто был способен ревновать и когда увидел, что баронет ухаживает за его женою, хотя это и входило в его планы, он не мог не прервать этого ухаживания страстною вспышкою, обнаружившей пламенную душу, которую он так умело скрывал под своим самообладанием. Поощряя дружеские отношения, Стапльтон был уверен, что сэр Генри будет часто приходить в Меррипит-гауз и что рано или поздно он дождется желаемого удобного случая. Но когда настал критический момент, жена вдруг восстала против него. Она кое-что прослышала о смерти беглого каторжника и знала, что собака будет заперта в сарай в тот вечер, когда сэр Генри должен был прийти обедать. Она обвинила мужа в замышляемом убийстве, а затем последовала дикая сцена, во время которой он впервые ска-

зал ей, что у нее есть соперница в его любви. Ее верность сразу превратилась в сильную ненависть, и он увидел, что она непременно выдаст его. Поэтому он связал ее, чтобы лишить возможности предостеречь сэра Генри, и надеялся, конечно, что когда вся страна припишет смерть баронета родовому проклятию (что непременно должно было случиться), — он снова одержит победу над женою, заставив ее примириться с совершившимся фактом и хранить молчание относительно всего, что она знает. Мне кажется, что в этом отношении он ошибался в расчете и если бы нас даже и не было на месте, его приговор все-таки был бы подписан. Женщина с испанскою кровью в жилах не так легко прощает подобное оскорбление. А теперь, милый Ватсон, я не могу, не прибегая к своим заметкам, дать вам более подробный отчет об этом любопытном деле. Мне кажется, что ничего важного не осталось необъясненным.

Он не мог надеяться напугать сэра Генри до смерти своею собакою-привидением, как он это сделал со стариком-дядею.

Животное было свирепое и голодное. Если бы его появление и не испугало жертвы до смерти, то оно по крайней мере лишило бы ее всякой

способности к отпору.

— Без сомнения. Остается еще один вопрос. Если бы Стапльтону удалось получить наследство, каким образом объяснил бы он тот факт, что он, наследник, жил так близко от поместья, скрываясь под чужим именем? Каким образом мог бы он заявить свои права на наследство, не возбудив подозрения и следствия?

— Он был бы в страшном затруднении, и я боюсь, что вы слишком много требуете от меня, если ожидаете, что я разрешу этот вопрос. Прошлое и настоящее входят в область моих расследований, но как человек может поступить в будущем на это очень трудно ответить. Миссис Стапльтон говорит, что ее муж не раз обсуждал эту дилемму. Из нее можно было бы выйти тремя способами. Стапльтон мог, удостоверив подлинность своей личности в Южной Америке, оттуда требовать свое наследство, не приезжая в Англию; или же он мог прибегнуть к искусному переряжению на короткое время, которое ему необходимо было бы пробыть в Лондоне; или же, наконец, он мог добыть себе соучастника, которому он передал бы все доказательства своей личности и бумаги и выдал бы его за наследника, выговорив себе за это известную часть дохода. Из того, что мы

знаем о нем, мы не можем сомневаться, что он, тем или иным путем, вышел бы из затруднения. А теперь, милый Ватсон, мы провели несколько недель в тяжелой работе, и я думаю, что на один вечер мы можем обратить свои мысли на более приятные предметы. У меня есть ложа на «Гугеноты». Слыхали ли вы Решке? Могу я вас попросить быть готовым через полчаса, и мы, до оперы, пообедаем в ресторане Марцини.